

НАТАЛЬЯ ИГНАТОВА

ЧУЖАЯ ВОЙНА

18+

Наталья Игнатова

Чужая война

<https://litres.ru/74538352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все достигнуто, все свершено. И отчего бы не подвигать живые фигурки по расчерченной тобою доске Бытия? Ставка предельно высока. Новая война нависает над миром. Пророки предвещают конец света. Поднимаются из могил мертвецы. Погибают драконы, а их повелитель сходит с ума, оставшись в одиночестве. Игра идет. Но не все так просто. И вот уже Четверо, не желая быть пешками, спрыгивают с доски и берут игроков за горло. И стремительный росчерк Меча устанавливает в Игре свои правила.

Содержание

ПРОРИЦАНИЕ	7
ФИГУРЫ	9
Воеводство Уденталь. Город Надерна	9
Тресса де Фокс	9
1	13
Королевство Румия. Монастырь Жерара	15
Беспощадного	
1	17
Воеводство Уденталь. Город Надерна	21
Тресса де Фокс	21
Королевство Румия. Монастырь Жерара	31
Беспощадного	
1	31
2	33
Воеводство Уденталь. Город Надерна	38
1	38
2	40
3	45
4	46
Эльрик де Фокс	49
Султанат Эзис. Город Табад	54
1	54
2	57

Воеводство Уденталь. Город Надерна	63
1	63
2	66
3	69
4	71
5	77
6	80
7	82
8	84
9	86
Эльрик де Фокс	92
10	95
11	100
12	104
Султанат Эзис. Город Мерад	105
1	105
Воеводство Уденталь – воеводство Карталь	111
1	111
2	113
3	121
Султанат Эзис. Город Мерад	123
1	123
2	128
Воеводство Уденталь – воеводство Карталь	130
Эльрик де Фокс	130
1	136

2	138
Тресса де Фокс	141
4	152
5	155
6	162
Эльрик де Фокс	164
7	173
8	178
9	182
10	183
Готская империя. Готхельм	188
1	188
Воеводство Карталь. Столица	195
1	195
Воеводство Карталь – герцогство Аквитон.	199
Дорога на город Лоску	
Эльрик де Фокс	199
1	203
Эльрик де Фокс	208
Герцогство Аквитон. Город Лоска	212
1	212
2	218
Элидор	221
3	223
4	226
Эльрик де Фокс	229

Наталья Игнатова

Чужая война

ПРОРИЦАНИЕ

Внемлите мне, ибо знаю я, что будет и как будет.

Внемлите мне, ибо поведаю вам то, что предначертано звездами.

Внемлите мне, ибо то, что я расскажу, свершится.

Будет мир, и будет мир жить по своим законам, и порядок в нем будут определять лишь светила небесные.

Будет мир, и будут все жить в этом мире, радея за него и украшая его.

Будет мир, но все на этом свете бывает лишь на время.

Будет Свет и будет Тьма, и будут они вместе, и будут они враждовать, но быть друг без друга не смогут. Будет Свет и будет Тьма, и забудут все, что так было всегда, и схватятся в битве между собою.

Будет Игра, и правила той Игры станут камнем на шее у Игроков.

Будет Игра, и выигравший будет плакать, но и проигравший радости не обретет.

Будет игра, и призом в той игре станет страх, и сойдут светила с путей своих, и мир встанет на краю пропасти.

Будет Четверо, те, кого посчитают за фигуры, и поставят на доску.

Будет Четверо, и фигуры станут игроками, и сойдутся Цветок и Сталь, Смех и Расчет, и доска станет ареной, а зрители – фигурами.

Будет Четверо, и мир на краю пропасти встанет на дыбы, и будет уже поздно что-то менять.

Будет война, и реки потекут кровью, а поля вместо хлебов родят мечи и копья.

Будет война, и Четверо пронесут ее по всему миру, и не будет преград для той войны.

Будет война, и мир рухнет в пропасть, и будет лететь долго, и крик умирающего будет исторгаться из его глотки.

И все кончится.

Райяз Харрул, Верховный Жрец храма Ста Смертей, Постигший Тайное, Тот, Кто Ведет За Грань.

ФИГУРЫ

Воеводство Уденталь. Город Надерна

Тресса де Фокс

Цветущие яблони поднимают настроение даже с дикого похмелья. Я проверяла – знаю. Но с такого похмелья, как у меня в это утро, блевать (извините, конечно) хотелось даже от яблонь. Нечем было. В смысле – никак. Если у вас четыре желудка, расставаться со своим содержимым они не желают даже при настоящем отравлении, я уж не говорю про такую ерунду, как алкогольная интоксикация. А еще говорили, что шефанго никакие яды не берут! Кто говорил? Да я же и говорила. Зачем? Ну... Когда травить пытались, приходилось объяснять. Потому что действительно – не берут. А сегодняшнее утро просто было особенным. Как-никак, а стукнуло мне десять тысяч лет. Не каждый день такой праздник. Через то и похмелье. На юбилеях вообще положено принимать алкоголь в дозах, превышающих разумные, а проще говоря, наливать по самые уши. Ну а уж на таких юбилеях! Никому из моих знакомых за последние несколько сотен навигаций дожить до десяти тысяч лет не удавалось.

Мне удалось.

По-моему, тут есть чем гордиться.

Солнышко встает. Яблони цветут. Денег почти нет. И на-строение препоганейшее. Стоит только осознать – десять ты-сяч! – как оно становится еще поганее. На людей смотреть тошно, как будто в первый раз их рожи вижу. Хвала Богам, немного их пока на улице, людей. А то меня ведь и вскинуть может. Придется тогда из Уденталья уезжать быстрее, чем хо-телось бы.

Уезжать из Уденталья мне не хотелось совсем. Сейчас, по крайней мере. Во-первых, яблони. Как ни крути, а это кра-сиво. Во-вторых, мне-Эльрику сделали пару очень выгодных деловых предложений. Сначала капитан гвардейцев его ми-лости воеводы, а потом командующий флотом. Другой во-прос, что снова наниматься в армию или флот мне совер-шенно не хотелось. Мне-Трессе, в смысле. Я вообще против службы где бы то ни было. Конечно, в мужском обличье я взгляну на это иначе, но когда еще я мужское обличье при-му?

Видели бы меня сейчас мои наставники... Хотя, сейчас-то ладно, а вот вчера! Благородная дама, устроившая грандиоз-ную пьянку в одном из самых паршивых притонов Уденталья. Что поделаешь, люблю я иногда шокировать окружающих.

Ганна не одобрит, конечно. Ну так то Ганна. Вот, кстати, из-за кого уезжать не хочется ну никак. Я ведь уже обещала ей, что останусь.

Но, Великая Тьма, неужели все? Или почти все! Неужели десять тысячелетий действительно прошли, и уже скоро... Смешно, и плакать хочется, Флайфет¹... Скоро, это когда? Через десять лет? Через сто? Через пятьсот? Сколько бы ни было, по сравнению с тем, сколько их прошло – все будет скоро. Домой! Одна беда, чем ближе цель, тем больше нетерпение. Я скоро не то что столетия, я годы считать начну. Когда же?! Когда?! Впрочем, если расслабиться и попытаться поразмыслить, ожидание не так уж страшно. Страшнее будет погибнуть не вовремя. Прошли те времена, когда мне хотелось сдохнуть от безысходности. Прошли, мит перз!² Не дождетесь больше!

Какая-то придурочная девчонка вылетела из-за угла и с размаху врезалась в меня чем-то твердым и угловатым. Больно!

Когда я маску сдернула, я и сообразить не успела, услышала только «грау!» в собственном исполнении, а девочка хлопнулась на мостовую... Почти хлопнулась. Поймала я ее на полдороги, а то ведь расшибется, объясняй потом, что не били ее страшные шефанго по голове, а сама она головой об камень треснулась. Людям много не надо, у них, чуть что –

¹ Флайфет (зароллаш): здесь – ругательство. А вообще так звучит на зароллаше имя Каири Нура, того из двух братьев-богов (Каири Нура и Урани Нура), которому поклоняются эльфы.

² Мит перз (зароллаш): ругательство, которое примерно можно перевести, как «твою мать», с поправкой на то, что у шефанго не бывает матерей.

шефанго виноваты. Скоты! Люди – скоты.

Из-за того же самого угла вылетел Карел Хальпек. Самый обаятельный десятник местной стражи.

Карел не то чтобы остановился, остановиться ему было бы трудно, но в немыслимом пируэте ухитрился развернуться и вместо того, чтобы врезаться в страшную фигуру, выросшую у него на дороге, вписался в ближайшую стену. Больно, конечно, но Карелу гораздо приятнее было удариться о твердый камень, чем нарваться на разъяренную шефанго на пустынной улице.

Оборачиваться Хальпек не спешил, нарочито медленно оползал по стене, призывая всех Богов на помощь и стараясь выкинуть из памяти жуткое нечеловеческое лицо, увиденное мельком, но напугавшее десятника до неожиданной теплой сырости в штанах.

Тресса брезгливо взглянула на Карела. С еще большей брезгливостью посмотрела на бессознательную девушку, которую держала на руках, старательно отодвигая от себя. Потом присвистнула, позабыв про десятника, сгребла девочку в охапку и отправилась туда, куда и шла.

«В «Серую кошку» поперлась, – с ненавистью подумал Хальпек, поднимаясь, наконец на ноги. – Сегодня же десяток туда отправлю... Нет. Не сегодня. Завтра».

Выпустив длинную рубаху поверх мокрых штанов и свесив волосы на разбитый о стену лоб, Карел поплелся в сторону казарм. Он не торопился. Потому что к казармам путь

лежал в том же направлении, что и к «Серая кошка». Той самой гостинице, в которой уже не в первый раз снимала комнату Тресса де Фокс. Догонять благородную даму, даже случайно, десятнику совсем не хотелось.

Королевство Румия. Монастырь Жерара Беспощадного

Черный Беркут раздраженно перекладывал бумаги на столе и не смотрел на почтительно ожидающего Элидора.

Элидор ждал. Раздраженность была обычным состоянием отца-настоятеля. Раздражённость и скепсис. Удел большинства крупных начальников.

Черный Беркут оторвался от бумаг и начал хмуро изучать Элидора. Как диковину какую. Элидор внутренне поежился.

– Ты отправишься в Мерад, – бросил наконец Черный Беркут.

Монах изумился. Он был уверен, что вызвали его не более чем для очередного дисциплинарного разноса. Отец-настоятель обожал дисциплинарные разносы и учинял их с удовольствием и глубоким пониманием дела. И за поводом у него это дело не останавливалось.

– Отец Лукас...

– Помолчи, сын мой, и выслушай меня. Ты отправишься в Мерад. Найдешь там сераскира Самуда, шейха «Горных кошек». Неделью назад «кошки» убили отца Якоба, настоятеля обители Кассия Воздающего. Ты ликвидируешь Самуда, заберешь у него перстень с рубином и привезешь этот перстень в ближайший из наших монастырей. Акция показательная,

чем больше шума – тем лучше. Никто не должен забываться и позволять себе неуважение к нам. Вопросы есть?

Вопросы были. Больше, чем хотелось бы. Например, почему в Мерад отправляют его, Элидора. Златостенный город был столицей Эзиса, оплотом джэршэитов³, а Элидор специализировался на Десятиградье и Готской Империи. Это ж другой край материка!

– Экипировка, – буркнул он.

– Получишь у брата-эконома, – Черный Беркут вздохнул.
– Знаю-знаю, все знаю. И специфика не твоя. И отдохнуть ты не успел. Но барбакитов пора напугать, сын мой. А кто может сделать это лучше тебя? Еще вопросы?

Элидор покачал головой.

– Тогда ступай. – Отец Лукас очертил благословляющий Огнь: – Да пребудет с тобой Анлас.

³ Джэршэитство - религия. Ее последователи называются джэршеитами или "озаренными". Верят в Единого Бога, которого называют Джэршэ. Джэршэ противопоставляется сила-антагонист, которую называют Икбер-сарр. Основатель религии, Муджайя-Пламень, привнес в мир новую магию, которую джэршэиты считают не магией, а благословением Джэршэ. Утверждал, при этом, что магия – Зло, поступал с магами соответственно. Магами и убит. Последователи Муджайи успешно продолжили его дело.

Брат-эконом был предупреждён:

– Выбирай, – он сделал широкий жест в сторону оружейных стоек и сундуков. – Кони уже оседланы. Все припасы в сумках.

Элидор прошел прямо к стойке с длинными мечами.

– Опять мой любимый уволокли? – он даже не пытался скрыть недовольство. – Сколько раз говорил, не трогайте Праведника. Так нет же.

– У брата Игнатия выход, – начал оправдываться брат-эконом. – Кто ж знал, что ты и двух дней дома не просидишь?

Элидор не слушал.

«Праведника нет. Вот же люди, просишь их просишь – все без толку. Ну что стоило Игнатию взять не меч, а топор? Ему ж без разницы».

– Доспехи готовь, – скомандовал он. – Кольчугу конную, наручи, поножи. Шлем эзисский подбери.

– Громко едешь? – довольно осклабился брат-эконом.

– Да.

«Пора вытрясать из отца-настоятеля личный меч. Или самому покупать, – привычно думал Элидор, перебирая клинки и прислушиваясь к возне эконома в соседней комнате. – А то это не жизнь. Сегодня одно, завтра – другое. Время тратить на привыкание к новому клинку. А ну как не успею

однажды?»

В этот раз приглянулась аквитонская спата. Легковата чуть, но сойдет. Элидор подобрал к мечу походные ножны и принялся заправлять в перевязь метательные ножи.

«Почему все-таки в Эзис? Что, действительно больше некого? Не верится что-то. Есть у нас спецы, кроме меня. Тот же брат Освальд. Чем не вариант? Или брат Квинт. Он вообще по джэршэитам специализируется. Но отправляют меня. Странно. Ладно, мое дело телячье».

Брат-эконом суетился вокруг, помогая застегивать ремни доспехов. Элидор встряхнул плечами, присел, подпрыгнул. Сойдет. Старый привычный комплект. Кто его утащит? Двухметровых больше нет.

«Может, в этом и дело? Два метра росту, красные глаза, белые космы. Детей пугать хорошо. И еще барбакитов. Квинт пугать не приспособлен. Субтильный, застенчивый, он убивает, а его и не помнит никто. Ни слухов потом, ни разговоров».

По дороге в конюшню Элидор заглянул на огород.

– Шарль, – негромко позвал он. – Уезжаю.

– Перевели? – брат Шарль оторвался от грядки и оглядел Элидора.

Тот покачал головой:

– Боевой выход.

– Ага. Громкий, понятненько. Далеко?

– К исманам.

Шарль присвистнул:

– Весело.

– Пока.

– Удачи.

Элидор хлопнул приятеля по плечу, кивнул и пошел дальше.

Шарль смотрел вслед.

«Странно это, – думал он. – Чудит наш Беркут. Где это видано, чтоб Элидора и к исманам? Он ведь даже языка не знает. И всего два дня как с задания. Брат Павел с ним, конечно, уже работал, – Шарль с отвращением перевел взгляд на грядку, пытаясь вспомнить чем морковные хвостики отличаются от сорняков. – Да. Работал. Но что за два дня сделаешь? Тут не меньше месяца поматрасничать бы».

Он рассеяно потянул первую попавшуюся травину. Вытянул тощенькую морковь. Ругнулся. Без особого, впрочем, чувства.

«Высокая политика? Видать, очень высокая, раз такое творится. На глупость похоже. Если бы не было известно, что Черный Беркут глупостей не делает. Напарник Элидору будет, это ежу понятно. Из тамошних, эзисских, иначе б тут дали. Но что за спешка?»

Поскольку размышления и домыслы не давали ровным счетом никакого результата, брат Шарль какое-то время еще

пытался заниматься прополкой и бездумно выдергивал морковь вместе с сорняками. Довольно быстро он оставил это никчемное занятие. Встал. Отряхнул руки. И отправился в келью настоятеля.

Перед воротами конюшни молоденький послушник держал в поводу двух оседланных и навьюченных коней. Элидор придирчиво перебрал содержимое седельных сумок: еда, запасная одежда, немного денег, всякая полезная мелочь. Порядок. Он приторочил к седлу меч и вскочил на коня. Впереди была дорога.

Воеводство Уденталь.

Город Надерна

Тресса де Фокс

Кто бы мне объяснил, какого лешего делают в Удентале эльфы? Добро бы человеческая девчонка на меня налетела, от доблестного десятника спасаясь – десятник по пьяни до женского полу охоч – я бы ее, конечно, в непосредственной близости от этого кретина оставлять не стала, но уложила бы где-нибудь под забором и пошла своей дорогой. Однако выкидывать эльфийку, как какой-нибудь мусор... это все-таки нехорошо. Хотя лютней своей она мне приложила – мало не покажется. И смех, и грех, впору надевать доспехи, чтобы сходить в кабак. И не потому, что отребья здешнего боюсь, а потому, что сумасшедшие менестрели лютнями дерутся. Хотя от эльфов всего можно ждать. Может, у них расовая ненависть так в кровь впиталась, что они шефанго бить начинают, даже не разобравшись толком, стоит ли это делать.

Кто только шефанго бить не пытается! Другой вопрос, что мало у кого получается... А девочка красивая. Очень красивая. Даже для эльфийки.

...В «Серой кошке» было еще закрыто. Пришлось стучать в дверь ногой, поскольку руки заняты. Стук получился характерный, я-Эльрик так стучу. Не ногой, правда. Зато открыли быстро. Марк всегда быстро открывает, когда я прихожу.

– Милостивый пан... – он осекся и вытаращился на меня. На девочку. Снова на меня. Что-то там себе подумал даже, пока тарашился. Потом вспомнил: – ой, простите, милостивая пани...

– То-то, – наставительно сказала я. Наставительно, чтобы Марку стыдно стало, и он перестал пялиться на эльфийку и прикидывать про себя, сейчас я мужчиной стану или подожду, пока девочка в себя придет.

– Я помогу! – предложил парень с энтузиазмом.

– Ты лучше вина принеси. Мал еще женщин таскать.

– В комнату?

– Ну естественно. Что ж мне, ее здесь на стол укладывать?

Про стол я, пожалуй, зря. Совершенно из головы вылетело, что мы же еще и людоеды, если всем сказкам верить. Ну и эльфоеды, разумеется. В «Серой кошке», конечно, народ без предрассудков, привыкли они ко мне за столько-то лет. Но у Марка сразу вылетела из головы вся похабщина, а морда из розовой стала зеленой.

– Ластами шевели, – напомнила я, направляясь к лестнице.

– Вина какого? – ошалело спросил он. – Вашего любимого.

го, или... – и нерешительно посмотрел на эльфийку.

– Или.

– Понял.

И он исчез.

Хороший парень, не зря я его кормлю. В смысле, прикармливаю. Когда Джозеф помрет, и Марк хозяином станет, меня он привечать будет не меньше, чем его папаша. Труднее всего с Яном было, пра-пра-пра... поди вспомни сейчас... в общем, с самым первым из их предков, с которым я познакомилась.

Марк принес бутылку «Жемчужной росы» едва ли не раньше, чем я поднялась в номер. К дверям мы подошли почти одновременно.

– Молодец, – я уложила девочку на кровать. Бросила парню серебряный.

– Я сейчас сдачу...

– Не надо.

– Благодарствуйте.

– Можешь идти.

– Понял, – вздохнул он. И ушел. У них тут, в «Серой кошке», чем-то вроде совершеннолетия считается со мной выпить. Янов сын, когда я-Эльрик ему первый раз вина предложил, от гордости раздулся как индюк. Еще бы! Удостоился. А потом в традицию вошло. Марк вот, как двенадцать ему стукнуло, все ждет, когда же я его человеком признаю.

«Милостивый пан Эльрик... милостивая пани Тресса...»

Забавные они. Люди. То бояться, то ненавидят, то себя забывают от почтения. Ну да тийсаш дайз готтре⁴. У нас сейчас эльфы на очереди.

Нюхательные соли я разыскала в одном из поясных кармашков, и тут же вспомнила, что давненько не появлялась в обществе, как действительно благородная дама. Даже соскучилась слегка по разговорам, не перемежаемым ругательствами и не сводящимся к трепотне о бабах, о бабах и еще раз о бабах.

Хотя пили вчера знатно. И сегодня. Да и позавчера, если уж на то пошло.

Я поднесла к носу эльфиечки хрустальный флакончик. Девочка вздохнула. Раскрыла огромные темно-синие глазницы. И... выругалась. Да так, что стены покраснели.

– Кого ты имеешь в виду? – поинтересовалась я.

Эльфийка уставилась на меня. Представляю себе. То еще зрелище сразу после обморока-то. Волосы белые. Маска – черная. И в прорезях глаза без зрачков и белков, одна радужка. Между прочим, насыщенного такого алого цвета. Девочка и так не отличалась румянцем. Сейчас она просто позеленела.

– Т-ты... Вы кто?

– Тресса де Фокс. Шефанго.

– Правда?

⁴ Тийсаш дайз готтре – буквально переводится как «они там, где акулы», а если по-человечески, то «акулы с ними».

– А что, непохожа?

– Я не знаю, – эльфиечка моргнула. – Я шефанго не видела.

– Уже видела.

Хотя, конечно, не запомнила она, не успела понять, чего же так испугалась. Я и сама никогда этого не понимала. Лицо у меня как лицо. У людей, на первый взгляд, и пострашнее – гримасничают они все время, рожи корчат, глазами вращают... Ага. А боятся все равно нас, а не их.

– Как тебя зовут-то, менестрелька?

– Кина.

– И каким ветром тебя занесло в человеческие земли?

Она помолчала, разглядывая потолок. Понятное дело, не от хорошей жизни это такое диво объявилось в Удентале и носится по улицам, спасаясь от потерявшей всякий пиетет солдатни. Не захочет говорить – не надо. Все равно скажет.

– Я ушла, – ответила наконец Кина. – На Айнодоре у меня никого нет. И ничего. Мы с мамой жили на самой границе с Орочьими горами. Был набег, а гарнизон отозвали, и мы... нас... Город сожгли. Совсем...

Она осеклась на полуслове, съежилась на кровати, а в синих глазах появилось выражение, которое можно описывать в учебниках по совращению. Классическое, я бы сказала, выражение загнанности и ужаса пополам с непониманием. Когда женщина смотрит *так* – мужчина хватается за меч, готовый защищать ее от любой опасности. Когда *так* смот-

рит красивая женщина – мужчина действительно готов защищать ее хоть от всего мира. Я не была мужчиной. Другой вопрос, что ужас в глазах Кины был настоящим. И загнанность тоже.

– И давно ты на материке? – спросила я, вышибая девочку из ступора. Тут главное действовать пожестче, чтобы она жалеть себя не начала.

– Полгода.

– Ругаться здесь научилась?

– Ругаться?

Я повторила то, что слышала от нее пять минут назад.

– А это ругательство? – искренне удивилась эльфийка. – Я не знала. Я румийского не понимаю, а солдаты оттуда были... Мне слово понравилось. Что оно значит?

Не скажу, чтобы я смутилась. Однако тему решила сменить:

– Пить будешь?

– И есть буду.

Хорошо! Всего за полгода в полной мере набраться настоящей менестрельской наглости – это чего-нибудь да стоит. Я выглянула за дверь – так и есть: Марк околачивался неподалеку. Он тут же сделал вид, что страшно занят, и уставился на меня с выражением готовности к подвигу.

– Что там с завтраком?

– Каша. Со шкварками. Для вас, пани, мать поросенка жарит. Хороший поросенок.

– Да? Интересно, возьмется твоя мама приготовить сви-
нью по имени Карел?

– Если пожелаете, пани, – невозмутимо отвечивал
Марк. – Только забить, извините... – он развел руками.

Хороший парень. Весь в отца. И матушка у него – очень
приятная женщина. Хотя... тетушка Ганна – это вообще пес-
ня отдельная.

– Ладно. Передай маме, что нужно приготовить цыпленка,
– я оглянулась на Кину. Эльфиечка выглядела голодной. –
Лучше двух.

– Понял, – Марк исчез.

Я вернулась в комнату и разлила по кубкам вино.

– А мне говорили, что шефанго везде убивают, – подала
голос менестрелька.

– Попробовали бы!

– Нет. Мне говорили, что вы везде убиваете. Что куда бы
шефанго не пришли, они сперва всех убивают, а потом гра-
бят и насилуют.

– Мертвых?!

– Не знаю... – она задумчиво уткнулась носом в кубок.

Ладно. Чего только нам про эльфов не рассказывали. Я
помню сказки о том, как эльфы сдирали кожу с людей из-за
расхождений в религиозных воззрениях. Нет, кое-кто дей-
ствительно сдирал. Но ведь не все же. Насколько я знаю из
слухов, мой народ тоже не отличается добротой и терпимо-
стью. Однако почву для слухов дают экземпляры с особым

подходом к делу. А таких всегда меньшинство. Хотя... если вспомнить, что меня изгнали за недостаточное рвение в истреблении эльфов. Вот тебе и меньшинство.

А шефанго действительно боятся. Начали бояться, когда мы стали близко общаться со смертными.

Здесь, в Удентале, навигаций сто назад, как раз, когда закончились религиозные гонения, народ был понаглее. С Хранителем помирились, Огненосные войска поразогнали, анласитские⁵ умонастроения – не в чести. И когда я-Эльрик приехал в воеводство с Востока, прибить меня не пытались только потому, что полагали, будто за мной вскорости еще полусотня придет. Таких же.

Как раз тогда и случился большой скандал в «Серой кошке». Ян от меня шарахался, а мне не нужно было ничего, кроме покоя и тишины, так что нас обоих положение устраивало, пока несколько панов навеселе, решивших провести вечер в «Кошке», не начали домогаться Яновой жены. Ян попытался им объяснить, что не дело это – так себя вести. Удентальское панство, конечно, люди, можно сказать, ува-

⁵ Анласитство - религия. Ее последователи называются анласитами или "опаленными". Верят в Единого Бога, которого называют Творцом. Творцу противопоставляется сила-антагонист, которую называют Рилдиром. Основатель религии, Нолрэ Анлас, привнес в мир новую магию, которую анласиты считают не магией, а благословением Творца. Анлас утверждал, что среди принявших дары Творца, есть добрые и злые маги. "Злых" убивал без жалости. Магами и убит. Его последователи начали резать магов без разбору. И вырезали. Анласиты считают, что Анлас (Святой Огнь), Опаляя душу, делает ее бессмертной. Соответственно, все неопаленные бессмертной души не имеют.

жаемые, но к чужим-то женам как-то оно не принято.

Он объяснял, а его не слышали. Слово за слово, хвостом по столу, гости раздухарились, повысили голоса и начали Яна нехорошо обзывать. Он с ними все миром разойтись пытался. Может, и разошелся бы, но меня тогда любой шум нервировал... и я, потеряв терпение, объяснил гостям за мою расшатанную душевную организацию. Объяснил, кажется, на зароллаше – у меня по пьяни всегда родной язык прорывается. Ну да они и на зароллаше поняли.

Ян в истерике бился. Кричал, что теперь и меня, и его, и его жену, и его сына, и даже его дочку замужнюю, которая в Гиени живет... Короче, что всем нам плохо будет. Этим же вечером я еще десяток мстителей разогнал. А на следующий день их двадцать пять пришло. Ну, тогда я за топор взялся... Мне ни за членовредительство, ни даже за убийство потом слова плохого не сказали – по странному совпадению, смерть нашла именно того пана, от которого и местная стража претерпевала.

Яна после моего отъезда снова попробовали обидеть. Я бы, может, плюнул на это да забыл, но он во время того побоища со мной рядом мечом отмахивался. А такое не забывается. В Удентале тогда попадались порядочные трактирщики, им только стимул нужен был. Я через полгода вернулся, узнал о безобразии, нашел пана, который бучу затеял. Ну и... гарантировал Яну неприкосновенность.

С тех пор я в «Серой кошке» – желанный гость. А кроме

того, и в Удентале ко мне попривыкли. Это греет. Должно же быть в мире место, где от тебя не шарахаются, осеняя себя Огнем.

Королевство Румия. Монастырь Жерара Беспощадного

1

Широкий, вымощенный камнем тракт тянулся за горизонт. Синее небо. Крохотные зеленые рощицы. Ухоженные, издалека кажущиеся даже симпатичными деревеньки. Ехать бы и ехать. Радоваться жизни, солнцу, хорошей погоде.

Элидор хмуро смотрел на окружающую его благодать, перебирал в пальцах поводья и машинально, без должного чувства, благословлял изредка попадававшихся на дороге селюков⁶. Селюки, впрочем, понятия не имели, что такое благословение бесполезно, и принимали знак Огня с благодарностью. Эта их тупость раздражала Элидора не меньше, чем безмятежное свиристение птиц.

«С ума все посходили, что ли? – монах без всякого интереса скользнул взглядом по стройной, потупившей глаза девушке, спешащей куда-то с корзинкой. – Что я там сделаю, в этом Эзисе? Без языка. Без привычки. Штезаль!»

Он вдруг ощутил острую потребность вытянуть кого-нибудь плетью. Просто чтоб душу отвести. И поспешно усми-

⁶ Селюки – простонародье, живущее в сельской местности.

рил это недостойное желание. Все равно дорога впереди была пуста. А бить лошадей Элидор не позволял себе даже в самом гадком расположении духа. Лошадь – это ведь не человек. Ее бить незачем.

Монах дал коню шенкелей, и тот послушно пошел легким галопом. Заводной держался рядом, вытянув тонкую морду и кося на всадника темно-фиолетовым глазом.

Покачиваясь в седле в такт ровной поступи скакуна, Элидор попытался вспомнить уроки брата Павла. Глубоко вздохнул, начал медленно, размеренно считать до двадцати пяти и, дойдя до одиннадцати, понял, что взорвется сейчас просто от того, что пытается сам себя успокоить. Лучше уж вообще ничего не делать. Злость должна была пройти. Рано или поздно. В конце концов, она всегда проходила.

Проще всего, конечно, было бы прикончить кого-нибудь быстро и весело. Да некого пока.

2

– Отец Лукас, – Шарль замялся, но продолжил решительно, хотя и не без внутреннего трепета, – простите за неуместное любопытство, но... – он вновь запнулся. Заявиться в келью к настоятелю, да еще и требовать от того отчета – раньше Шарль не позволял себе такой наглости. И не позволил бы никогда, не иди речь об Элидоре.

– Но? – Черный Беркут холодно взглянул на монаха. – «Но» означает, что ты собираешься задать вопрос? Задавай.

– Элидор два дня как вернулся, – пробормотал Шарль.

– Неужели? – неискренне удивился настоятель.

– Отец Лукас, его же еще полгода нельзя из монастыря выпускать. Он ведь... Ну, три срыва уже было. А брат Павел в этот раз даже начать работу толком не успел.

– Спасибо, что взял на себя труд сообщить мне об этом, – брюзгливо процедил настоятель. – Ты Шарль, надо полагать, считаешь меня выжившим из ума старым пнем, который уже не соображает, что творит, так?

Шарль сглотнул и помотал головой. Ему ничего подобного в голову не приходило. Никогда. И не могло прийти. Ни за что.

– Что у тебя за манера всюду совать свой нос?! – Черный Беркут откинулся на спинку высокого кресла. – Длинный моруанский нос! Тебе мало досталось в Гиени?

Шарль снова помотал головой. Ничего умнее все равно не придумывалось. Потом брякнул:

– Я же должен знать. Вы же потом с меня же отчет потребуете. Я же...

– Когда ты научишься говорить по-румийский? Прекрати жужжать и следи за своей речью. Аналитик! Двух слов связать не может. Элидора переводят в класс «элита». Тебе это о чем-нибудь говорит?

– В «элиту»?! – восхищенно выдохнул Шарль. – Элидора?! Давно пора!

– Если он перейдет в «элиту», его заберут в Аквитон, – Черный Беркут клацнул зубами и полез за своей трубкой. – А вы нужны мне здесь! И ты это знаешь. Элидор не знает, так ему и не положено.

– А если не перейдет? – осторожно уточнил монах, так уточнил, на всякий случай, ответ он уже знал.

– Если не перейдет, значит, сдохнет там, в Эзисе, – сказал Черный Беркут то, что должен был сказать. – Это последнее испытание. Работа в экстремальных условиях.

Он замолчал. Долго раскуривал трубку. Пыхал дымом. Брезгливо дергал тонким горбатым носом. Наконец затянулся и выдохнул, прикрыв от удовольствия глаза.

– Рад?! – проскрипел совсем уж раздраженно. – Давно в Аквитон рвешься! Под магистра хочешь. Черный Беркут для вас, господин аналитик, низкогато летает. А?!

Шарль не успел ответить. Настоятель вдруг вспомнил о

делах и указал на дверь весьма энергичным жестом. Еще и пальцами прищелкнул, шевели, мол, копытами.

Шарль зашевелил. Осторожно прикрыл за собой дверь.

– Про морковь не забудь! – каркнуло из кельи.

Очень захотелось сказать гадость. Ну или хотя бы подумать. Однако Шарль поостерегся. И без того было над чем поразмыслить.

Он вернулся к ненавистным морковным грядкам. Уселся на влажную землю и отрешенно уставился на зеленые хвостики ботвы.

Элидора переводят в отряд «элита». Сам Шарль давно уже был признан лучшим аналитиком Ордена, и ему действительно полагалось бы быть в Аквитоне. Но Черный Беркут держал его при себе, а магистру объяснял, что никто, кроме Шарля, не в состоянии приводить Элидора в себя после боевых выходов.

Лучший аналитик и лучший боец. Два найденыша, воспитанных отцом Лукасом. Но Элидора, при всем том, что равных ему в Ордене не было, переводить в «элиту» не спешили. Во-первых, он был нелюдем. А во-вторых, он был сумасшедшим.

Сам Элидор не видел ничего из ряда вон выходящего в своей манере убивать во время выходов тех, кто подворачивался под руку. И даже тех, кто не подворачивался. Когда эльф приходил в дом жертвы, он приканчивал там всех, начиная с того, кого нужно было убить, и заканчивая по-

следней служанкой. Если работать приходилось на улице или в другом людном месте, Элидор, кроме жертвы, уничтожал охрану – включая тех, кто пытался сбежать. Если же не было даже охраны, считал выход недостойным потраченного времени.

С этим-то, впрочем, еще можно было бы смириться. Но вот *после* выходов Элидор становился совершенно невменяемым. Он запирался в своей келье, допуская туда только Черного Беркута, Шарля или брата Павла. Повод к такой уединенности был. И очень весомый. Элидор признавался брату Павлу, что он ищет повод. Первое время, первые пару-тройку месяцев по возвращении он все время ищет повод: кого бы и за что убить.

И этот его пунктик был совершенно лишним.

Когда в Аквитоне, в курии Ордена, слышали о «Том, кто всегда возвращается», там досадливо скрипели зубами. Нелюдь – это не страшно. Главное, что принял Опаление и верит истово, другим бы поучиться. А вот сумасшествие и, как результат, непредсказуемость действий и поступков... Черный Беркут управлялся с Элидором, потому что знал своего приемыша как облупленного. Но Черный Беркут был нужен в Румии.

Шарль вздохнул.

Аквитонскому начальству не объяснишь, что даже здесь, вдалеке от Орденского управления, они с Элидором работали с полной отдачей. Начальство – оно на то и начальство,

чтобы лучшие кадры забирать под свое крыло. А значит, когда Элидор вернется из Эзиса – он ведь вернется, хотя бы для того, чтобы подтвердить прозвище, – придется им сниматься с насиженного места и отправляться в столицу Зеленого Герцогства.

Там – новые люди, ревнивые взгляды, придирки, необходимость срабатываться, искать компромиссы... Впрочем, Элидор-то считает, что ради «элиты» вытерпеть можно все. Он рвется наверх. Зачем только, непонятно. Стать управителем боевого секрета? И что ему в том?

«А Беркут-то ревнует!» – с неким удовлетворением констатировал Шарль. И вновь принялся пропалывать морковь. Работы по хозяйству были обязательны для всех в монастыре. Кроме разве что самого настоятеля.

Воеводство Уденталь.

Город Надерна

1

Марк постучал в дверь покоев пани Трессы и распахнул ее, не дожидаясь ответа:

– Завтрак! – сообщил он, во все глаза рассматривая синеглазое чудо, сидящее на кровати с кубком в руках. Красноглазое чудовище в кресле напротив он старался не замечать. Не потому что боялся – чего бояться, это ж милостивая пани Тресса, – а чтобы впечатления не портить.

– Неси, – кивнула шефанго.

– Неси! – гаркнул Марк в коридор. Три паренька помладше, торжественно вышагивая друг за другом, внесли в комнату подносы с блюдами и тарелками. Красавица-эльфийка проглотила слюну и уставилась на еду горящими глазами.

– А это мама велела от себя передать, – Марк переволок через порог корзину, из которой торчали горлышки бутылок. Большую корзину. Тяжелую.

– Твоя мама попадет на Небеса, – сообщила пани Тресса своим удивительно мелодичным голосом, одной рукой под-

нимая корзину, а другой вытаскивая бутылку. – С ума сойти, «Молоко Драконессы»!

– Мама сказала, – сообщил Марк, выпуская своих подчиненных в коридор, – что ежели пани эльфийке отдельную комнату надо, то она уже белье постелила и камин разожгла. – Он ткнул пальцем в стену. – Вон та комната, куда от вас дверь сделана. Как обычно, в общем.

Тресса закашлялась. Кина удивленно посмотрела на нее, потом на стоящего на пороге Марка, потом на упомянутую дверь. Она явно не видела в заботливости хозяйки ничего особенного.

– Иди, Марк. – простонала шефанго, падая в кресло и стараясь не смеяться в голос. – Иди, дитя мое.

– А чего я...

– Я тебе потом объясню. Иди.

Марк пожал плечами и вышел. Он понять не мог, что сделал не так. Поручение матери передал в точности. В соседней комнате, смежной со своей, пан Эльрик действительно часто селил женщин. Нынче к нему, говорят, даже молодая жена воеводы заглядывала. А то, что сейчас он не пан вовсе, а пани – так долго ли шефанго облик сменить?

– Не пойму я их, – Марк почесал в затылке и побрел по коридору в глубокой задумчивости.

...Кина в момент сгрызла первого цыпленка. Так же шустро подмела ножку второго. Крылышки угрызала помедленнее. А грудку поклевывала, уже наевшись, но еще не находя в себе сил оторваться. Тресса методично и неторопливо ела поросенка, ела, ела и ела. Она явно не собиралась останавливаться, пока не разгрызет даже кости и, что казалось особенно жутким – глотала куски мяса, не утруждалась тем, чтобы жевать их.

Кина поглядывала на чудовищные клыки шефанго и не всерьез, но с некоторой тревогой подумывала о том, что эта леди может и ее сожрать. Причем так же спокойно, деликатно, пользуясь ножом и вилкой, не забывая время от времени промакивать губы белоснежной салфеткой.

Голова слегка кружилась. «Молоко Драконессы» – голубое, казавшееся искристым, с необычным, чуть кисловатым вкусом, пилось очень легко и так же легко хмелило. Кина легла на поднятые подушки. Прикрыла глаза. Было хорошо, тепло... спокойно. И чтобы не поддаться этому спокойствию, спокойствию, которое – уж это-то она знала – всегда ненадежно, всегда заканчивается и снова вышвыривает тебя в страшный, жестокий и похотливый мир, Кина стала напоминать себе о том, что шефанго с легкостью меняют пол. Что пригревшая её Тресса в любой момент может стать мужчи-

ной. Что любое из этих чудовищ только и мечтает о том, чтобы подмять под себя, унижить, исковеркать ее лишь потому, что ей выпало несчастье родиться красавицей. Она сама не поняла, как поднялось мутной волной, хлестнуло горечью и рванулось наружу криком, слезами, злостью и безнадёжностью все, что накопилось за эти долгие, бесконечные полгода.

Тресса слушала молча. Она отодвинула в сторону опустевшие тарелки, открыла окно. Достала трубку и раскурила ее, выдохнув облако ароматного дыма. Кина плакала и говорила, говорила, говорила. А шефанго подливала ей вина, не спорила и не соглашалась, смотрела своими страшными, мертвыми глазами куда-то в пустоту. А когда Кина, выплакавшись, неожиданно для себя самой уснула, свернувшись на широкой кровати, Тресса забралась в кресло с ногами и меланхолично уставилась в окно.

Прежде чем принимать какие-либо решения, следовало хорошо подумать. В женском обличье подумать, потому что она-Эльрик в подобной ситуации, плюнув на размышления, поступила бы так, как требовали беззащитные и испуганные синие глаза. Карел Хальпек, впрочем, перешел дорогу как раз ей-Трессе, с ней-Эльриком он предпочитал просто не связываться. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. А поскольку драться в женском обличье леди Тресса де Фокс не любила до крайности, несколько раз десятнику сходили с рук оскорбления, над которыми в мужском облике Эльрик

просто смеялся. И прощал. Становясь мужчиной, шефанго вообще становилась более снисходительной к людям. Любой расы.

Однако сейчас и здесь наказывать следовало не за себя. Наказывать следовало за девочку, которая, в отличие от Трессы, не сделала Хальпеку ничего плохого. Хуже того, Тресса прекрасно понимала, что наказывать одного конкретного десятника она-Эльрик будет за всех мерзавцев, которых Кина встретила за месяцы жизни на материке. На материке, населенном преимущественно людьми. На материке, где выживает сильнейший или подлейший, но никак не юная эльфийка, покинувшая родину после того, как орки сожгли ее дом и убили ее мать, и ни один эльф не случился рядом, чтобы защитить...

«Почему, кстати?»

Тресса вновь принялась набивать трубку.

На севере Айнодора всегда было беспокойно. Туда приходили шефанго. Там же случались стычки с орками или, того хуже, с объединенными орко-шефангскими отрядами. Такое, впрочем, случалось не часто. Орочья жестокость, насколько помнила Тресса, отталкивала даже самых ревностных сторонников истребления эльфов. Так что северные границы Айнодора должны были охранять – и охраняли – весьма бдительно. Кина сказала, что незадолго до нападения гарнизон, стоявший в их городке (да, на севере Айнодора не было одиноких усадеб, воспетых эльфийскими поэтами, там

были города и крепости, и всегда готовые к бою войска), так вот, Кина сказала, что гарнизон сняли и отозвали куда-то в другое место. Совет старейшин объяснил, что где-то восточнее высадились люди... эльфиечка не помнила подробностей. Словом, туда пришлось в срочном порядке стягивать все имеющиеся в наличии силы. Вот и стянули. Орки как знали, напали на город на следующий же день.

«Они знали».

Клубы дыма выплывали в распахнутое окно.

Кто из смертных мог напасть на Айнодор?

«На следующий же день...»

Это не было совпадением. Мужчина мог бы списать на случайность, Тресса же, понятия не имея почему, но привыкнув доверять своей интуиции, могла поклясться, что орки действительно знали...

«Союз с орками против Айнодора... Союз смертных с орками? Невероятно...»

...когда и куда нужно бить. И знали, что уйдут безнаказанными. Но ни эллийцы, ни ригондцы, ни тем более фанатичные румийцы на пошли бы на подобный союз. Никогда. Да и вообще, запад материка за последнюю тысячу лет был Опален полностью.

«— ...гонец сказал, что на побережье высадились люди...»

«Ладно, икберы с ним, с Айнодором. – Шефанго положила ноги на стол и откинулась в кресле. – Пора пообщаться с Карелом. Эх, плакали мои контракты. За избиение стражни-

ка по голове не погладят... Но нельзя же терпеть эту свинью до бесконечности, в самом-то деле!»

Принять целесообразность физической расправы ей всегда бывало очень нелегко. Впрочем, в нынешней ситуации выбирать не приходилось. Тресса неспешно докуривала трубочку, медля принять мужское обличье, и в последний раз пыталась убедить себя в том, что сумеет быстро отделаться от Кины, если случится в том нужда. Свой пунктик – защищать тех, кто слабее и становиться на сторону заведомо проигравших, она знала всегда. В большинстве случаев проигрывающая сторона становилась после этого выигрывающей, а подзащитные вешались на шею, и с ними приходилось нянчиться, пока они не находили для повешения другой объект...

«Пристрою ее куда-нибудь. К Фауду в Гемфри. Или, вон, к тому же Ахмази в Эннэм. Он за девчонкой присмотрит, а она ему компанию составит. Всем хорошо. Тем более, что ему, евнуху хренову, ничего кроме компании и не надо...»

3

Марк видел, как огромная беловолосая фигура скользнула через обеденный зал, небрежно отвечая на приветствия наводняющих трактир посетителей. Утро – время завтрака. Живущий в «Серой кошке» шефанго давно уже никого не отпугивал.

«Все-таки сменила пани Тресса облик, – с некоторым сожалением подумал парень, подхватывая очередной поднос и отправляясь к столу, где сидела компания сонных гвардейцев. – И то сказать, какая девчонка, ух! Глазищи синие! Пану Эльрику только свистнуть – к нему любая в постель прыгнет. И эта тоже... а жалко».

– Чего замечтался! – прикрикнула мать. И Марк поспешил ей на помощь.

...Шефанго в задумчивости постоял за воротами трактира. Потом сунул руку в кошель и рассеянно вытащил с десяток серебряных монет. На эти деньги еще не один месяц можно было прожить безбедно, и на путешествие их хватило бы с лихвой, но двое нелюдей, странствующих по материку, привлекут слишком много внимания. А раз уж полусотня шефанго в ближайшие дни в Уденталь не явится, следовало затеряться среди людей и прямо сейчас подыскать компанию для дальней поездки.

В Надерне было два больших караванных двора. Один – для купцов с запада материка, другой – для джэршэитов, обитателей юго-востока. Озаренные наотрез отказывались жить вместе с Опаленными и другими неверными. Дворы находились в разных концах города, а «Серая кошка» стояла точно посередине.

Оказываться в положении известного осла Эльрику приходилось не каждый день. Он посмотрел направо – там, выворачивая из-за угла, грохотала колесами по камню мостовой тяжело груженная телега. Посмотрел налево – пятерка стражников, чеканя шаг, промаршировала через улицу. Шефанго ссыпал в кошель монеты, оставил одну, покрутил в пальцах и щелчком подбросил вверх. Серебряный, вертясь, блеснул на утреннем солнышке. Эльрик поймал его, глянул

– герб.

– Джэршэиты, – сообщил он дремлющему на припеке псу, – ну и славно. Отчего бы принцу Анго не смотаться в солнечный Мерад? – Пес повел ухом и нерешительно вильнул хвостом. – Охранником в караване сквалыги-купца, – мрачно буркнул Эльрик, бросая серебряный ковыляющему мимо бродяге. Коричневая рука жадно схватила монету. Нищий начал кланяться, шустро отступая и позабыв о хромоте.

В том, что его возьмут на службу, Эльрик не сомневался. Схема была отработана давно и действовала безотказно. Конечно, у любого караван-баши есть отрядец проверенных бойцов, и человек со стороны там подозрителен. Но, во-первых, глупо всерьез ожидать неприятностей от одиночки, когда вокруг надежные люди. А любой не-человек на материке всегда одинок. Во-вторых же, Эльрику не встречался еще караванщик или купец, способный отказаться от такого бойца, как эрте Анго Эльрик де Фокс, от'ассер готтре Нортсьерх⁷.

Правда, оба эти фактора играли роль лишь в том случае, если наниматель не догадывался, что перед ним шефанго. Беловолосый, красноглазый великан в маске – кем еще он мог быть? Люди боялись шефанго. Ненавидели их. Проклинали, иногда заслуженно, чаще – просто поверив в собственные страшные сказки. И очень редко соглашались иметь с ними дело. Закавыка была в том, что мало кто здесь, близ

⁷ Эрте Анго Эльрик де Фокс, от'ассер готтре Нортсьерх (заролаш): наследный конунг Ям Собаки Эльрик де Фокс по прозвищу Предатель.

Внутреннего моря, далеко-далеко от Северного океана, видел ужасных нелюдей своими глазами. Мало кто здесь вообще видел каких-либо нелюдей. Это решало проблему.

Природа или Боги, со свойственным им непонятным юмором, наградили Трессу-Эльрика де Фокс мелодичным и мягким голосом, который меньше всего подходил убийце и пожирателю детей. На Ямах Собаки это доставляло когда-то массу неприятностей. Потом неприятности исчезли, как их и не было – кому, в самом деле, придет в голову насмехаться над одним из лучших бойцов империи? А голос? Ну что голос? Женщины даже находили в этом некое извращенное удовольствие.

Потом, после изгнания, все обиды своей юности, все драки, все насмешки Эльрик вспоминал с мучительной тоской. Просто потому, что это дома его голос звучал чуждо и странно. Дома. А дом был потерян на страшные, казавшиеся бесконечными тысячелетия. Собственное же уродство пригодились много-много позже. И совершенно неожиданным образом. Когда появлялась в том надобность, он, шефанго, прикидывался эльфом. Люди верили. Хуже того – верили эльфы. Верили, пока слышали голос и не видели Эльрика. А у людей даже насчет маски вопросов не возникало. Они твёрдно знали, что шефанго покрыты шерстью и едят живых младенцев. Ни то, ни другое к принцу не относилось.

Эльрик де Фокс

Караванный двор встретил густым запахом навоза, верблюжьими криками и беготней груженных поклажей слуг. Я направился к складам и жилым помещениям, периодически не очень вежливо отодвигая с дороги тех, кто оказывался на пути. Один из отодвинутых вякнул мне что-то в спину. Я обернулся. Смельчак извинился и растворился в толчее. После этого передо мной расступались.

Пинком распахнув хлипкую дверь, проигнорировав вытянувшуюся морду вышибалы и замолчавших при моем появлении бойцов, пьющих тут же, в зале, я прошел напрямик к хозяину. У него, конечно, был неприятный день, однако меня он принял. И то сказать, караванных дворов в Надерне целых два, а шефанго – всего один. Всего одного шефанго трудно не запомнить.

– Мир тебе, Орхан, – сказал я с порога, – не сочти за труд сообщить мне, какие караваны выходят от тебя сегодня.

Орхан, которого стук распахнутой двери настроил на визит кого-нибудь куда более неприятного, заулыбался от облегчения и встал мне навстречу:

– Эльрис-аслан! Воистину, милостив Джершэ, раз послал мне такую радость и такую честь! Сегодня от нас уходят двое. Маврак из Табада направляется в Десятиградье с грузом...

– Груз меня не интересует. Кто второй?

– Нафиз из Мерада. Он ведет караван в Эзис.

– Где он сейчас?

– У себя. Третья дверь по коридору направо.

– Благодарю.

Оставив Орхана изумленно моргать, я вышел из его ка-
морки.

Ну, да, невежливо, не по правилам, но если б он хотел
соблюсти правила, мог бы хоть чаю предложить, не так ли?

Третья дверь направо. Я постучался, но ответа ждать не
стал.

Нафиз из Мерада сидел, поджав ноги, на тахте и курил
кальян. Ничего не скажешь, выбрал время и место. Караван
грузится, народ суетится, а хозяину дела нет. Хотя, не исклю-
чен вариант, что у него просто каждый человек знает свои
обязанности. Не слышал я ничего о Нафизе, слишком дав-
но отошел от дел, перестал следить, что за люди вокруг, чем
известны, сколько от них вреда и есть ли польза.

Перестал, и люди в союзе с орками напали на Айнодор.

Доживешь тут, пожалуй, спокойно до возвращения в род-
ные фьорды!

Мерадец перевел на меня отрешенный взгляд. Выпустил
из рта изузоренный мундштук и медленно процедил:

– Выйди, сын шакала, пока я не позвал охрану.

– Почтеннейший, – сказал я на эзисском, – я пришел с

предложением, которое должно вам понравиться.

– Ты? – Нафиз расплылся в снисходительной ухмылке. – Моджок⁸?

– Именно. И я не буду лишним в вашей охране.

– Мне не нужны воины.

– Такие, как я, нужны.

– Пять медных.

– Десять. И кормежка для меня и моей сестры.

– Джэршэ отнял у тебя разум, чудовище. Десять медных я плачу своему десятнику.

– Не знаю, кто ваш десятник, но могу поспорить, что я лучше.

– Кто ты?

– Эльф.

– Как твое имя?

– Зовите меня Эльрисом.

– Десять медных – это слишком много. Откуда мне знать, что ты стоишь таких затрат?

– Проверьте.

– Хм-м. Эльрис... Ну ладно, пойдем.

Нафиз поднялся со своей оттоманки. Протопал, переваливаясь на кривых ногах, во двор. Огляделся там, полуприкрыв глаза, и щелкнул пальцами.

Через секунду десятеро вооруженных парней стояли на вытяжку около крыльца.

⁸ Моджок (эзисский): наёмник, вооруженный одиночка, разбойник.

– Дистэ, – процедил купец. – Этот эльф, его зовут Эльрис, хочет наняться воином в твой десяток. Проверь.

Если до этих слов ребята смотрели на меня со сдержанным уважением, то теперь их морды перекосились. Дистэ пожевал губами. Поскреб бритый затылок и вякнул:

– Сарламак! Масхут!

Двое парней подобрались по-рысьи. Переглянулись. Остальные шустро расступились, освобождая место для боя. Суета во дворе утихла. Слуги, рабы, погонщики – все развернулись в нашу сторону. Интересно им! А потом свистнули сабли. И словно сам собой впрыгнул в ладони топор. Пошло веселье!

Недолгое.

По уму-то, конечно, два бойца, вооруженных легкими, острыми сабельками, должны в капусту нашинковать такого громилу, как я, с неподъемным своим топором. Однако бойцам, обоим вместе, и пятидесяти лет не набиралось, а сабли они в руки впервые взяли хорошо если лет десять назад.

Они, полагаю, не успели даже понять, как случилось, что их сабли лежат в пыли у крыльца, а лезвие гигантского топора легонько наметило смертельные удары. Одному в череп. Второму по ключице наискось. Легонько. Но и эти двое, и те, кто следил за боем, поняли, что такими ударами противника разваливают напополам. Что я там говорил о самонадеянности? У меня ее больше, чем у всей исманской армии.

– Десять медных, – сообщил Нафиз. – И кормежка для те-

бя и твоей сестры. Выходим сегодня после вечерней молитвы.

– Понял.

Я оглядел помрачневших охранников: всегда одно и то же – možдоки никогда не радовались мне, пока не доходило до дела, – развернулся и отправился к воротам. Пора было найти Карела.

Султанат Эзис. Город Табад

1

Сложности начались, когда Элидор сошел с корабля в Табаде. Корабль был из Весты. И команда, и капитан – честные Опаленные. К эльфу, вооруженному, одоспешенному, да еще и со знаками Белого Креста, относились с почтительным трепетом, а на разговоры о джэршэйтских землях шли неохотно. С кем другим они, может, и побеседовали бы, да Элидор сам был не мастер вести долгие задушевные разговоры. Так что сошел он с корабля, зная об Эзисе немногим больше, чем когда поднимался на борт.

Сошел. Брезгливо принюхался. Пахло так, как всегда пахнет в портах. Северных или южных – не важно. Гнилью, смолой, водорослями, деревом и еще бес знает чем, но густо, почти осязаемо.

Порт как порт. Ничего особенного.

Люди здесь свободно говорили на всеобщем. Оно и понятно, для купцов, моряков и военных всеобщий – второй родной язык. Для таких, как Элидор, – тоже.

Монах огляделся и потопал куда глядят глаза. Глаза глядели вперед. На север. В город, собственно.

– Эй! Эй, ты, здоровенный! Ну ты, длинный! Вниз по-

смотри! Вниз! Я внизу!

Голос был высоким. Не сказать, что противным, но интонации не понравились Элидору сразу и сильно. Наглые такие интонации.

Голос действительно верещал откуда-то снизу. Чуть ли не из-под сапог. Эльф опустил глаза, примериваясь дать нахалу пинка и идти дальше. Но нахал, оказавшийся гоббером,глянул на него доверчивыми, круглыми и наглыми-пренаглыми глазами и протянул монетку. Золотую:

– Слушай, длинный, ты ж с румийского корабля, да? Мне меняла за полсотни диров вот это дал. Лиар, говорит, называется. Полсотни диров, сказал, как раз и стоит. Ты мне скажи, он меня сильно надул?

Коротенькие пальчики повернули монетку. Подбросили и ловко поймали.

Элидор машинально шевельнул пальцами – до боли знакомый жест.

– Надул, – буркнул он хмуро, понимая, что влип в неприятности. – Полсотни диров стоит аквитонский фор.

– Это какой? – маленький и наглый пытался вести себя вежливо, но получалось навязчиво. – У тебя есть?

– Вот такой, – Элидор нашел в кошельке золотой другой чеканки. Перекатил его в ладони. Бросил обратно.

– Скотина, – грустно подытожил гоббер. Слово «скотина» не входило в число орденских паролей, но по ситуации было в самый раз.

Элидор оставил малыша размышлять над превратностями жизни и пошел себе, предоставляя собрату самому придумывать, что делать дальше. Честно говоря, хотелось упомянутого собрата взять за ноги и треснуть башкой о ближайший угол. Элидор терпеть не мог работать в паре. Он понимал, конечно, что в Эзисе в одиночку ему пришлось бы очень и очень трудно, но какой кретин там, наверху, додумался дать ему в напарники гоббера? Кто-то, надо думать, с совсем уж примитивным чувством юмора.

– Эй! Длинный! Ты ведь в город, да? – проверещало сзади.
– Хочешь, хан подскажу? За умеренную плату.

– Что подскажешь? – Элидор обернулся. Слово «хан» ему ни о чем не говорило.

– Гостиницу, дылда, – маленький уже догонял. – Недорогую и приличную. Там перца в жратву меньше кладут, чем принято. Так что ты, пожалуй, даже перекусить сможешь. За полдира покажу. Ну? Я сам всегда там останавливаюсь.

– А сколько платит тебе хозяин гостиницы?

– За что? – ненатурально удивился гоббер. – Давай деньги и пойдем. Да, кстати, меня Симом зовут. И за знакомство выпить надо. Это обязательно!

Элидор вздохнул. Выудил из кошелька монету в пять ди-ров – меньше не нашлось. Протянул нахалу и побрел следом за ним по узким, шумным и пыльным улицам.

Это задание нравилось ему чем дальше, тем меньше.

Хозяин гостиницы, или «хана», как называл гостиницу Сим, оказался румийцем. Тощим, желчным и жадным до потери чувства собственного достоинства. Ошалевший от заломленных цен, Элидор уже примеривался, как бы так половчее внушить хозяину, кто здесь главный, но гоббер дернул его за полу кольчуги и взялся разговаривать сам.

Взялся так взялся.

Первые пару минут Элидор пытался слушать и даже вникать в смысл его трепотни. Потом перестал. Потому что смысла там не было ни на волос. Сим рассказывал о каких-то детях и женах, называл хозяина то «любезнейшим», то «скупым сморчком», сама гостиница в течение разговора несколько раз превращалась из «грязного сарая» в «обитель праведников» и обратно. Сим пищал, стонал, хрюкал и почти плакал.

Больше всего ужаснуло Элидора то, что хозяин вел себя точно так же. Чудовищный бред, который они несли, казался обоим вполне связной и логичной беседой.

Эльф, для которого произнести несколько фраз подряд было пыткой, слушал и ничего не понимал. Он смутно вспоминал, что вроде как Сим и без того уже живет в этой гостинице, следовательно, речь идет о комнате для него, Элидора. Но в таком случае, при чем тут дети, жёны... ЖЁНЫ?!

– Два дира, – простонал хозяин.

– Вы меня разорили, почтеннейший, – Сим вновь дернул эльфа за полу кольчуги: – Давай деньги. Здесь платят вперед.

Элидор молча отдал ему серебряный. Сим передал монету хозяину. дождался сдачи, пересчитал ее и мотнул головой:

– Пойдем. Нам наверх. Что бы ты без меня делал?

Элидор пошел за ним, пытаясь осознать, каким чудом десять диров, запрошенных румийцем, стали двумя? Можно торговаться, но какой же торг сбивает цену в пять раз?

– Вот! – гордо заявил гоббер, распахивая хлипкую дверь. – Лучшая комната в этой дыре. Не считая моей, конечно.

В комнате были стол и кровать. Обстановка примерно как в монастырской келье, да только здесь мебель была не выше колена. Элидорова колена. Мелькнуло нехорошее подозрение, что гостиница эта специально для гобберов...

– Эт-то что? – поинтересовался Элидор и сам вздрогнул от того, как нехорошо прозвучал его голос.

– Где? – Сим протопал в комнату и по-хозяйски хлопнулся на... все-таки это была кровать.

– Мебель, – объяснил эльф.

– Что мебель? Да ты проходи. Садись. Сейчас мы с тобой за знакомство...

– Низкая, – произнес Элидор, чувствуя, что вскипает. И какой же кретин додумался посылать его на новое задание так скоро?!

– А-а! – Сим расплылся в гадкой улыбке. – Низкая! При-

выкай, Элидорчик, здесь так принято.

– Не называй меня так.

– Как?

Элидор глубоко вдохнул и шумно выдохнул.

– Позвольте пройти, господин, – раздалось за спиной, и монах резко развернулся, уходя в сторону на случай выстрела или удара.

Старичок с подносом шарахнулся от него, стукнулся спиной о стену и замер, с ужасом глядя на длинный клинок в руках эльфа.

– Проходи, Юстин, проходи, – гоббер закивал и замахал ручонками, – Элидорчик, убери клинок и дай Юстину денежку.

Ярость плеснула волной, удушливой и горячей. Все мысли исчезли. Осталось только желание бить и крушить все вокруг. Задавив рвущееся на волю рычание, Элидор вложил спату в ножны, рывком содрал с себя перевязь и, не считая, выудил из кошелья горсть монет.

Старик поставил поднос, взял деньги и поспешил убраться, пока странный и страшный господин не передумал и не отнял их обратно.

Элидор молча упал на кровать рядом с Симом. Злость перегорела, оставив тупую усталость. И эльф совершенно не обратил внимания на то, как облегченно вздохнул и расслабился гоббер.

В кувшине было вино, на блюде, закрытом крышкой, – мя-

со и лепешки. Перца, вопреки обещаниям Сима, было явно больше, чем нужно. Впрочем, еда оказалась сносной, а вино даже приличным. Эльф мрачно ел. Еще более мрачно пил. И слушал трепотню гоббера.

– Я уже домой собирался, – Сим засунул в неожиданно вместительную пасть свернутый кусок лепешки и начал жевать, не прекращая разговаривать, – а мне говорят: надо, говорят. Я и говорю, ну надо, мало ли «надо». Мне, говорю, надоело. Я, говорю, домой хочу. Там огород, говорю, и малинники. И отец-настоятель, опять же, не злой.

А они-то мне, мол, «Тот, кто всегда возвращается».

А я им: ну?! И, понимаешь, лестно мне стало. Тебе бы такого напарника предложили, а! Тоже небось не отказался бы!

Элидор молчал. Прозвище свое он знал и без Сима. И точно так же знал, что очень многие в Ордене хотели работать с ним в паре. Беда в том, что он ни с кем в паре работать не мог. Разве что с Шарлем. Так Шарля посадили на анализ. После тех неприятностей в Гиени, когда он превысил полномочия и был так бит, что полгода почти не вставал с постели.

– А мне Шарль о тебе рассказывал, – как по заказу сообщил гоббер. – Он в нашем монастыре отлеживался. Ты-то в Румию рванул, докладать, а он лежал-лечился. Вот и рассказывал.

«И все-таки, почему гоббер? – Элидор вяло отхлебнул из медного кубка. – Ладно, насчет Эзиса хотя бы предположить

можно. Работа в сверхсложных условиях. Отряд «Элита». Но гоббер-то зачем? Или он тоже в условия входит?»

Судя по бесконечному, не затихающему, не смолкающему ни на минуту трепу, Сим был из всех условий самым сложным. Для Элидора, во всяком случае.

– Ну? – услышал эльф. И понял, что в задумчивости вообще перестал воспринимать слова собеседника. Очень плохо. Либо сказывается усталость и отсутствие перерыва между заданиями. Либо Сим прошел специальную подготовку...

– Наблюдатель? – хмуро поинтересовался Элидор.

– Сечешь, – одобрительно заметил Сим. – Не переживай. Я кого хочешь могу выключить. Даже Шарля получилось один раз. Так что у тебя за задание?

– Нужно ехать в Мерад, – Элидор вздохнул. Предстояло сказать речь слишком длинную для его нынешнего расположения духа. – Там есть человек. Зовут Самуд. Его надо найти и убить.

– Найти, значит. – Сим поставил кубок и почесал нос. – А его так и зовут Самуд? Ни титула нет, ни прозвища?

– Прозвище есть. Сераскир.

Взгляд гоббера стал каким-то непонятным.

– Сераскир, говоришь? Самуд? Элидор, ты, что *совсем* никогда в Эзисе не был?

– Совсем, – ноги затекли от непривычной позы, и эльф завозился, пытаясь устроиться поудобнее.

– Ты сядь как я, – сказал Сим с неожиданным сочувствием

и каким-то почтительным ужасом. – Совсем никогда?

– Совсем! – рыкнул Элидор. – Как тут проще всего найти человека?

– Дом Самуда на площади Судирса Справедливого.

– Откуда ты знаешь?

Сим удостоил эльфа еще одним непонятым взглядом и молча покачал головой.

Воеводство Уденталь.

Город Надерна

1

У Карела Хальпека был выходной. Вчера он со своим десятком патрулировал веселый квартал, а под утро отправился в кабачок «Счастливая монетка». Выпить и отдохнуть. Там десятника ждал сюрприз в лице необыкновенно красивой и, главное, одинокой девицы. Впрочем, сюрприз оказался строптивым. Девка расцарапала Карелу всю морду, вырвалась от него, не забыв даже лютню, и выскочила из кабачка. Десятник погнался за ней. Не родилась еще женщина, которая могла бы удрать от Карела Хальпека... Но эта стерва-шефанго, уже полгода живущая в Удентале и успевшая скорешиться со всем здешним офицерем, очень не вовремя оказалась на дороге.

Как пить дать, оприходует девчонку. У шифангов с этим запросто. Захотел – мужиком стал. Захотел – бабой.

Карел с горя вернулся из казармы в «Счастливую монетку», где и остался запивать неудачу пивом. К третьей кружке десятник начал забывать про эльфийку. К пятой гнев на шефанго стал почти осязаемым. К десятой Хальпек твердо

решил, что не завтра, а сегодня же, несмотря ни на что, повяжет стервозную бабу.

А когда он потребовал себе одиннадцатую кружку эта баба... нет – мужик... – перекинулась, нелюдь! – сам вошел в кабачок.

С нечленораздельным рыком Карел поднялся навстречу.

Посетители повымелись из-за столов, прижимаясь к стенам. Трое солдат из десятка Хальпека, повинувшись долгу, встали вслед за десятником, проклиная тот день, когда родились на свет. Назревала хорошая драка...

Эльрик, не сбавляя шага, пересек зал, подошел к десятнику и равнодушно врезал тому по зубам. Карела отбросило через столы к очагу, над которым жарился здоровенный кабан. Солдаты схватились за оружие. Шефанго глянул на них, и вопрос оказался снят.

– Я спешу, – раскатился по залу мягкий, шелестящий, очень низкий голос. Эльрик скользнул мимо поваленных скамеек, подхватил Карела за ворот и усадил спиной к стене. – Я спешу. И мне сейчас не до тебя. Но ты кушай пока получше, мразь. Потому что, если я, вернувшись, узнаю, что ты обидел хотя бы одну женщину, я тебя поджарю. На этом самом вертеле. Живьем. Ясно? Поджарю и съем.

Хальпек глотал собственную кровь и смотрел на белые, острые клыки. Настоящие клыки, мать их. И треугольные, нечеловеческие зубы. Он смотрел и понимал – это правда. Это все правда. И никто не поможет ему сейчас. Ни

трое струсивших рядовых, ни даже вся стража Уденталя. Он остался один на один со смертью, которая смотрела на него алыми глазами. А от смерти не спрячешься. Ни сейчас, ни потом, когда это чудовище вернется... Никуда не спрячешься. Никогда...

Эльрик опустил бесчувственного десятника на пол. Поднялся и вышел. В кабаке испуганно молчали.

В «Серую кошку» он вернулся не сразу. Сперва заглянул к Дзебеку Палю, капитану гвардейцев. Тот радостно поднялся было навстречу, но посмотрел на шефанго и сел обратно:

– Отказываешься?

– Отказываюсь. Слушай, пан Дзек, тебе меня сегодня арестовывать придется, если у вас законы за десять лет не изменились.

– Арестами вроде стража занимается... *Тебя* арестовывать? Ну, это, конечно, к гвардии. Но за что? Подрался с кем?

– Подрался, – Эльрик хмыкнул. – Морду набил десятнику одному бравому. Я из города «после вечерней молитвы» уезжаю.

– И почему ты бабой не остаешься? – сердито буркнул Дзек, доставая бутылку. – Как мужиком станешь – вечно неприятности. Давай хоть выпьем с горя. Такой боец пропадает, а!

– Ну почему пропадает? – Эльрик взял протянутый кубок. – Срок давности выйдет, я вернусь, если домой не уеду.

– Что-то ты раньше домой не торопился.

– Так то раньше, – он выпил залпом. Дзек потянулся налить еще, но де Фокс покачал головой. – Хватит. Я не пить пришел, а сказать, что уезжаю. Да и ты на службе. Кстати, может, Михася сам известишь?

– Ну не мне, так хоть и не ему, – капитан налил себе снова.
– Что теперь со спором нашим делать прикажешь? Мы же на десять золотых спорили! А ты вон как.

– На двоих пропейте. Ладно. Мне пора, – Эльрик легко поднялся из глубокого кресла.

– Когда вернешься-то? – тоскливо поинтересовался Дзбек.
– Мы, может, снова поспорим.

– Я ж говорю – срок давности выйдет.

– Только давай ко мне, лады? Ну что тебе у этого водоплавающего делать? А я тебе сотню дам. Я бы тебе тысячу дал, да у меня, сам знаешь, всего тысяча...

– Я подумаю, – честно сказал Эльрик и вышел.

Домой он возвращался неспешно, умеряя обычно скорый шаг. Во-первых, Кине нужно было дать выспаться. Во-вторых, Эльрик вспоминал изумительную красоту эльфийки и не слишком рвался убедиться в том, что память, как обычно, склонна преувеличивать увиденное. В-третьих, откровенно говоря, он слегка побаивался того, что память не преувеличивает. В этом случае его ожидали некоторые сложности морального порядка. Затаскивать девочку в постель после всего, чего она натерпелась, было неправильно. А не затащить оказалось бы очень трудно. В конце концов, он давно уже делал это инстинктивно, сам иногда удивляясь тому, что в очередной раз оказался в постели с женщиной, которая, по большому счету, была абсолютно не нужна. Потом возникали проблемы с мужьями. Если эти проблемы возникали у

женщин, приходилось еще и мужьям объяснять, что лучше с женой обходиться поласковее. Словом – мороки выше мачты. А удовольствия от силы на неделю. Потом надоедало.

Эльрик вошел в гостиницу. Поднялся по широкой лестнице. Постучался на всякий случай в собственную комнату, услышал чуть испуганное: «да», и вошел.

Кина увидела, как выросла на пороге огромная фигура с висящим на поясе топором. Белые волосы, красные глаза и черная маска...

Эльфийка выставила лютню, словно защищаясь, и медленно отступила к креслу.

– Я закричу, – звонко предупредила она.

– Зачем? – удивилось чудовище, закрывая за собой дверь. Голос оказался неожиданно мягким. Эльфийским. – Ах да, – сверкнули страшные зубы, когда черные губы раздвинулись в...

оскале...

...улыбке. – Извини. Я не подумал, что ты испугаешься. Меня зовут Эльрик. Эльрик де Фокс.

– Предатель?

– Да. Если тебе так понятнее.

– Ты – Тресса... – осторожно, словно сама себе не веря, проговорила эльфийка.

– Ну хвала Богам. Теперь мне можно войти?

– С ума сойти. Эльрик-Предатель! Настоящий. Живой! – Кина упала в кресло, все еще прижимая к себе лютню. – Да входи, конечно. Это же твоя комната. А я думала, что ты умер. А у нас о тебе песни поют. Ты же герой, да? Ты Владыке поклоняешься, правда?

– Неправда, – холодно ответил шефанго. – Это на Айнодоре придумали. И насчет героя, кстати, тоже. Держи, – он бросил на кровать узел, – это мужская одежда. Мы уезжаем.

– Когда?

– Сегодня. Если тебе еще что-то понадобится, скажи. Я вроде все купил, но кто вас, эльфов, знает. Может, тебе что особенное нужно.

– Что особенное? – честно удивилась Кина.

– Боги, ну откуда мне знать? В общем, у тебя есть три часа на то, чтобы одеться. Есть хочешь?

– Нет.

– Смотри. До ночи голодом придется.

– Да я утром двух цыплят...

– Ты сама как цыпленок, – Шефанго снова улыбнулся. На этот раз Кина улыбки не испугалась. – Ладно. Через три часа я зайду.

В общей зале было безлюдно – время рабочее, постояльцы разбрелись кто по делам, кто по безделью. В «Серой кошке» останавливались такие, кто мог бездельничать – гостиница давно имела добрую славу, в ней даже вилки к столу подавали, специально для господ.

Тетушка Ганна привычно шуганула Марка, наострившегося было подняться на второй этаж – не дает же мальчишке покоя девица, которую Эльрик пригрел, – и присела на лавку, бездумно расправляя фартук.

Как объяснял ей Джозеф, давно уже, незадолго после свадьбы, шефанго в «Серой кошке» вместо ангела-хранителя. И не только потому, что любая уличная шушера гостиницу стороной обходит, а еще и потому, что

«Он тут, Ганна, местная достопримечательность».

слово это молодая Иоганна Тальская – тогда уже Иоганна Джозефова, но привыкнуть к этому она еще не успела, – услышала в первый раз и запомнила навсегда. Ведь и правда, кто только не останавливался в «Серой кошке», бывало, что и знатные господа, все в бархате да тонком сукне, – и все расспрашивали, а часто ли здесь шефанго бывает? Мол, слышали они от знающих людей, что настоящий живой шефанго сюда наведывается. Когда его добрые хозяева ожидают? Не знают? Ну а если подождать-пожить? Можно наде-

яться увидеть?

– Можно, – говорил Джозеф.

– Можно, – поддакивала Ганна. И нарадоваться не могла на шефанго этого неведомого, из-за одного имени которого гостиница богатела с каждым днем. Легенд она о пане Эль-рике за двадцать лет наслушалась – ей мать про Святой Огнь столько не рассказывала. А когда увидела воочию, стыдно сказать, испугалась сперва до того, что завизжала, фартуком накрылась и побежала в погреб. Прятаться, значит. Не видела даже, как чудище в растерянности замерло на пороге. Не видела, как Джозеф к нему поспешил, да не дошел – от смеха на лавку упал. Думала еще: Ежи бы – тогда жив еще первенец их был, – Ежи бы с собой успеть захватить.

Потом, когда муж ее отыскал да сына отнял, да из погреб-а вытащил, когда гость, губы покусывая, чтоб не смеяться, рассыпался в извинениях, тогда уж Ганна его разглядела. И сквозь оставшийся страх удивилась – мальчишка ведь. Даром что огромен и клыки звериные. Маска лицо не все закрывает. Вот и видно: гость-то долгожданный – пацан-пацаном.

– Лет-то ему сколько? – шепотом спросила Ганна у мужа, когда они вдвоем накрывали стол, не допустив прислугу к такому делу.

– Да разве же я знаю, Ганна? – так же шепотом ответил Джозеф. – Я тебе одно скажу, когда он был, Уденталя еще не было. И империи Готской не было. И... вообще ничего не

было.

– А Муж да Жена Первородные?

– Ну, мать, ты даешь! – изумленно воззрился на нее муж.
– Откуда же мне знать? Хотя... Пан Эльрик, – гаркнул он через весь зал, благо не было никого, – а Муж с Женой Первородные были здесь, когда вы на Материк пришли?

Шефанго с полминуты молчал, позабыв про трубку. Потом помотал головой и удивленно, но, похоже, честно ответил:

– Не было, Джозеф. Точно не было.

– Во, – наставительно сказал трактирщик, повернувшись к жене. – Слышала?

Ганна молча кивнула. Но так и не улеглось в голове, что господин Эльрик, мальчишка этот, на которого в «Серой кошке» едва не молятся, стар настолько, что и представить невозможно. Может, потому и не улеглось, что невозможно представить.

– И чего ты беспутный такой? Лучше бы насовсем девкой оставался. Ты-Тресса – это ж радость просто что за девочка. А как парнем станешь, так управы никакой нет, – ворчала Иоганна, когда провожал постоялец очередную свою женщину. – Водишь к себе и водишь. Бога бы побоялись! Смотри вот, возьмусь я за тебя да отхожу ухватом, чтоб неповадно было.

– Да ладно тебе, тетя Ганна, – смеялся Эльрик, – каждой женщине нужно немного счастья.

– Ты, что ли, счастье-то? – она сердито бухала на стол завтрак, садилась рядом, если не было многолюдно, и, подперев ладонью подбородок, смотрела, как он ест. Однажды спросила, само как-то вырвалось: – и куда мать с отцом смотрят?

А шефанго легко отмахнулся:

– Некому смотреть.

И кольнуло ей сердце. Марк-то – сыночек поздний, долго у них с Джозефом детей не было, да еще первенец умер. Марк выжил, то-то радости было. Кровиночка их. Любовь единственная. Как бы он без отца да без матери?

А Эльрик ее тетушкой звал. Уважал. Так она его паном величать и не научилась. Да и его-Трессу, если уж на то пошло, пани назвать язык не поворачивался. Девчонка ведь. Какие там паны? И то сказать, когда привезли его однажды в «Серую кошку», почитай без руки правой, кто его выхаживал? Не вертихвостки эти, что табунами прорваться пытались. И что она, Ганна, слышала, когда шефанго рычал в бреду, то на непонятном языке, то на человеческом, никто никогда не узнает. И как плакал он, кусая губы до крови. И как просил кого-то... непонятно просил, но так... Ганна сама плакала, как слышала. Хоть и непонятно. Нет. Никто не узнает, с ней это вместе и умрет. Прикипела она сердцем к шефанго страхолудному, как к сыну родному. Словно вернулся тот, первый, что умер. Ежи. Три годика ему было. Долго умирал. Плохо. Также она его выхаживала. Сутками у кровати сидела. Молилась... да не услышал Бог. Что ему, Богу, до Иоган-

ны Джозефовой? Что ему до Ежи? Столько дел других. Важных.

– Может, останешься? – спросила она потом, когда Эльрик собрался уезжать. – Оставайся, право слово. Ты ж мне за сына стал. Ну зачем тебе ехать? Куда ты, с одной-то рукой?

Обнял он ее вдруг. Поцеловал в лоб. Улыбнулся:

– На запад мне нужно, – говорит. – Дела. А тебе спасибо. Ты даже не представляешь, какое спасибо.

– Да за что? – Ганна отмахнулась, еще не веря, что он уедет, и уже зная, что уедет. – Великое дело. Марк вон, как болеет, с ним так же сижу.

– Вот за это и спасибо, – тихо так сказал. Без ухмылочки обычной.

И уехал. Она полгода ходила как в воду опущенная. Покуда слухи не дошли, что безумец какой-то, шефанго однорукый, в Готской империи рыцарей убивает. Бичей Божьих, ревнителей веры, тех, что нечисть истребляют по всем Опаленным землям. Ей бы напугаться, а она от радости редела – живой. Джозеф только в затылке чесал. Но тоже рад был – это ж не спрячешь.

Пять лет прошло вот так вот. Марку десять исполнилось. Готы, по слухам, облавы одну за другой устраивали, все поймать пытались. Говорили, сам Рилдир рыцарям Огненосным помешать пытается. А потом все там затихло. Ганна с Джозефом и испугаться не успели толком, как Эльрик явился. Живой и здоровый. У Джозефа ноги подкашиваются, язык

заплетаются на радостях. А она, Ганна, все на руку шефанго смотрит. На правую. На ту, которой не было. И поверить не может: есть рука. Живая. Настоящая.

Тогда они, помнится, «Серую кошку» перестроили. И посуду серебряную завели. Эльрик с такими деньгами приехал, сколько здесь за всю жизнь не видели. Ну и настоял, чтобы Джозеф их забрал.

– Мне они ни к чему, – говорит. – Все равно ведь на выпивку да на баб истрачу. А вы с толком используете. Мне же лучше будет.

Джозеф с таких доводов подивился, но деньги взял. Очень они пригодились.

Ну а нынче, слава Огню, приехал Эльрик, и вроде насовсем приехал. Сколько ж, он сказал, лет ему? Десять тысяч? Придумает же!

Ганна улыбнулась и оглядела пустынный зал. Редко он пустым бывает. «Серая кошка» – лучшая гостиница не только в Надерне, а во всем Удентале.

Эльрик останется, и все теперь совсем хорошо будет. Такая радость на старости-то лет. Видно, помнит про нее Бог. Бог, он про всех помнит.

Эльрик появился как всегда неслышно. Ганна увидела его, уже когда он поставил на стол пару бутылок вина. Того самого, что она ему утром с Марком послала. Уж коли такую красивую девицу нашел, как Марк рассказывает, надо ее и угостить как подобает.

– Нет никого, тетя Ганна, – шефанго прошел к стойке и принес оттуда два стакана цветного стекла. – Выпьешь со мной, пока делать нечего?

– Эх ты пьешь, – заворчала она по привычке. – А закусывать?

– Мне-то? – он сверкнул клыками.

– А то! Кто в «Огурце» дебоширил? Весь город на рогах ходил три дня.

– Ну не здесь же мне было пьянствовать.

– Верно. Был бы здесь, уж я бы тебе прописала по хребту.

– Что ж утром сегодня не прописала?

– Да ты как мышь проскользнул, я и за ухват взяться не успела, – Ганна задумчиво отхлебнула из стакана и поцокала языком: – Знатное вино. Но на кухню ты все ж таки сходи. У меня там мясо холодное в шкафу и хлеб... ну ты знаешь где. Принеси-ка.

– Слушаюсь! – он выскользнул из-за стола.

– Да ладно ерничать-то. Чай не развалишься, милостивый

пан Эльрик, если о старухе позаботишься.

– Ах, тетя Ганна, ну какая ты старуха? – мягкий голос его повис под каменными сводами, опустился, как пуховое покрывало. – Ты – женщина в самом расцвете своей красоты.

Эльрик вернулся с хлебом и мясом, прихватив по дороге свежей зелени. Почтительно поставил все это перед хозяйкой. Увернулся от подзатыльника. И снова разлил вино.

Посетителей не было. И так вот, вдвоем, потягивая «Молоко Драконессы», сидели они, пока не одолел Иоганну приятный, но необоримый хмель.

– Уезжаю я, тетя Ганна, – услышала она сквозь легкий шум в голове. – Ты извини, так уж получилось.

Ганна хотела сказать:

– Не уезжай. Обещал ведь, – и, кажется, даже сказала, потому что услышала такое знакомое:

– Надо.

Потом ее несли на руках. И ей хотелось заплакать, но слез не было, а было чуть хмельное и светлое, и грустное, но не очень, осознание расставания. Нового. Но, может быть, однажды он приедет и останется? Может быть. Даже скорее всего.

Ганна слышала заботливый голос мужа. И Эльрика:

– Все, Джозеф. Она спит уже.

Джозеф спрашивал что-то про коня. Про припасы. Какое все это имело значение, если Эльрик опять уезжает? Что припасы? У нее, у Ганны, всегда заготовлены ему в дорогу и

мясо, и сухари, и сушеные фрукты. И овес для его лошадей. Но зачем ему уезжать? Зачем?

– Я тебя очень люблю, – услышала она близко тихий голос Эльрика. И заснула.

– Ты ее до утра не трогай, – посоветовал де Фокс хозяину, отходя от кровати. – А завтра все в порядке будет.

– Куда вы уехали-то? – очень серьезно спросил Джозеф. – Когда ко мне спрашивать придут.

– С чего ты взял, что придут?

– Пан Эльрик, – укоризненно протянул трактирщик. – Я ж вас не первый год знаю.

Шефанго вздохнул:

– Скажи – на юг поехал. Через Карталь, к исманам, в Меррад.

– Они же на север искать кинутся.

– Вот пусть на севере и ищут. Ладно. Пора мне.

– Когда вернетесь-то?

Эльрик пожал плечами:

– Как получится.

– Но вернетесь?

– Вернусь, – уверенно соврал де Фокс. И вышел.

Вечерняя молитва – понятие растяжимое. Джэршэиты проводят ее точно по расписанию, но в Эзисе солнце раньше встает и раньше заходит, так что по удентальскому времени эта самая молитва приходилась как раз на середину дня. На первый взгляд, конечно, выходить под вечер не слишком разумно. Но как раз в половине дневного перехода из города стоял удобный караван-сарай. Если отправляться в путь с утра, останавливаться там не станешь, а до следующего дойти – не успеешь. Вот и ходили караваны на юг, выходя из Уденталья «после вечерней молитвы».

Эльрик с Киной выехали через северные ворота. Принц раскланялся со стражниками, до которых уже дошли слухи о безобразном избиении Хальпека, но еще не дошел приказ об аресте шефанго. Кина проигнорировала мрачных солдат.

Эльфийка очень прямо сидела в седле, кончиками пальцев управляя своей неказистой лошадкой. Лошадку звали Мымра. И предназначалась она исключительно для того, чтобы возить эльриковы доспехи да разного рода объемистое барахло. Де Фокс купил ее лет пять назад, перед последней войной, в которой ему довелось участвовать, и тогда Мымра послужила верой и правдой. Для мождока – наемника – каковым являлся Его Высочество, самым верным способом заработать деньги, была военная добыча, иначе говоря – гра-

беж, а рыжая кобыла Эльрика меньше всего годилась для перевозки награбленного. Вот и таскала послушная Мымра трофеи хозяина. До первого перекупщика.

Кина не очень походила на добычу. Впрочем, приходилось возить и женщин. Правда, ни одна из этих женщин не сидела в седле так легко и незаметно. И ни одна из них не умела править, не раздирая губы трензелем, легко и ласково касаясь поводьев.

– Нам сейчас главное из Уденталя выехать, – Эльрик критическим взглядом окинул Кину и Мымру. Поморщился. – А там я тебе что-нибудь добуду. Поприличнее.

Рыжая черноносая Греза затанцевала на тонких ногах, капризно раздувая ноздри. Она застоялась в уютной конюшне. Соседство послушной и тихой Мымры давно раздражало кобылу. А теперь еще, извольте видеть, хозяин не дает сорваться в галоп, выбирает повод, заставляет идти размеренной скучной рысью.

– Я тебе попляшу! – рыкнул де Фокс, и Греза послушно притихла.

Нафиз встретил их во дворе караван-сарая, посреди упорядоченной толкотни и шума. Постоял, покачиваясь с пятки на носок, глядя, как спешивается огромный легкий эльф, как подхватывает он на руки ослепительной красоты девушку, совершенно не похожую на страшилище-брата.

«Брат. Как же, – хмыкнул купец про себя, – знаем мы таких братьев. Сами такими были». Впрочем, отношения этих двух эльфов его не касались. Девочку неплохо было бы залучить в гарем, но кто знает, чего ожидать от эльфиек? Пусть уж лучше остается сама по себе. А вот этого, здорового, если он сумеет понравиться, можно, пожалуй, осчастливить предложением постоянной работы.

Нелюдям, какими бы грозными они ни были, в одиночку на Материке не выжить. Всем нужна защита, нужны покровители. Особенно если у них есть сестры, нуждающиеся в заботе.

Купец ответил на поклон эльфа. Так себе поклон, прямо скажем. Не поклон даже, а скорее намек на него. Или даже намек на намек поклона. Ну да икберы с ним, в конце концов, от парня требуется не умение шею гнуть.

– Келья справа от угла для твоей сестры, – Нафиз перестал раскачиваться и пожевал губами. – Твое место у воинов.

– Понял.

Показалось? Или действительно за черными губами сверкнули белые, звериные клыки? Вроде у эльфов не бывает клыков? Но это порождение икбера все же больше похоже на эльфа, чем на человека.

– Иди. Устраивайся, – Эльрик подтолкнул Кину к ее келье.

– А ты? Ты придешь?

Шефанго улыбнулся, не разжимая губ. Улыбка вышла гадкой.

– Боюсь, госпожа, это будет не совсем удобно. Да ты не бойся, никто тебя здесь не обидит. Если что – зови меня, я всем морду набью.

– А этому? – Кина осторожно кивнула на Нафиза.

– А этому – особенно, – почему-то обрадовался Эльрик. – У него барахла много. Морду ему набьем, добро продадим, большими людьми станем, э?

– Нет, из тебя разбойник не получится, – неожиданно заключила эльфийка. И отправилась в указанную келью.

Удентальские дороги для купцов в радость. Разбойников здесь повыбили, постоянные дворы расставили. Даже погода и то как на заказ: ни дождей промозглых, ни солнышка жаркого. Охрана едет, да шуточки шутит, знают – нечего здесь бояться.

Нафиз, раскачивался на верблюде, привычно колыхался в такт шагам и смотрел вокруг с улыбкой.

Синеглазая эльфийка трусила на своей лошадке, настраивала лютню. Дочь порока, конечно, но ведь какая красивая – глаз не оторвать. А этот-то, страшный, и верно брат ей. Это ж только брат может за пять ночевок ни разу в келью к такой женщине не зайти. Масхут вон не удержался, попробовал зайти... Ну и летел Масхут через весь двор. Да нет, никто его не бил – Эльрис его, как котенка нашкодившего, взял за ремень да за шиворот и бросил. Хорошо Масхут летел. Ай, хорошо! Но не понравилось ему летать. Не ходит больше к эльфийке.

А Эльрис, как всегда, впереди. Его Дистэ в голову каравана отправил. Его, значит, в голову, а девочку, значит, в хвост. Ведь и Дистэ себе тоже что-то думал. Да только посмотрел, как Масхут летал, и не думает больше. Эх, люди... Рождены ползать, куда вам летать? Дистэ не думает. А Эльрис – впереди. Ему самому так, вроде, привычней. Но как на конях

сидят! Что он, что сестра его. Слышал Нафиз, что эльфы – наездники не хуже исманов. Слышал. Сейчас увидел. Лучше эльфы. Стыдно признаться в этом старому толстому Нафизу, чей прадед вместе с эльфами под Аль-Барад ходил. Стыдно, да куда денешься – свои ведь глаза не обманывают.

...Кина настраивала лютню, отпустив поводья и глядя на мерно вышагивающий караван, частью которого была сейчас она сама. Огромные звери – верблюды – плыли над дорогой, выпятив надменные морды и не замечая в своей надменности, как смешно смотрится веревка, тянущаяся к хвосту верблюда, вышагивающего впереди. Всадники охраны, легкие, поджарые, бритоголовые, то и дело срывались с места и неслись вокруг каравана, оглашая окрестности свистом и гиканьем. Кина понимала, что все эти взрослые мальчишки только и рвутся показать ей свою удаль. Оставив попытки взять ее с наскоку после первой неудачи этого забавного парня, как же его... Масхута, они теперь стараются просто произвести впечатление и перещеголять один другого. А Масхут... Кина улыбнулась и подкрутила колок. Какое у него лицо было, когда он на ноги встал. Весь двор хохотал. Эльрик только не смеялся. Кина вспомнила, как она выглядывала из-за широкой, такой надежной спины. Как потер бритый затылок и нерешительно ухмыльнулся Масхут. Он пошел к ним снова, но она совершенно не испугалась. В первый раз за бесконечные месяцы не испугалась. Потому что совершенно ничего не боялась, когда Эльрик стоял впереди, защищая ее от всего на свете. А Масхут подошел и... поклонился и что-то сказал на эзисском.

Эльрик ему ответил.

Потом развернулся к Кине:

– Он извиняется. Ты его простишь?

– Конечно, – она так разволновалась почему-то, что вышла вперед, взяв, правда, на всякий случай Эльрика за руку.
– Только пусть он больше так не делает.

Длинная фраза на эзисском – Кина еще не успела привыкнуть к тому, как легко переходит ее «брат» с языка на язык. Масхут снова поклонился. Эльрик кивнул в ответ. И к костру, возле которого сидели развеселившиеся воины, они ушли вместе. Коренастый, низенький исман. И стройный, высоченный шефанго...

«Эльф, – напомнила себе Кина. – Здесь он эльф».

Эльрик на своей высокой рыжей кобыле ехал впереди каравана, словно позабыв о существовании Кины. Она пробежала пальцами по струнам. Взяла несколько пробных аккордов и запела.

Она пела на эльфийском, удобно устроившись в седле, перебирая пальцами звонкие серебряные созвучия. И песня ее была для нее самой неожиданно светлой, а она ведь думала, что разучилась от души петь о свете и радости. А когда Эльрик обернулся, отвлекшись от мрачного наблюдения за пустынной дорогой, эльфийка рассмеялась от непонятного чувства победы. И хотя шефанго тут же поторопил кобылу, вновь вырываясь вперед, что-то в нем изменилось. В контуре напрягшихся плеч, в чуть застывшей, не такой свободной,

как секунду назад, посадке, в том, наконец, как нервно за-
плясала Греза, чутко реагируя на каждое движение своего
всадника.

*Вы можете мне не поверить
И посчитать все обманом,
Но я вижу – распахнуты двери
Над матовой кромкой туманов,
Но только летят позывные,
Из музыки соткан эфир.
На торосы снежно-седые
Ложится сияющий мир...⁹*

Звонкий голос Кины летел над удивительно-зелеными лу-
гами, над прогретой солнцем дорогой, над притихшим кара-
ваном. И Нафиз, свесившись с высоченного верблюда, слу-
шал, щуря на солнце маленькие черные глазки.

«Хорошо поешь, дочь порока, – думал он, разглядывая
узорчатую мелодию, как разглядывал красочные рулады ка-
шхарских ковров. – Хорошо поешь, но плохо ведешь себя.
Совсем плохо, девочка. Старый Нафиз не любит, когда его
воины джигитуют, как безусые мальчишки. Старый Нафиз
не любит, когда его люди забывают о своих обязанностях.
Мне нравится твой брат, певица. Но не ты. Ты мешаешь ста-
рому Нафизу... Очень мешаешь».

⁹ Стихи М. Ауловой.

Густо-синее небо начало по-вечернему светлеть. Заревели, чуя близкий отдых, верблюды, прибавили рыси лошади, окончательно расслабились охранники, знающие, что ничего плохого не ждет их на удентальских дорогах.

«Где ж ты дерьма такого набрал, Нафиз? – Эльрик передернул плечами, пытаясь сбросить непонятную, гнетущую тревогу. – Ведь умный же вроде мужик! Ну какие из этих сопляков вояки?

Кина...

Какие из них, к акулам, охранники?»

Нет. На предчувствие опасности его ощущения не походили. Давило, как перед грозой – да. Но...

Великая Тьма! Как она поет...

...скорее просто от неожиданного осознания того, что здесь и сейчас эти потерявшие голову исманы будут совершенно бесполезны, если дойдет до боя...

С кем?

...хотя бы с забредшей сюда из Карталья бандой. Это ж не караван, а подарок просто – хоть голыми руками бери.

Редкие деревья, окаймлявшие дорогу, постепенно превращались в жиденький лесок.

«Эльрик. Соберись! Выброси девочку из головы...»

И, словно взявшись помочь ему избавиться от наваждения, ударило, кольнуло резко и остро предчувствие. Мгновенный страх. Опасность! Смерть...

Шефанго остановил лошадь, замер, напряженно прислушиваясь то ли к лесу, то ли к себе самому. Поднял руку, делая знак пальцами. В исманской легкой коннице этот жест издавна означал внимание и готовность к бою. Вертлявый, шустрый Узун потянул было лук из саадака, но десятник ударил его по руке:

– Здесь я командую!

А Эльрик уже не обращал внимания на то, что происходит за его спиной. Он привык... да, он привык и не успел отвыкнуть за десяток лет... к тому, что, увидев мимолетный этот знак, воины позади вскидывают настороженные луки. Готовые стрелять. Готовые прикрыть того, кто впереди. Даже самые плохие воины. Даже самые...

Смерть скользила по земле, под травой, под деревьями. Смерть... Чудовищная змея. Змей! Задрожала, всхрапывая, норовя закусить удила Греза. Змея еще не было видно, но Эльрик вскинул взведенный арбалет, зная, что, даже если он промахнется, дождь стрел из-за спины даст ему возможность отступить и перезарядить оружие. Драться с такой тварью (его шестое чувство обычно склонно было преуменьшать реальные размеры опасности, но Змей всё равно представлялся огромным) – верное самоубийство.

– Что там такое, эльф? Если ты поднял тревогу...

И времени осталось только на то, чтобы понять – не прикроют. Не успели. Не поняли. Не захотели. А Дистэ-десятник нахлестывал лошадь, торопясь вырваться вперед. И да-

же на то, чтобы остановить его, времени не осталось...

Вырванные с корнем деревья у обочины взметнулись в воздух. Чудовищная голова с пастью, полной острых зубов, поднялась над дорогой. Греза завизжала почти по-человечески и кинулась куда-то, ошалев от ужаса... попыталась кинуться. Впервые за всю ее семилетнюю жизнь всадник грубо и резко дернул повод, в кровь разрывая нежные губы, приказывая стоять, заставляя стоять вопреки всему. Даже вопреки смерти.

Миновав застывшую лошадь, пасть метнулась к Дистэ... Был десятник. И не стало десятника. Только кровь в пыли да перекушенные у бабок лошадиные ноги.

Эльрик де Фокс

Наверное, все произошло очень быстро, но для меня в бою время течет иначе, и я видел, как страшно-медленно сбились в кучу напуганные верблюды. Как скатился с седла Нафиз и побежал, спотыкаясь, куда-то в сторону. Как воины охраны, позабыв обо всем, нахлестывали коней, улепетывая от ужасной твари. И Кину, вырвавшуюся из этой толчеи, с лютней, брошенной за спину. Кину, со всех ног спешащую... ко мне.

Арбалетный болт свистнул, уходя вперед и вверх. Прямо в небо вновь распахнувшейся пасти. Дохлый, конечно, арбалетик. Но лучше я еще не встречал. Они ведь на людей рассчитаны, арбалеты-то. На людей. Ну на эльфов, в крайнем случае...

Кусок змеиной головы вылетел вместе с глазом. А толку?! Мозгов у твари все равно не оказалось. И надо было бежать. Да только совсем рядом грохотала копытами лошадка Кины. И не ушли бы мы вместе. Не...

Мне повезло, что Змей так и не успел выбраться на дорогу полностью. Все-таки деревья ограничивали его подвижность.

Чем-то эта драка напоминала достопамятное сражение анласитского Гуиса-драконоборца.

Тяжелые удары о землю окровавленной головы твари.

Мой топор, достающий ее, отсекающий куски скользкого мяса. Беснующаяся лошадь. Удрать я ей не дал, и теперь Греза дралась за жизнь вместе со мной.

И все-таки он был слишком быстрым, этот Змей. Когда его удар выбил меня из седла, я сгоряча еще вскочил – не потому, что надеялся его убить, а чтобы отвлечь от эльфийки, – увидел уносящуюся во весь опор Грегу, мелькнувшую следом за ней иссеченную башку и кинулся вперед, как воробей на ястреба. Выскочить из-под рушащейся замертво туши я успел. А потом...

...Жесткая постель. Беленый потолок над головой. Кина в кресле, глядящая на меня так, будто я был всеми ее любимыми и умирающими родственниками вместе взятыми. Мешающие дышать повязки. Запах трав. Эльфийских, между прочим. Я таких и не знаю.

– Это мы где?

Н-да. Назвать свой вопрос оригинальным я не могу. Но ничего другого в голову не пришло.

Кина встрепенулась, сообразив, что я жив и почти здоров. Всплеснула руками и... бросилась меня обнимать, обливаясь почему-то слезами. С чего бы? Или она расстроилась, что я все-таки не умер?

Помимо слез, бессвязных восклицаний и сырой подушки я получил чуть-чуть информации. Правда, странной. Что-то о героических сражениях, бесстрашных воинах, ну и заодно

О том, что два полученных мной удара – в грудь, головой Змея, и тот, спиной о землю, – должны были бы свести меня в могилу. Однако ж не свели.

– Еще бы. Подумаешь, червяк!

В обществе красивых женщин, пусть эльфиек, так и тянет выпендриваться.

Кина сама, наверное, не смогла бы себе объяснить, почему, когда кошмарное чудовище вырвалось из мирного, светлого леса, а верная охрана Нафиза ударилась в бегство, она сама не помчалась куда глаза глядят, лишь бы подальше от Змея. Какая-то сила заставила ее пришпорить сопротивляющуюся лошадь, направляясь к Эльрику. К Эльрику, который остался один против воплощенного ужаса.

Один...

Против всех.

Защищая ее.

Светлый Владыка, она ни на миг не усомнилась, что он защищает именно ее.

– Сгинь к акулам, дура! – заревел шефанго на эльфийском каким-то жутким, не своим, рычащим и низким голосом. А неказистая лошаденка продолжала мчаться вперед, похоже, потеряв голову от страха. И Кина. Тоже. Потеряв голову. Отрывочными кусками она видела то мечущуюся Грезу; то алые отблески солнца на лезвии топора; то страшную голову Змея, в которую с хрустом врезалась сталь.

Разбрызгивая кровавые ошметки, змеиная башка врезалась Эльрику в грудь, вышибая шефанго из седла. Кина услышала истошный визг и не поняла, что визжит сама. Все закончилось. Так быстро и страшно.

Но де Фокс вскочил, словно оттолкнувшись от земли всем телом. Быстро и гибко. Он должен был умереть. Сперва он, а потом Кина...

Он еще жил.

Змей и топор в руках Эльрика ударили одновременно. Почеловечески вскрикнула Греза, когда чешуйчатая голова обрушилась ей на спину, ломая хребет. Забила копытами, валясь в дорожную пыль. А сверху, то ли зашипев, то ли заркавав, заливая дорогу кровью, уже падал Змей. Мертвый. Совсем.

Эльрик в немыслимом пируэте выскользнул из-под удара, который должен был размазать его по земле, и только потом опустился рядом. Не упал, а именно опустился. И остался сидеть, уронив голову на заляпанную кровью чешую.

– Вот! Герой! – кричал, позабыв о своей обычной сдержанности Нафиз, пока самодельные носилки с Эльриком рысью волокли к недалекому уже постоялому двору. – Вот! – Слюна брызгала с полных губ исмана. – А вы, вы все, дети шакала! Постыдная помесь свиньи и бродячего пса! Пожиратели отбросов! Трусливая падаль, недостойная носить оружие. Ты умеешь лечить, девочка? – обратился он к Кине неожиданно ласково. – Скажи старому Нафизу, ты умеешь лечить? Ну где я найду лекаря в этой забытой Пламенем дыре?! Ты должна выходить своего брата. Ты должна, или я отправлю тебя вслед за ним.

– Молчал бы, толстопузый! – зло огрызнулась Кина. И до-

бавила на всякий случай одно из слов, подхваченных ею в незабвенной Румии. Не то, которое она сказала, когда пришла в себя в номере Трессы. Но, видимо, не хуже. Во всяком случае, когда она вспомнила однажды это слово при Эльрике, уши у шефанго почернели, и он очень вежливо попросил Кину никогда больше так не говорить.

Нафиз осекся. Налился дурным румянцем. И... умолк.

К счастью, в северном городке, на границе Айнодора с Орочьими горами, лечить умела любая женщина. Когда случались набеги, каждый лекарь ценился там на вес золота.

Все пережитое, все события сразу и каждое по отдельности, Кина попыталась изложить Эльрику, едва открыл он глаза. То есть, конечно, сперва она почему-то заплакала. Но потом все-таки рассказала. А если Эльрик чего-то не понял (во всяком случае, Кине не показалось, что он вообще что-то понял), то, наверное, лишь потому, что очень уж здорово он ударился об землю. Да и Змей ему головой приложил – мало не покажется.

– А Нафиз коня привел! – вспомнила она, когда поняла, что помирать названный братец ну никак не собирается, а собирается наоборот жить, причем прямо сейчас же, не сходя с места.

– Какого еще коня? – Эльрик с остервенением выпутался из одеяла, которым его так заботливо укутали, и сел на постели, недовольно уставившись на лежащую вне досягаемости одежду.

– Коня... – Кина завороженно смотрела, как перекачиваются под светло-серой, гладкой кожей тугие мускулы. Страшный шрам на правом плече нисколько не портил шефанго. Скорее наоборот, был как-то странно уместен.

– Ну? – вернул ее к жизни голос Эльрика. Шефанго потер лицо ладонями. Помотал головой. – Бр-р-р... Ненавижу. А ведь я так любил змей! Какого коня?

– Да обычного коня, – спохватившись, заговорила эльфийка. – Ну... красивого такого. В смысле, не как наши, айнодорские, конечно. Но... сильный конь, это видно. Выносливый. Большой. И сбруя на нем красивая очень. Вся в серебре. Да! Он его для тебя привел. И где только взял – в караване его не было, я бы заметила. А еще он мне лошадку привел. Тоже славную.

– О премиальных мы вроде не договаривались, – почему-то зло пробурчал Эльрик. – Выйди, девочка. Я оденусь, что ли.

– Зачем?

– Гм! – невероятно, но в безжизненных, мертвых глазах шефанго промелькнул явный интерес. – Я не думаю, что нам стоит заниматься этим здесь и сейчас, верно? А значит, мне нужно одеваться и покидать твои гостеприимные стены. Это ведь твоя комната, так?

– Чем заниматься? Ой... – Кина покраснела и тут же сердито нахмурилась. Эльрик с нескрываемым удовольствием наблюдал, как от гнева темнеют ее глаза, приобретая совер-

шенно потрясающий фиолетовый оттенок. – Да ты... Да как ты...

– Да никак, – оборвал ее де Фокс, не дав разразиться гневной отповедью. – Сейчас особенно. Маленькая ты еще. Все. Брысь.

Кина поднялась и вышла из комнаты. Держалась она подчеркнуто прямо и дверь за собой закрыла без стука. Аккуратно так закрыла. Вежливо. До оскомины вежливо.

– Так-то лучше, – сказал шефанго в закрывшуюся дверь.

Оделся он быстро, но сначала избавился от туго перетягивающих грудь бинтов. Шефанго – не эльфы какие-нибудь, все как на собаке заживет. Кольчугу, сваленную на полу бесформенной грудой, надевать не стал – ребра все-таки ныли, и одна мысль о лишней тяжести заставляла их болеть еще сильнее.

Кины не было за дверью. Не было и на просторном дворе. Откуда-то из-за складов доносился ее серебристый голос, выводивший вычурную мелодию на эльфийском, но Эльрик туда не пошел. Он отмахнулся от охранников, потянувшихся к нему с виноватыми лицами. Вежливо нахамил Нафизу. Сел, скрестив ноги, на пыльную землю у стены, достал трубку и закурил.

*То не кровь врагов на моих руках,
 То не пыль дорог на моих ногах.
 Это дальний звон, это свет звезды,
 Горечь тайных слез –
 Это кровь травы...*

Чего проще было, кажется, взять и охмурить Кину, если не в Удентале – там на это действительно как-то не осталось времени, – так хотя бы по дороге? Пять ночевков на постоялых дворах! И ни одна собака не вякнула бы. Великое дело – парочка нелюдей, прикидывающихся братом и сестрой, дабы не шокировать закостеневших в рамках своих обрядов смертных.

«Да она же соплячка еще, – напомнил себе Эльрик и тут же разозлился: – Себе бы не врал, жеребец стоялый! Не такие были, и что? Хоть бы раз совесть проснулась».

Красива была Кина. Красива несказанно, но где это видно, чтобы красота помешала в святом деле соблазнения? Беззащитна и беспомощна? Да, тарсграе¹⁰, все они перед ним, неудержимым в своей чудовищной силе, и беспомощ-

¹⁰ Тарсграе (зароллаш) – великая Тьма. Идиома, восклицание, что-то вроде нашего «господи». Правда, в зароллаше слово «тарсграе» не считается поминанием богов всеу.

ны, и беззащитны. Иногда даже чересчур. Могли бы и защищаться, хотя бы из приличия. Кина полностью от него зависела... Да. Здесь было что-то. Правда или хотя бы часть правды. В конце концов, он всегда оставлял за женщиной право выбора, а о каком, к акулам, выборе могла идти речь у Кины, которая цеплялась за него, за шефанго, как за единственную надежную опору в ужасе, окружившем ее среди смертных.

Эльрик-Предатель. Как же! Древняя сказка Айнодора.

Пальцы в зелени да в глазах огонь.

На околице ждет тебя твой конь.

Мчитесь к западу, вдруг получится,

А за вас я здесь

Да помучаюсь.

«Влюбился я, что ли? – мрачно спросил принц у себя самого. И сам себе ответил: – Похоже, что так».

Испугался он мгновением позже. Когда понял, что подумалось-то не в шутку. Не с обычной скабресной усмешечкой.

«Да бред собачий! – Эльрик вскочил на ноги, стискивая острыми зубами черенок трубки. – Аш’тасс зархсас даратх¹¹, быть такого не может. Пень старый, развалина древняя, герой-любовник, ты что, охренел?!»

¹¹ Аш’тасс зархсас даратх (зароллаш) – укуси меня треска. Распространенное ругательство.

Отвечать кроме него было некому. А отвечать самому почему-то не хотелось.

Де Фокс глубоко затаился. Выпустил дым. Почувствовал на зубах деревянную крошку и выругался вслух. Похоже, очередной трубке приходил конец.

В голове не укладывалось, как можно было влюбиться в глупую, запуганную, насквозь измученную девочку за каких-то шесть дней.

«В эльфийку, Боги... – молча простонал Эльрик. – Нет, я и вправду извращенец».

*Ноги босые да по сырой земле,
Все по поросли, да по живой листве.
Только нет пути, время кончилось
Ясным утречком,
Грешной ночьюю.*

Влюбиться за шесть дней. И это после десяти даже не веков – тысячелетий галантно-скабрёзного отношения к женщинам. Любим. Случались, конечно, увлечения, затягивавшиеся надолго. Иногда на десятки лет. Но... Нет. Не так все было. Совсем не так

Красива была Кина...

В том-то и беда. Так уж устроены шефанго, что все вокруг оценивают с позиций «красиво-некрасиво». Это – определяющее. Остальное – лишь поверхностные наслоения, не сто-

ящие внимания, не оказывающие влияния. Ни на что.

Эльрик был больше шефанго, чем все его соплеменники. И одновременно он не был шефанго вообще. Обычно это помогало отстраниться, посмотреть на собственные поступки словно бы сверху, как смотрят на картину, на отражение в воде. Помогало понять себя. Предсказать свое поведение.

Сейчас и здесь он тоже отстранился. И увиденное ему не понравилось.

Красива была Кина. Слишком красива. Скорее всего, даже на Айнодоре она не знала себе равных. А уж его, шефанго, давно не видевшего нелюдей, привыкшего довольствоваться теми осколками красоты, что сверкали иногда в человеческих женщинах, синеглазая эльфийка заворожила сразу. Наверняка даже не задумавшись об этом.

«И не влюбился ты вовсе, – вынес Эльрик сам себе неожиданный и беспощадный приговор. – Ты ее полюбил, придурок. Теперь моли богов, чтобы добраться поскорее до Ахмази и сдать ему эту обузу с рук на руки. Сдать с рук на руки, ты меня слышишь, болван?! Этот лис о девчонке получше твоего позаботится, так что, если ты желаешь Кине блага, даже не помышляй о том, чтобы оставить ее себе».

Нафиз с некоторой опаской наблюдал в отдалении за расхаживающим вдоль стены эльфом, сжимающим в зубах погасшую трубку. Ушлый купец раздумывал, как бы ему убедить этого беловолосого шайтана остаться у него на службе. А еще Нафиз полагал, что Эльрис не станет возражать, если его сестра станет любимой женой в доме богатого и процветающего торговца из Мерада. Нелюдям, какими бы грозными они ни были, в одиночку на Материке не выжить. Всем нужна защита, нужны покровители, даже самым сильным.

И серебром звенело под вечерним небом:

*Слезы капаят, колокол звенит,
Только слышится дальний стук копыт.
Я бы рад уйти, да горят мосты.
Это свет звезды,
Это кровь травы*¹².

¹² Стихи М. Ауловой.

Султанат Эзис. Город Мерад

1

Мерад показался Элидору гигантским муравейником, где муравьи все как один спятили и носились по улицам без всякой цели и смысла. Впрочем, глухая злоба и раздражение, перегорев еще в Табаде, сейчас уже почти не давали о себе знать. Зато любопытства и непонимания было больше, чем хотелось бы.

– Куда они все несутся? – спросил эльф у Сима, пока ехали по узким улочкам. – Пожар, что ли?

– По делам они. И не несутся, а спокойно идут, – охотно объяснил гоббер. – Вот когда пожар, тут такое начинается... – он ухмыльнулся. – Люблю.

– Что? – не понял Элидор. – Пожары?

Сим обиделся:

– Какие пожары?! Беготню люблю. Суету. Всем что-то надо, все заняты, все при деле. Очень приятно сумятицу вносить.

– Куда мы едем-то?

– В кофейню. Лучшая в городе, между прочим.

– А почему на окраины?

– Эх, Элидорчик, – гоббер вздохнул, – двадцать лет ты в

ордене работаешь, а все еще не понял, что лучшее всегда на окраинах.

– Лучшее – в центре, – буркнул эльф.

– Где центр, а где мы? – совершенно серьезно спросил Сим.

В словах его был свой резон. Про наблюдателя Сима Элидору слышать не приходилось, но кто в ордене лучший боец, он знал. И боец этот был сейчас действительно далеко от центра.

– Это лучшая кофейня в городе, – с энтузиазмом взялся просвещать его гоббер. – Там вообще-то не сдают комнат. А если сдают, то только очень приличным людям. А хозяин привык не задавать вопросов. И трупы прятать удобно.

– Что ты понимаешь под приличными людьми?

– Ну... нам с тобой он комнаты сдаст. А потом ты расскажешь мне все сначала и поподробней. Лады?

– Посмотрим. Мебель там такая же?

– Такая же как где? А-а, как в Табаде? Нет. Лучше.

– Выше? – с надеждой спросил Элидор.

– Мягче, – расплылся в улыбке Сим. – Тебе понравится.

Ему не понравилось.

Для начала не понравился сам хозяин. Толстый неопрятный мужчина по имени Жайдак. Он походил на кусок теста, а руки его были белыми и пухлыми, как у полных женщин.

– Почтеннейший, нам нужна комната, – разливался Сим, пока Элидор разглядывал Жайдака, а Жайдак разглядывал

Элидора: черный плащ с белым крестом, характерную фибулу и простенький, но вызывающий перстень все с тем же крестом по черной эмали. — Да, комната нужна, а вот вопросов нам не надо — за что-то же мы платим такие большие деньги. Комната нам нужна всего на пару дней, а потом мы уезжаем. Кстати, надеюсь, сало у вас не прогорклое?

«Это он к чему, интересно?» — Эльф перестал сверлить Жайдака взглядом, и тот, опомнившись, заверил Сима:

— Все самое свежее, уважаемый. Самое свежее.

— Свежее — это хорошо, — Гоббер ободряюще улыбнулся. — Но главное, чтобы не беспокоили. Вот когда я прошлый раз был в Мераде, мне пришлось останавливаться в таком хане, что там невозможно было заниматься делами. Как-то приходит ко мне в тот хан...

Хозяин явно встречался с Симом раньше: он, обреченно кивая, провел гостей в задние помещения дома, где и располагались комнаты для приезжих. Получил плату. Действительно немаленькую. Поклонился. И убрался с явным облегчением.

Элидор с ненавистью поглядел на те же стол и кровать. Выругался сквозь зубы.

— Ты чего, Элидорчик? — искренне удивился Сим. — Ты глянь, тут даже кресла есть.

— Кресла?

— Да вот же! — Гоббер ткнул пальцем, а потом плюхнулся задницей на грудку подушек. — По-здешнему — ястык, а по-

нашему – кресло.

Элидор закрыл глаза и упал на кровать. Сим пытался научить его говорить «тахта», но учиться эльф не желал. У него никогда не было способностей к языкам.

– Ну? – с нетерпением провякал гоббер.

– Что – «ну»?

– Задание твое.

– Убить Самуда.

– Нет. Не так. Ты неправильно рассказываешь. Вот слушай, как надо.

Элидор приподнялся на локтях. Потом сел. И с интересом уставился на Сима.

Ободренный вниманием, гоббер сделал значительное лицо:

– Значит, так, для начала ты должен произвести как можно больше шума одним своим появлением. Верно?

– Ну.

Это было само собой разумеющимся. Все свои убийства, кроме, пожалуй, самых-самых первых, Элидор должен был проводить громко. Его выходы всегда были карательными. Силовой аргумент ордена. «Тот, кто всегда возвращается». Зачем оговаривать то, что и так понятно?

– Следовательно, убивать тоже нужно громко и красиво. Так?

– Ну.

– За громкое убийство могут громко настучать по голове.

А в нашей ситуации по голове могут настучать уже за громкое появление, так?

– Кофейня и деньги.

– Правильно. Это мое дело, и я его делаю. Ты – убиваешь. Я прикрываю твою задницу. Что ты должен взять у Самуда?

Элидор молча поднял бровь.

– Это мне начальство! – Сим досадливо фыркнул. – Как думаешь, зачем они свели наблюдателя моего уровня и бойца твоего уровня... Кстати, ты в курсе, что карателей, кроме тебя, у ордена нет?

– Да.

– Славно. Так вот, как ты думаешь, зачем?

– Наблюдатель «твоего уровня» – вор?

– Точно! И еще какой! Так вот, ты думаешь, они свели нас, чтобы я помог тебе взять то, что ты должен взять? Как бы не так. Они это сделали, потому что я им под руку подвернулся. Я из местных – единственный свободный пока.

– Я ничего не должен брать.

– «Месть Белого Креста», – с пафосом произнес Сим. – Не смешите меня, юноша! Это на Западе у ордена все с поднятым забралом – запугивать так запугивать, договариваться так договариваться. На Востоке все иначе. Ну подумай сам, какой смысл Белому Кресту отправлять карателя к Самуду. Шейху, между прочим, «Горных кошек». Ты мне об этом сообщить забыл. А начальство, надо полагать, считает, что я должен знать все и обо всем. Так вот, какой в этом смысл?..

Сим начал изъясняться неожиданно здраво и членораздельно, что слегка напугало Элидора. Слишком уж привык к беспрестанной и бессмысленной болтовне гоббера. Он честно попытался задуматься насчет смысла, хотя со дня получения задания прекрасно понимал, что весь смысл сводится к изъятию перстня. Запугивать исманов, тем более барбаки-тов, было действительно бесполезно, по той простой причине, что с ними нельзя было прийти к компромиссу. Никак. И никогда.

Выходило так, что Сим тоже понял это сразу.

А если понял Сим, до тонкостей знающий здешнюю жизнь, значит, поймут и те, кого нужно было ввести в заблуждение.

– Неважно, – буркнул Элидор.

– Ага. Значит, взять что-то нужно? А говорить ты не хочешь, потому что не велели. Ладно. Сейчас моя очередь работать, вечером будет твоя. – Сим вдруг ухмыльнулся гадко-прегадко. – А ты ведь командовать привык, Элидорчик, правда? А я вот – наоборот. Как мы ролями-то поменялись!

И он исчез, не дожидаясь ответа.

Впрочем, отвечать Элидор не собирался. Сим командовал до вечера. С вечера все встанет на свои места. Гоббер знал это так же хорошо, как он сам, и обоим ситуация устраивала.

Элидор стянул сапоги, вытянулся на низкой и жесткой «тахте», – он поморщился, – и заснул. Сразу. Как провалился. До вечера было еще долго.

Воеводство Уденталь – воеводство Карताल

1

И снова стелилась дорога под ноги верблюдам и лошадям. Убегала вдаль, петляя между холмов. Иногда ровной лентой неслась вперед до самого горизонта. Посерьезневшие охранники ехали, настороженно окружив караван. Беловолосый эльф, негласно ставший командиром десятка, башней высился в седле. Эльфийка обиженно смотрела в его широкую спину, на косу, стекающую из-под шлема, змеящуюся между лопаток до самого крупа гнедого жеребца.

Нафиз не смог найти здесь, в западных землях, кобылы, не уступающей погибшей Грезе. И хоть не укладывалось в голову у мерадца, как может воин ездить на неповоротливых тяжелых жеребцах, выбирать ему не приходилось. Впрочем, Эльрис, как и следовало ожидать, очень быстро нашел общий язык с подаренным ему чудовищем. Нафиза поблагодарил, может быть, суховато, но вежливо – не придерешься. А увидев маленькую кобылку, добытую купцом для Кины, заговорил с хозяином гораздо теплее.

Теперь огромный воин на огромном коне вновь ехал впе-

реди каравана. Вид его вселял в сердце Нафиза уверенность и сладкую надежду на то, что он сумеет заполучить Эльриса к себе на службу. За жеребцом, как привязанная, рысила неказистая Мымра, глухо топая по пыли копытами. А чуть подальше – но не в хвосте, как обычно, – грациозно выпрямившись в седле, следовала Кина. И все сверлила спину названного брата хмурыми синими очами.

2

Кина знала, что Эльрисом, Разящей Звездой, его называли эльфы. Назвали, когда корабли беловолосого шефанго в первый раз прошли вдоль берегов Айнодора, сжигая поселки и грабя города.

А когда до эльфийских островов дошел слух об изгнании шефангского принца, Эльриса стали именовать Эльрингом... За что уж дали ему такое имя, Кина так и не узнала.

Эльрик-Предатель. Эльринг. Ледяная звезда. Ожившая легенда из такой седой древности, какую даже Кина, бессмертная, не могла себе представить. На Айнодоре все еще пели песни о шефанго-изгнаннике. И верили почему-то, что изгнан он был за то, что обратился к Свету. Не укладывалось у эльфов в голове, за какие грехи, кроме измены вере, отец может отправить на смерть родного сына. А ведь именно император приговорил наследника к изгнанию.

Разъезжая по землям Айнодора, собирая чужие песни и щедро раздаривая собственные, Кина узнала несколько вариантов древней сказки. Все они были очень красивыми. И все заканчивались одинаково – страшной смертью Эльринга, Ледяной Звезды, где-то на бескрайних просторах враждебного Материка. Иначе и быть не могло. Но кто же тогда Эльрик? Этот огромный и молчаливый шефанго, в одиночестве живущий среди людей? Белые волосы и страшные алые гла-

за. Ощущение ледящего холода, окружающего его невидимой и непроницаемой стеной. Несравненное искусство убивать...

«... – Эльрик-Предатель?!

– Да. Если тебе так понятнее...»

Кто еще мог так же легко согласиться с оскорбительным и горьким прозвищем?

Но Эльрик не поклонялся Владыке. И чужд был Свету, хотя ни разу не принял попыток Кины вызвать его на разговор о Тьме.

«... – Это на Айнодоре придумали. И насчет героя, кстати, тоже...»

Что правда в легендах? Что вымысел? Что просто сказка? За что же все-таки изгнали его?

«Пойди да спроси!» – сама себя подбодрила эльфийка. Толкнула пятками свою легконогую кобылку, догнала Эльрика, объехав насторожившуюся Мымру, и пристроилась рядом.

– Вернись на место, – спокойно посоветовал ей шефанго.

– Эльрик, я только спросить хочу. Можно?

Он покосился на нее сверху вниз:

– Ну спрашивай.

– А почему ты стал предателем?

– Детей бы всех... – непонятно буркнул де Фокс, и потянулся за трубкой. – Так получилось.

– Как?

– Оставь меня, любознательный ребенок, – Эльрик принялся набивать трубку табаком, покачиваясь в седле и умудряясь не просыпать ни крошки. Кина увидела, что на мундштуке появились новые следы острых зубов, и подумала, что надо бы подарить шефанго новую трубку. Красивую какую-нибудь. И покрепче.

Эльрик курил, смотрел на дорогу (или куда там он смотрел, разве поймешь по мертвым красным бельмам?), а о разговоре, похоже, позабыл напрочь.

– Так как ты... Я хочу сказать, за что тебя изгнали?

– За глупость, – проворчал Эльрик. Он и раньше не отличался разговорчивостью, но сейчас, кажется, решил сам себя превзойти.

– Если ты знаешь, что за глупость, то почему не вернешься и не скажешь, что раскаиваешься? Тебя бы простили. Ты же принц.

– А я не поумнел, – шефанго окутался клубами дыма. – Поэтому не раскаиваюсь.

– Ничего не понимаю, – сердито фыркнула Кина. – Ты просто боишься рассказывать, да? Ты... Да, знаю, тебе больно и мучительно вспоминать об этом, и сердце рвется от тоски по дому, а вокруг чужой и страшный мир, где тебе суждено сгинуть, оставшись лишь памятью в легендах.

Эльрик медленно повернулся. Долго смотрел на эльфийку сверху вниз. А потом его скорчило в седле, и невозмутимый шефанго, Ледяная Звезда, принц-изгнанник начал

ржать. Вытирая слезы и раскачиваясь от хохота. Жеребец под ним всхрапнул и нервно дернул ушами.

Кина хотела было обидеться, но ей пришлось вдруг в голову, что булькающий от смеха шефанго меньше всего похож на несчастного изгнанника, мучимого тоской по родине. Эльфийка повторила про себя ту выпретенную чушь, которую только что выложила Эльрику, посмотрела на него, сопоставила и тоже прыснула, прикрывая рот ладошкой.

Исманы удивленно таращились на парочку эльфов, рыдающих от смеха под неутомимый топот копыт их лошадей. Таращились, но виду не подавали. Кто их, эльфов, разберет, в конце-то концов?

– Ну ты даешь! – выговорил наконец Эльрик, помотав головой и рассеянно глянув на погасшую трубку. – Это ж надо так завернуть!

– Я, что ли, виновата? – Кина вытерла набежавшие слезы. – Как рассказывали, так и вспомнила. Но все-таки за что тебя выгнали?

– Вот ведь неумная девчонка! – де Фокс успокаивающе похлопал коня по гладкой шее. – Это длинная история. И не интересная.

– Все равно делать нечего.

– Это тебе нечего. Иди вон песен попой, если скучно. А у меня работа. Вылезет опять какая-нибудь зараза.

– Не вылезет. Охота кому с тобой связываться после вчерашнего. Расскажи, а!

– Ну как хочешь, – Эльрик с удовольствием потянулся и расслабленно спутулился в седле. – Я не знаю, правда, что ты поймешь... Начнем с того, что шефанго пришли в этот мир издалека.

– Как пришли?

– На дарках, как же еще? По Безликому океану, как всегда ходят в поисках новых миров.

– А зачем вам новые миры?

– Смеяться будешь, – задумчиво произнес де Фокс, – они нам, чтобы не воевать. Мы расселяемся по мирам, чтобы нас не стало слишком много где-то в одном месте.

– Но вы же любите воевать.

– Мы не воевать, мы – убивать любим. Это разные вещи. Короче, чтобы жажда убийства не переросла в войну со всем миром, часть шефанго, обычно самых неумных, снимается и уходит дальше по Безликому океану на поиски новой родины. Те, кто поспокойнее, остаются. Ну а ушедшие берут с собой книги, записи, технологии...

– Что?

– Да ничего. Память они с собой берут, которой в новом мире очень долго не находится места. Очень долго... А здесь так уж получилось, что мы сами от собственной памяти отказались.

– Почему?

– Не знаю, – Эльрик задумчиво потер подбородок. – Торанго считал, что это единственный способ выжить в войне.

– В какой войне?

– С Айнодором. Вот такие дела, – от недавней веселости не осталось и следа. Кине показалось, что де Фокс вновь за-
костенеет сейчас в своей насмешливой холодности. Однако, помолчав и вновь раскурив трубку, шефанго заговорил, осторожно, как наощупь, подбирая слова: – понимаешь, малыш, мы на самом-то деле не поклоняемся никаким богам. Ни вашему Владыке. Ни нашему Тарсе-Темному. Никому. У нас и не было никогда богов. Предвечный Хаос был, но это не бог. Это... просто начало всего. И начало отнюдь не созидующее. Так... нечто.

– Но как же Свет? И Тьма? И... вообще. Из-за чего же вы воюете?

– Не того выбрали. Мы, видишь ли, имеем наглость, приходя в новый мир, выбирать кого-нибудь из тамошних богов и... ну, назови это чистой воды эстетством, и ты не слишком ошибешься...

– Чем назвать?

– Гм. В общем, мы выбираем из соображений красиво-некрасиво. Ваша легенда о Проклятом Боге показалась нам красивой. Кто же знал тогда, что для эльфов все эти сказки имеют такой значение? Казалось бы – бессмертные, поумнее могли бы быть.

– Но это же не сказки.

– Да не в том дело. Богам – богово. Нам – наше. Я люблю Тарсе, я не слишком расположен к Флайфету... к Владыке, в

смысле. Но я не стал бы убивать из-за них. Точнее, не стал бы убивать за то, что кто-то верит иначе, чем я. Никто из нас не стал бы. А вы убивали.

– Но ведь и вы тоже.

– Да, – неожиданно зло и резко подтвердил Эльрик. – Мы тоже. Из способа выжить это стало смыслом жизни. Целью существования. Война за веру. Война на истребление. Мы забыли обо всем. Забыли о звездном ветре, наполняющем паруса. О мертвой бездне Безликого океана. О Черном Конце Хаоса. О звонкой дробе его копыт, когда он мчит по вымощенным звездами дорогам. Мы пришли в этот мир, и он согнул нас. Из вольных кочевников шефанго стали оседлыми зажавшимися свиньями; псами, которые заглядывают в лицо хозяина, готовые принять от него и ласку, и удар; готовые умереть за него и убивать за него.

– Хозяин – это Темный?

– Хозяин – это наши сказки о Темном. Бог здесь ни при чем. Знаешь, если верить тому, что вы рассказываете о нем, Тарсе не нужны рабы.

– Подожди, – Кина повертела на пальце смоляно-черный локон. – Ты говоришь, что вы забыли. Но ты же помнишь?

– Я – да. Мне положено помнить. Я ведь эрте Анго. Наследник. Чтоб им всем ветер встречный... Я должен был помнить, но не должен был спорить. Вот и выходит, что пнули меня с Анго за собственную глупость.

– Ты отказался убивать эльфов. И отказался поклоняться

Тьме.

– Тарсграе, Кина, забудь ты эти айнодорские сказки! Я сказал всего лишь, что не согласен с политикой империи в целом и Торанго в частности. Что вести войну на истребление – это, в первую очередь, убивать самих себя. Ну и... да... эльфов убивать действительно отказался. Массово убивать. В общем, пока меня не трогают, я добрый и безобидный.

– Да нет. Ты не добрый, – задумчиво сказала Кина. – А как же Темный?

– Он – мой Бог. Если я найду когда-нибудь способ освободить его, я это сделаю. Однако эльфы тут совершенно ни при чем. Больше их будет или меньше, для Тарсе ровным счетом ничего не изменится. Ну все? Ты довольна?

– Не знаю, – эльфийка пожала плечами. – Но, кажется, я поняла. Ну, во всяком случае, что-то поняла. Ты предал государство, но не свой народ, так?

– Откуда я знаю? – устало обронил Эльрик. – Предал всех. Или никого. Какая, к акулам, разница? Слушай, сделай милость, поезжай на свое место. А то я из-за каждой тени дергаюсь.

– Да, командир! – Кина отсалютовала и рысью отправилась в центр каравана.

...Вечером Эльрик расставил охрану, проследил, чтобы Кина удобно устроилась в своей комнате, вежливо избежал очередной попытки Нафиза побеседовать и, в конце концов, убедившись, что с делами покончено, вытянулся у огня, положив голову на седло. Как новоявленному десятнику, ему, вообще-то, полагалась отдельная комната, но шефанго знал, каких размеров клопы живут на постоянных дворах, и предпочитал ночевать на улице. Не то чтобы клопы его беспокоили – шефанго вообще не кусала на одна ползающая, бегающая или летающая кровососущая тварь, – однако терпеть столь омерзительное соседство Эльрик не собирался.

Ребра все еще болели. Ничего удивительного в этом не было – удар оказался тяжким даже для него, но утешали эти соображения мало. Эльрик не привык к тому, чтобы у него что-то болело. Да, были неприятности десять лет назад, когда правую руку пришлось отращивать практически заново. Ну так когда это было?

А Змей не шел из головы.

Эльрик уже видел таких. Видел давно, но сейчас память услужливо подсовывала картины пустого, медленно оживающего после Крушения мира. Мира, где еще не было людей. Так, отдельные племена бродили, пугаясь сами себя и шарахаясь от всего незнакомого. От знакомого, впрочем, тоже

шарахались, потому как большая часть знакомого была для них смертельно опасной. Вот тогда-то и водились в степях такие Змеи.

«Правда, тогда мне с ними драться не пришлось», – Эльрик добрым словом помянул Темного, благодаря за то, что тварь вчера не успела толком выбраться из леса. Судя по всему, Змей полз из степи, учуял пищу и ломанулся не глядя, как обычно поступали эти чудовища, торопясь сожрать все, что движается. Того, что не двигалось, Змеи не замечали. Чем-то они походили в этом на лягушек... Эльрик вспомнил тогдашних лягушек, и нервно передернул плечами.

«Еще этих не хватало... Но откуда же он взялся, поцелуй его кальмар?!»

Смысла задавать вопросы, на которые заведомо не получить ответа, не было. Строить предположения, не имея никаких данных – тоже.

«Эльфы на Материке. Орки в союзе со смертными. Змеи ископаемые...» – Эльрик потянулся, зевнул и закутался в плащ. Ночью ему снились эльфы.

Султанат Эзис. Город Мерад

1

Сим ждал. Улочка была темной, узкой, вонючей. Самая подходящая улочка для того, чтобы кого-нибудь дожидаться, не вызывая ненужных расспросов. Сим сидел на высокой румийской кобыле, держал повод элидорова коня и смотрел на дом сераскира Самуда.

Да, еще одним неоспоримым достоинством улочки было то, что дом из нее просматривался просто замечательно.

Рассеянно поглаживая свою лошадь по гладкой шее, Сим пытался представить себе, что происходит сейчас в спокойном и сонном с виду доме сераскира. Ему довелось повидать немало убийств: и тихих, когда ни с того ни с сего человек падал и умирал, иногда со стрелой в горле, а иногда и во все неясно почему; и громких, страшных, пугающих, когда проливалось много крови и сгорали целые кварталы. Гоббер прикидывал, что и как делает сейчас Элидор. А еще, не потому, что это было так уж нужно, а просто из любопытства пытался сообразить, что же такое эльф должен унести из дома убитого Самуда.

Еще днем, мотаясь по городу, улаживая последние дела, он понял, что приезд Элидора вызвал нехорошее оживление.

То есть оживление это было бы вполне объяснимым и даже желательным, если бы по Мераду не прошел слух о визите лучшего из орденских убийц. Откуда, спрашивается, здесь, так далеко от земель, где обычно работал Элидор, могли знать о том, кто он, этот эльф, и на что способен?

Вот над чем стоило подумать. И о чем стоило доложить начальству по приезде.

Сим вздохнул и прислушался.

Тихо было.

Время шло. Неслышно капало, растекалось по земле, а новые секунды, наливаясь, превращаясь в минуты, вязко сползали следом.

Шло время.

И пора бы уже было появиться Элидору. Хотя кто знает, сколько времени уходит на убийство у «Того, кто всегда возвращается»?

Когда в узких окнах дома мелькнули языки пламени, Сим подскочил в седле.

«Еще и пожар!»

Собственно, почему бы и нет. Чем громче – тем интереснее. Но окна уже налились тяжелым багровым отсветом, а Элидор все не показывался.

«Да что он там, покурить решил?!»

Гоббер заерзал. Кобыла под ним беспокойно всхрапнула.

Не то чтобы вывод напрашивался сам собой. Выводов можно было сделать несколько, но Сим, по обыкновению,

предположил худшее. «Тот, кто всегда возвращается» на сей раз чего-то не учел. И уже не вернется. И пусть бы его, такова в конечном итоге судьба любого бойца, но ведь эльф должен был что-то забрать. Какие-то бумаги или вещи... Если он не приедет в монастырь сам, никто плакать не будет. А вот если он не выполнит задание...

Додумывал Сим уже на бегу. Смутно надеясь на то, что Элидор еще жив и успеет хотя бы намекнуть, что же он должен был унести.

А дом пылал.

Гоббер промчался через сломанные двери. Миновал коридор, перескакивая через трупы и даже не удивляясь их количеству. Дело бойцов – убивать, вот Элидор и убивал. Это он умеет.

Где покои сераскира, Сим знал давно. Сегодня вспомнил лишний раз, когда рассказывал эльфу о планировке дома.

Туда!

Клубы дыма. Едкая вонь. Так пахнет горящая шерсть. Еще бы! Дом полон ковров, а сейчас они потихонечку загораются. Скоро здесь будет не продохнуть.

Сим ворвался в спальню сераскира и споткнулся-таки о лежащее у самого порога тело.

Взвыл – пальцы в мягких сапогах больно ударились о кольчугу. Бухнулся на колени рядом. Вспомнил только сейчас, что, пробегая через внутренний дворик, намочил в фонтане платок. Поспешно прижал влажную ткань к лицу. На-

клонился над эльфом.

Тот дышал. Спокойно так. Размеренно. Словно поспать прилег после трудной работы. Работа, впрочем, была действительно трудной... Эвон сколько мертвяков в коридорах.

«Дурман... – Сим машинально встряхнул тяжеленное тело. Похлопал по щекам. – Он забрал то, что нужно?»

Дыма становилось все больше. А вот горело как-то вяло. Зато сразу со всех сторон.

– Элидор! – Гоббер задохнулся и поспешно прижал к лицу мокрую ткань.

Эльф спал.

– Мать твою так! – Сим схватил драгоценный платок и принялся хлестать монаха по лицу.

Элидор поморщился.

– Просыпайся, скотина! – Гоббер уже готов был забраться на эльфа с ногами и скакать на нем, пока тот не проснется или не умрет совсем. – Просыпайся же! Ну! Подъем, ядрить тебя!

Элидор открыл глаза, словно и не спал. Глаза, впрочем, были пустенькие. Как тусклые монетки. И, словно этого и ждали, языки пламени прыгнули на шелковые портьеры, на лакированную мебель, на свитки, разбросанные по полу. Сразу затрещало, запылало, любо-дорого посмотреть...

– Ты взял это? – Сим толкал эльфа к дверям. – Взял?

Из коридора им навстречу вывалился ошалевший, перепуганный и от этого злой исман. Оскаленные зубы. Обна-

женная сабля. Сим пискнул. А спата Элидора очертила полукруг, даже в дыму сверкнувший сталью. Исман осел, булькая и подвывая.

– Перстень! – Элидор обернулся к гобберу. Вполне уже оживший. – Перстень там, в спальне!

– Где?

– Не знаю. Он должен быть там. Его не было на Самуде.

Исман перестал подвывать и умер.

А из спальни в спину дохнуло жаром. Сим подскочил, чувствуя, как опалились волосы на затылке, и дернул к выходу. Перстень там или не перстень, из дома нужно было бежать.

Элидор, даром что ноги длиннее, догнал его только у дверей.

Потом была скачка по ночному городу, открытые без пререканий ворота и ночная степь.

– Мы вместе до первой подставы! – крикнул Сим на скаку.

– Дальше расходимся.

Элидор кивнул. Все верно. Уходить нужно по одному.

Но разделиться они не успели. Потому что подставы не было. Зато была засада. Хорошая такая. Продуманная. Двум беглецам на утомившихся лошадях хватило бы с лихвой. Если бы одним из беглецов не был «Тот, кто всегда возвращается».

2

Сим пришел в себя от того, что на лицо ему лилась вода. Холодная. И мокрая. Он открыл глаза и тут же об этом пожалел. В голове взорвалась боль. Мелькнули размазанно-красные круги.

– Раз не сдох, значит, выживешь, – услышал он откуда-то с высоты.

И снова открыл глаза.

На сей раз было полегче.

Элидор сидел рядом, держал в руке фляжку и задумчиво поглядывал то на нее, то на Сима.

– Больше не надо, – очень хотелось сказать это ясно и отчетливо, но получилось как-то вяло и тихо. Почти шепотом.

– Как скажешь, – эльф поднялся. – Вставай. Надо ехать.

– Езжай сам.

– И сдохни в этих степях. Нет уж. Я здешних тропок не знаю.

– Знаешь. Подставы.

– Ты всегда такой дурак или только когда по башке получишь? – ласково поинтересовался Элидор. – Нас ждали у первой подставы, могут ждать и у второй. Я тебе что, железный?

Сим отметил про себя, что эльф наконец-то начал разговаривать. Именно разговаривать, а не выдавливать слова по

капле.

«Зато из меня сейчас говорун еще тот...», – он уныло улыбнулся. Следовало бы подумать, как вышло, что они на-
рвались на засаду. Но думать было тяжело.

Рядом вздохнула лошадь.

– Садись, – Элидор поморщился. – Или ты до утра лежать
собрался.

Сим начал вставать. Эльф подхватил его, легко поднял,
посадил в седло. Критически осмотрел и, сняв со своей ло-
шади аркан, принялся привязывать к коню.

– Помру, – предупредил Сим

– Помирай, – разрешил Элидор. – Но не сейчас. Поехали!

И они поехали. Совсем не туда, куда собирались поначалу.

«Хвала Творцу, – думал гоббер, трясясь в седле и морщась
от головной боли, – что дороги можно выбирать».

Воеводство Уденталь – воеводство Карталь

Эльрик де Фокс

И чего Нафиз вокруг отирается? Какого кракена ему от нас с Киной надо? Нет, от Кины-то понятно, да только пошел бы он к акулам со своими матримониальными планами. А вот чего он ко мне подкатиться пытается? Понятно, что не с целью женитьбы... Неужто контракт предложить хочет? Нет уж, нет уж, хватит с нас Эзиса. Мне бы сейчас Кину к Ахмази отвезти, устроить ее там до лучших времен, да самому пересидеть. В Удентале лет пять лучше не появляться, на Запад вообще соваться не след. Бичи Божьи, рыцари Анласа, до сих пор кровушки черной жаждут. А у кого она здесь черная? У меня, конечно. Бедный я, несчастный, жалко меня, жалко!

В Эннэме хорошо. Во-первых, там солнышко. Во-вторых, там тепло. В-третьих, там Ахмази, евнух при дворе его величества. Точнее, двор при Ахмази. И плевать, что вместо величества там малик Барадский. Эннэм-то все равно Ахмази в толстеньких пальчиках держит.

С Ахмази мы познакомились лет сорок назад и устрои-

ли в Эннеме идеальный государственный переворот. Ахмази тогда, правда, совсем сопляком был, но уже умненьким. Слишком умненьким, чтобы коротать жизнь простым евнухом. Его мозги да моя силушка, ох и повеселились мы! Уезжать не хотелось, но дела на Западе позвали. Позвали. Ммит перз... Интересно, а не начни «Бичи» против меня детей кидать, остановился бы я когда-нибудь? Знали они, что ли?

Тийсаш дайз готтре. Что было, то было. Там ничего уже не изменишь, а вспоминать – расстраиваться только. Сейчас хорошо все – и ладно. Солнышко светит. Караван идет. Верблюды орут. Кина поет... Не поет уже. Притихла что-то...

Сзади затопотало, забухало. Мымра шарахнулась в сторону. А из-за спины налетела Кина. Легка на помине. Встрепанная какая-то. Глаза блестят:

– Эльрик, там эльф! Он говорит о тебе с Нафизом.

– Какой еще эльф? – развели эльфятник, Флайфет их за-
бери! Был Материк как Материк, а сейчас плюнуть некуда.

– Рыцарь. Весь в доспехах. И с мечом. Здоровенный такой.

– Ладно.

Я придержал коня и прыгнул на землю, делая вид, что подтягиваю подпругу. Сбруя новая, дареная, пока с ней об-
выкнешься... Караван медленно двигался мимо. Верблюды. Верблюды. Много верблюдов. Ага, вот и Нафиз. Свесился подушкой между верблюжьих горбов. И действительно ка-
кой-то рыцарь рядом с ним. Беседуют они, понимаешь. Ин-

тимно. Ну беседуйте, а я, извините, послушаю.

Пропустив эту парочку вперед, я пристроился чуть позади, так, чтобы слышать разговор. Эльфов легко подслушивать – они всех, кроме себя, считают тугоухими. В авангард выслал Сарламака с Масхутом. Лучшие в десятке бойцы. Это их покойный Дистэ натравливал на меня в тот день, когда я на службу наниматься пришел. Масхуту верить можно – он, с тех пор как через двор пролетел, смотрит преданно и все пристаёт, мол, поучиться бы. Мальчик неглупый, может, и поучу. Ну и о чем тут говорят?

– Сто серебром.

Это Нафиз.

– Пятьдесят, – голос эльфийский.

И какое отношение этот торг имеет ко мне?

– Сто монет, и он ваш.

О-о... Ну, купчина, да ведь конь, которым ты меня наградил, дороже стоит.

– Семьдесят пять. Больше у меня просто нет.

Врет, собака. Прижимистей эльфов в Мессере только гномы. Да и то сказать, слышал я поговорку, что где один эльф пройдет, там двум гномам делать нечего.

– Икбер-сарр с вами, – плюет Нафиз, сделав вид, что поверил лживому языку собеседника. – Но его сестру я оставлю себе.

– Какую сестру?

– Да певицу эту. Дочь порока.

– Тоже шефанго?

– Да кто же вас разберет?

– Странно. А где она?

– Вперед проехала. А парень – вон он. Можете прямо сейчас забирать.

Я почувствовал некоторое злорадное удовлетворение, пока подъезжал поближе, взводя арбалет. Пристрелить тварь в плаще с таким гербом – одно удовольствие. Знаю я эти плащи. Рыцари Владыки их носят, охотники... на шефанго. Вот только кае тэшер¹³ Рыцари Владыки стали по сути разезжать, шефанго ведь все больше в море ловятся?

На секунду возникло искушение выстрелить прямо сейчас. Но так нельзя. Некрасиво убивать в спину. Да к тому же хочется в лицо поганцу взглянуть. Я ведь раньше Рыцарей Владыки живьем не видел.

– Не кажется ли вам, господа, – рыкнул я, врезаясь между Нафизом и эльфом, – что семьдесят пять серебряных – невысокая цена за живого шефанго?

Мой арбалет смотрел в живот рыцаря. Слабенький арбалет. Против Змея. Но на эльфа хватит. А Нафиз, от природы смуглый, но ставший серовато-зеленым, икнув, замер на своем верблюде.

И правильно, скотина. И верно. Сиди. Не вздумай подать знак этим своим. Вышколенным да тренированным. Лопухам сопливым, которых учить еще и учить, как с шефанго

¹³ Кае тэшер (зароллаш): нецензурная форма вопроса «по какой причине?»

справляться. Хотя бы вдесятером.

А прозрачные зеленые глаза эльфа разглядывали меня без тени страха. Интересно, я бы сумел так спокойно относиться к готовому сорваться в меня арбалетному болту?

Да что же это такое, Темный?! Я же не хочу убивать его. Не хочу. Несмотря на то, что его долг – охота на мой народ. А может быть, именно поэтому?

Убийство лишь в порядке самообороны.

И радость от возможности убить.

Ведь от этого я уходил. Все десять тысяч лет уходил от необходимости драться с эльфами. Бессмертными. Виноватыми лишь в том, что они верят они в других богов. Да пошло все к акулам!

Караван двигался. Ехали вперед и мы. Никто еще не успел понять, что же происходит между тремя всадниками, двое из которых разделены взведенным арбалетом. А эльф, улыбнувшись, заметил:

– Поезжайте, почтеннейший Нафиз. *Оно* называет себя воином. Пусть оправдывает это звание.

Вот скотина. Волей-неволей я про себя посмеялся. И действительно, куда денешься после такого заявления? Но неужели этот рыцарь думает спастись от арбалетного болта?

Ох, Эльрик. Дурак ты. И это твоя основная проблема. Ведь знаешь же, что стрелять не будешь. И эльф это знает. И над тупостью твоей, шефанго, каждая собака на Материке смеется.

Мы стояли. А караван плыл мимо нас.

Я действительно разрядил арбалет. Ну... Ну, просто это нужно было сделать. Нельзя стрелять в беззащитного перед стальным болтом врага. А потом паладин взмахнул рукой и...

За доли секунды до этого, до того, как сунул он мне в лицо свой магический перстень, который должен был подействовать на меня так же, как действует на врагов наше «грау», я вздыбил коня. И эльф едва успел выдернуть из ножен свой длинный клинок.

Вперед!

Великая Тьма! Есть ли в жизни большее счастье, чем драться с умелым противником? Чувствовать, как с кровью бежит по жилам радость... Направлять, ласково, легко направлять смертоносное лезвие топора...

Смерть.

Брызнувшая в лицо кровь. Соленая. Сладкая. Жгучая. Последний ужас в зеленых, стылых, как лед, глазах.

Он упал на две стороны.

Разрубленный пополам.

И конь его, захрапев, отбежал в сторону, испугавшись меня. Шефанго.

Я оставил эльфа лежать там, на дороге. Доспехи, оружие – все при нем. Только коня расседлал и отпустил. Выйдет к деревне какой-нибудь. А злоющий конь попался. Больно кусается, зараза!

1

– Эльрик, что там все-таки было? Зачем тебя этот эльф искал. Вы о чем-то говорили? А почему он нас не догнал? Даже обидно... Я-то думала, хоть с кем-то из своих повидаяюсь. Ну что ты молчишь, Эльрик?

– Дела у него, – сухо бросил шефанго. – Многочисленные и неотложные. Он очень спешил, вот и уехал.

– А о чем вы говорили?

– О глупости и хамстве.

– Поругались, да?

– Кина, милая, мужчины не ругаются.

Во дворе замка было безлюдно. Верблюдов отвели в просторные сараи. Десяток охранников разместили в казарме. Картальский воевода оказался, по обыкновению, гостеприимен, а Нафиз его гостеприимством скоренько воспользовался и укрылся от Эльрика за каменными стенами.

Эльрик на Нафиза зла не держал. Понять купца вполне можно было – услышал, что эльф его не эльф никакой, а шефанго, перепугался до полусмерти.

«Ага. Еще и поторговался от страха», – скептически напомнил себе Фокс.

Но разозлиться не получилось. Ну что, в конце концов, с купчины возьмешь?

– Эльрик, меня в замок зовут. Воевода приглашает, гово-

рит, что хочет, чтобы прекрасная дама с ними вечернюю трапезу разделила. Мне идти?

– Иди. Да, кстати, Кина, я обличье сменю, пожалуй. На вечер. Так что не пугайся.

– Ой, – эльфийка озадаченно покусала губу. – А я ведь Трессу почти и не знаю.

– Боги, ну за что мне такое?! – уныло воззвал Эльрик к небесам. – Тресса – это я, понятно? А я – Тресса.

– Ты – Эльрик.

– Эльрик-Тресса де Фокс.

– Нет. Все равно не понятно.

– Иди! – рявкнул шефанго. – Иди к своему воеводе, и чтоб я тебя не видел!

– Ты чего рычишь? – тихо спросила Кина. – И не мой это вовсе воевода, ты что, Эльрик?

– Да. Извини, – Эльрик покаянно взял эльфийку за руку.

– Ты меня пугаешь, – с какими-то очень взрослыми, явно заимствованными интонациями сообщила девушка.

– В том-то и дело, – невпопад ответил де Фокс. – Ладно. Иди, в самом деле.

Он осторожно поцеловал длинные тонкие пальцы. Помедлил и отпустил ее.

– Я ненадолго, – пообещала эльфийка.

– Угу, – Эльрик развернулся и направился к казармам.

Таиться и обманывать кого-то уже не имело смысла. Поэтому Тресса, не скрываясь, вышла побродить по замковому двору, подбирая полы широченного, сшитого на нее-Эльрика плаща. Плащ был тяжелый, но без него она мерзла – ночи в Картале всегда прохладны. А вот босыми ногами ступать по холодному камню было приятно. Переодеваться Тресса поленилась – только закатала рукава да штанины, – но из сапог вылезти пришлось. Доставать же другие... Вот еще морока!

Вытянувшиеся лица Нафизовых бойцов развлекали ше-фанго только первые две минуты. Потом надоело. Оставив парней предаваться мрачным размышлениям о том, что они оказались под командованием женщины, Тресса гуляла, дышала воздухом и про себя ругательски ругала собственную свою мужскую ипостась. Ругала за совершенно неожиданную любовь к бродячей эльфийке. Толку от ругательств, конечно, не было – изменить все равно ничего не изменишь. Трудно ожидать, что влюбленный мужчина вдруг поумнеет и забудет про неуместные чувства. Толку не было. Но легче становилось. В общем-то, ничего страшного ведь не случилось. Как только Кина окажется на попечении Ахмази и станет более-менее самостоятельной – а в том, что Ахмази позволит женщине, привезенной Эльриком, стать самостоятель-

ной, Тресса не сомневалась, – так вот, как только Кина станет более-менее самостоятельной, можно будет предпринять в отношении нее более решительные действия. А потом либо успокоиться, либо... Дальше последнего «либо» размышления Трессы не шли. Да и не хотелось ей дальше заглядывать.

Совершенно машинально шефанго отмечала усиленные караулы, бдящих воинов на стенах, солдат в приворотной камерке, не играющих, вопреки обыкновению, в кости, а – в точности по уставу – сидящих с выражением крайней озабоченности на лице. Озабоченности службой, разумеется.

«И казармы заполнены. Еле-еле для лишнего десятка место нашлось...»

Какое-то время разгуливающую по мощеному камнем двору фигуру провожали мрачными взглядами. Потом сообщили, что походка у фигуры женская, и подозревать в коварных замыслах перестали.

«Война, что ли, будет?»

Радущие воеводы было вполне обычным для этих мест. Карталь всегда умудрялся снять сливки с торговли между Востоком и Западом. Нет, пошлины он сильно не завышал, но ясно давал понять, что за гостеприимство надо платить. А купцы прекрасно понимали, что отказываться от гостеприимства – значит нарваться на неприятности. Вот и не отказывались. Ну подумаешь, купит воевода товар по цене чуть ниже требуемой. Велика беда! Меру-то добрый хозяин знает.

Да. Радущие было обычным.

«На кой ляд здесь копятся войска?»

Тресса присела на каменную скамью у стены. Плотнее завернулась в плащ. И едва только вытянула ноги, намереваясь посидеть тут с удобством и покурить, как услышала далекий топот подкованных копыт.

«Два всадника, – машинально определила шефанго. – Лошади вот-вот падут...»

Ей становилось все интереснее. Так и не достав трубки, она накинула на голову капюшон, пряча под ним белые волосы, слишком заметные в темноте.

Со стены крикнули:

– Кого несет?

– Белый Крест! – ответили снаружи.

Тресса подумала и подобрала ноги, стараясь полностью слиться с тенью. Топор остался в казарме, да и неподъемен он был для нее.

«Измениться?» – мелькнуло лихорадочно и тут же ушло.

Толку с этого все равно не было бы. Не справиться в одиночку со всей дружиной, если прикажут им взять нелюдя, разыскиваемого по всему Опаленному Западу. Да и Кина...

«Ладно. С Белым Крестом я не ссорилась», – шефанго смотрела, как раскрывается в воротах узкая калитка. Как вваливаются во двор два человека: один высокий – очень высокий. Другой наоборот – маленький настолько, что это показалось бы уродством, не будь человечек сложен на удивление пропорционально.

Тресса де Фокс

Приезжие буквально повалились с ног. И, что характерно, с ног свалились их кони. Свинство это – так с лошадами обращаться.

Маленький остался сидеть на камнях, даже не пытаясь пошевелиться. А высокий вскочил, оглядываясь. На свою беду случился поблизости капитан замковой стражи, его-то длинный и заметил.

Боком-боком капитан попытался исчезнуть. Сейчас! Двигался он явно медленнее своего преследователя. Тот, надо сказать, пересек двор со скоростью почти эльфийской. А эти ребята – знатные бегуны. Я-Эльрик, в бытность свою лояльным шефанго, и не пытался за ними угнаться.

Что уж сказал там этот элфоподобный капитану, я не слышала. Однако тот кивнул, развернулся и устремился в замок. Ну конечно, не простые гости сюда явились. Как же! Из Белого Креста крысы боевые. А гости, недолго думая, направились в казарму, куда как раз принесли ужин. Я пошла за ними. Любопытство – страшная вещь.

Мои исманы уже и отужинали, и помолились, и в кости продуться успели. Точно продулись, по лицам видно. Эх, пацаны. Учить их еще и учить. А картальские солдаты, звеня котелками, только-только потянулись получать свою порцию баланды.

Нашлись, кстати, и посуда, и баланда для двоих гостей. Баланды, понятно, не жалко... но почему-то мне стало обидно. Моих парней небось ужином за казенный счет не кормили. А приезжие – приползшие – уселись на скамью, причем длинный сразу вытянул ноги, перегородив ими полказармы. А у маленького ноги до земли и вовсе не достали.

Уселись они.

Сняли капюшоны...

Шфэрт плэрессе! Эльф!

Прокрутив в памяти все известные мне ругательства, я начала различать детали. Вот ведь, мало мне того, что этот длинный – эльф. Так он еще и урод. В смысле – альбинос. Я, конечно, тоже... Гм... да. Но я альбинос только наполовину. Глаза у меня не черные, как полагалось бы, а нормального красного цвета. И у эльфа. Нормального. Красного. Да только у него и кровь такая же.

«Тресса, – мрачно подытожила я, – вы с ним похожи».

На эльфьего спутника я обратила внимание уже после появления Кины. Гоббер как гоббер. Ничего особенного. Ну, опуская то, что он из Белого Креста. Но после обилия эльфов в этих краях гобберы-анласиты меня уже не удивляли. А менестрелька действительно появилась скоро, как и обещала. Поискала меня взглядом. Нашла. И радостно устремилась в мою сторону, словно не замечая одобрительного гула собравшейся солдатни. В моем присутствии она, судя по

всему, вообще ничего не боялась.

– Тресса, ты знаешь... Там, у воеводы, у него сын...

– Мерзавчик.

– Ну... да. Похож. Я сказала, что всегда ночую с тобой в одной комнате.

– Что?!

– А что такого? Он говорит, вам удобно в ваших покоях? Если что-то не так, скажите, я распоряжусь и...

– Ближе к делу, Кина. Как затаскивать девочек в постель, я знаю сама. Ты сказала, что ночуешь с кем?

– С тобой. С тобой-Трессой! – До нее наконец дошло. – Ну конечно, с тобой-Трессой. Я же помнила, что ты собираешься женское обличье принять. Кстати, здравствуй.

Определенно, она надо мной издевается.

– Давно не виделись. Ну пусть приходит, гаденыш.

– Спасибо.

Кина соизволила наконец заметить, что мы с ней не одни. Она мило поулыбалась солдатам. Помахала ручкой моим исманам. Потом взглянула на эльфа...

Взглянула еще раз.

А он – на нее.

«Ладно, – решила я, – пусть поживет пока этот длинный. Мне ни он, ни коротышка, похоже, не опасны. Эльф с менестрельки моей глаз не сводит. Гоббер в миску уткнулся, если бы мог – целиком бы туда залез. А вот Кина альбиносом заинтересовалась, и это славненько – все девочке веселее...»

Стоп! А как же я-Эльрик?!

Это, кажется, ровным счетом никого не волновало.

– Слышь, красотка... – кражистый солдатик, как его бишь... да, Дорли, кинул на меня осторожный взгляд и поправился: – простите, сударыня, вы, я вижу, музыкант.

Обращался он, понятное дело, к Кине, а не ко мне. А на меня косился, потому как понял чутьем своим солдатским, что если тут за неучтивость от кого и можно получить, так как раз от благородной леди Трессы.

Эльфиечка окинула Дорли безразличным взглядом, сняла с плеча лютню, расчехлила ее эдак неспешно. И даже подстраивать не стала – только что, видать, в замке распевала для благодарной публики, – сразу пальцами по струнам. Лютня аж вскрикнула. То ли заговорила, то ли заплакала, то ли смехом рассыпалась. Одна музыка. Без слов. Зачем такой музыке еще слова какие-то?

Эльфийская музыка мало кого оставит равнодушным. Этого у ушастых не отнимешь – умеют. В казарме не то что говорить – есть перестали. Все как один на Кину уставились... Не на Кину даже. На музыку. Если можно музыку увидеть. Эту можно было. И увидеть. И почувствовать.

Только маленький, тот, который гоббер, спрыгнул со скамьи и отправился на улицу. Судя по всему, к музыке он был равнодушен. Поколебавшись между желанием послушать Кину и любопытством, я выбрала второе. И, оставив менестрельку под сомнительной охраной длинного, пошла

вслед за гоббером. Воздухом подышать. В казарме, знаете ли, душно.

Малыш дотопал до ворот. Уселся там на скамеечку. Для чего в воротах скамеечка? Чтобы страже спать удобней было? И достал из кошелька на поясе трубку и кисет с табаком.

Ага. Вот и повод познакомиться.

Я подошла к гобберу, села рядом, набила трубку, искала огниво. Разумеется, не нашла и, как любой на моем месте, попросила огонька у соседа.

А тот, услышав мой голос, подскочил, выронил трубку и... рухнул на колени перед скамейкой (мне в голову не пришло, что он преклонил колени передо мной).

– Кто вы, прекрасная дама?

– Что?!

Флайфет! Шефанго с эльфийским голосом. Прекрасная дама... Нет, я не спорю, с точки зрения соотечественников я очень даже ничего. Но гоббер...

Меня разобрал смех.

Гоббер поднялся с земли, изумленно на меня таращась. Трубка его валялась шагах в трех от нас, но он не смог бы ее разглядеть. Темно. И меня разглядеть он не мог. Даже то, что я в маске.

– Чем вызван ваш смех, миледи?

Я попыталась ответить. И меня снова согнуло.

В конце концов, отсмеявшись и отдышавшись, я таки прикурила от его огнива. Подняла и вручила гобберу его трубку.

А потом, затаившись, дала ему разглядеть мои глаза.

– Вы не эльфийка?

– Впечатляющая наблюдательность. А вы кто?

– Сим, – церемонно поклонился гоббер. – Монах Ордена Белого Креста.

– Гоббер-Опаленный? Забавно.

– Я сумел преодолеть заблуждения предков и нашел дорогу к Творцу, Богу Истинному, карающему тех, кто принял дары Его.

– Бредово звучит, извините, конечно.

– Да я и сам иногда сомневаюсь. Это все и вправду на бред похоже, – гоббер пожал плечами. – Но попробуйте растолковать что-нибудь отцу-настоятелю.

Слово за слово, разговор пошел... пошел даже лучше, чем я ожидала. Оказалось, что собеседник мой весьма словоохотлив, меру он знал, но угрожающе балансировал на самом краю. Он рассказал, что они с Элидором, этим самым эльфом, красноглазым длинным уродом, выполняли задание своего ордена. А теперь возвращаются.

Один из монастырей Белого Креста располагался в часе езды от замка.

Я эти места недолюбливала. Орденские монахи – штука такая, если они кого за рилдиранина примут – только успевай сматываться. А я этого делать сроду не умела. И вообще, Белый Крест обладал в западной части Мессера немалым влиянием. Вот почему монахов наших так шустро в замок

впустили. И капитан на раз-два, построившись колоннами и шеренгами, побежал докладывать об их прибытии.

– Послушайте, Сим, а эльф, он что, тоже верующий?

– А как же. Такой же, как я.

– Понятно.

– Элидор у нас – ух! – неопределенно заметил гоббер. – Видали, какой он мрачный? У него эта... как ее... амнезия!

– Что-то венерическое?

– И это тоже. Но чуть позже.

– Ничего не понимаю.

– Амнезия, – важно объяснил мне Сим, – это потеря памяти. Он ее потерял. Совсем. Ничегошеньки не помнит. А потом еще женщина. А у него целибат. Но он женщину все равно... того. По заданию ордена. А орден его за нарушение целибата тоже... того.

– Что? И он позволил?

– А куда от отца-настоятеля денешься? Да вы не подумайте чего! В монастыре на него, по воле Божьей, просто епитимью наложили. Сур-ровую. Стр-расть!

– Сим, а вы в монастырь надолго вернулись?

– Нет. Нас теперь обоих накажут, – сообщил гоббер с ноткой гордости. – Накажут и пошлют.

Определенно, наш разговор так и норовил свернуть в области, более подходящие мне-Эльрику, а не воспитанной даме Трессе. А в Картале усилен гарнизон. И монахи вернулись, выполнив задание Белого Креста. Назовите меня мни-

тельной идиоткой, но я могу косу дать на отрезание, что вернулись они с Востока.

Интересно.

Меня, кажется, опять потянуло залезть в... гущу событий, назовем это так. Однако следовало подумать о Кине. Тащить ее с собой в эту самую гущу было бы с моей стороны свинством.

Но неужели в самом деле война? Успеем мы проскочить через Эзис до того, как там перекроют границы и начнут кидаться на всех неверных? Я-то одна где угодно пролезу, к тому же меня в Эзисе еще помнят, но Кина – другое дело. А вообще, когда у исманов война, на Эннем они начинают коситься нервно. Ну и на тех, кто в Эннэм едет, тоже смотрят неласково. Мы с Киной как раз в Эннэм и собирались... Рискнуть? Или не стоит? А если не стоит, то куда податься?

Что у нас поблизости?

Аквитон.

Если война намечается достаточно серьезная, это герцогство тоже будет затронуто. Плохо. Значит, нам следует как можно скорее миновать его и рвать когти дальше на запад. На юго-запад. Минуя Румию, полную озверелых анаситов – в Эллию. Там народ потерпимее. И боги поприличнее.

Сим, между тем, не молчал. обстоятельно, в подробностях и абсолютно бестолково он излагал мне бесконечную историю, случившуюся в бытность его еще послушником с одним из монахов, хорошим другом Элидора и знакомым

его, Сима. История была каким-то образом связана с винным погребом, сучковатым посохом настоятеля, женщинами в келье и еще многими и многими вещами. Пытаться вникнуть в сюжет было бесполезно. И я не вникала.

Румийцы сейчас всеми силами влияют на общественное мнение всех приграничных государств. Западных, в смысле. На общественное мнение Эзиса им влиять незачем. Как-то тамотреагируют на появление двух язычников, да еще и нелюдей? Да еще если один из нелюдей будет красивой девушкой? Плохоотреагируют. Даже на Кину плохоотреагируют. А на меня вообще всегда реагируют плохо.

– Сим.

Гоббер замолк на полуслове.

– Вы говорили, что в монастыре не задержитесь.

– Еще бы! Ха! Тамошний отец-настоятель... Нам еще и подпнут напоследок, чтоб быстрее бежали.

– Опять на Восток?

– Почему опять? – Сим примолк, попыхивая трубочкой.
– Ну, может, и опять, конечно, мы где только не бывали. Я не знаю, если честно.

– Вот что, мы с Киной, пожалуй, присоединимся к вам. Никаких срочных дел на Востоке у нас нет. А этот ваш Элидор ей, кажется, понравился.

– А вы навеки пленили мое сердце.

Боги... он точно ненормальный!

У ворот забегали. Засуетились. Снова загрохотали по мо-

сту копыта, и мимо проскакал всадник, ведя в поводу двух свежих коней. Под новенькими седлами развевались черно-белые попоны с изображением крестов. Всадник подлетел к воротам казармы, нечленораздельно туда гаркнул, поклонился показавшемуся в дверях Элидору и сгинул. Оставив лошадей.

– Нам пора, – сказал Сим. – Если вы с нами, дождитесь нас в городе. Здесь трактир есть, «Оранжевая устрица». Идет?

От названия меня передернуло. Люди бывают на редкость изобретательны. Однако Сим ждал.

– Идет, – я выбила трубку.

Гоббер почтительно склонился к моей руке, чуть вздрогнув все-таки при виде когтей. Хотя время на маникюр я всегда выкраиваю, и выглядят мои когти очень прилично.

А потом Сим запрыгнул в седло. Именно запрыгнул. Как кошка на забор. По-разбойничьи свистнул, и монахи исчезли за воротами замка. Только дробный топот копыт гулко разнесся по каменному двору.

Совершенно секретно.

Настоятелю монастыря Жерара Беспощадного

Направить в Мерад брата-бойца. Цель: изъять у сераскира Мерада, Самуда Эсенги, перстень с рубином (описание перстня в приложении).

Для прикрытия истинной цели выхода убить сераскира.

Перстень доставить в любой монастырь ордена. Все настоятели пограничных с Эзисом областей предупреждены.

7 мая 1375 г. Военный секрет ордена Белого Креста.

Брат Роман.

Совершенно секретно.

Брату Роману.

Операция по изъятию перстня провалилась. Перстень не обнаружен.

Операция прикрытия проведена крайне результативно.

14 июня 1375 г.

Настоятель монастыря Бальдора Смиренного отец Гейнард.

– Простите, что тревожу вас в столь поздний час, Нафиз-эфенди, но дело не терпит отлагательств, – Эльрик пригнулся, проходя в дверь, а потом аккуратно прикрыл ее за собой.

– Для тебя, десятник, у меня всегда найдется время, – Исман повозился, пытаясь поудобнее устроиться в кресле. Кивнул на соседнее: – Присаживайся. Вот фрукты, халва, вино. Кушай. Кури. Зачем торопиться с разговором?

– Не считите меня невежей, – шефанго сел в кресло и жестом отказался от вина, – однако как раз у меня времени не слишком много. Я увольняюсь.

– Зачем?

– Дела. В другом месте. Совершенно неожиданные. Поставьте командиром Масхута, парень справится.

– Э-э-э. Ты, Эльрис, очень спешишь, – Нафиз отщипнул виноградинку. Посмотрел сквозь нее на огонь свечи и неторопливо отправил в рот. – Какие могут быть дела у бессмертного в мире смертных? Я хочу предложить тебе, как это называется на Западе... контракт.

– Нет.

– Ты, наверное, не понимаешь, Эльрис. Это очень хороший контракт. Очень выгодное предложение. Ты станешь богатым. Ты хороший воин, а мне нужны такие воины. По-

слушай, я дам тебе одну сотую долю от всей своей прибыли.

Принц поморщился.

– Благодарю. Но, право же...

– Две доли.

– Эфенди...

– Послушай. Я очень богат. А ты беден... Разве ты не хочешь стать богатым? Я помогу тебе. Из одной только любви к ближнему своему помогу тебе разбогатеть, стать уважаемым человеком, приму в свой дом, в свою семью как родного.

Эльрик зевнул.

– Все, Нафиз. Я предупредил. Рекомендации дал. Разбойники перед войной все равно попрятались, доедете спокойно.

– Пять долей.

Де Фокс поднялся.

– О сестре подумай, – холодно прозвучал голос купца. – Война будет, ты прав. Но ты ведь даже не знаешь, что это будет за война. Мир еще не видел таких. Наступило очень плохое время для шефанго, Эльрис. За ваши головы не дают уже и ста монет. Ты не убережешь свою певунью. Сам не выживешь и ее потеряешь.

– Плэресс шфай, тэшэр холль флайфе...¹⁴ – прошелестело в комнате с пугающим присвистом. Метнулась над пле-

¹⁴ Плэресс шфай, тэшэр холль флайфе (зароллаш) – нелицеприятная, но неупотребимая в обществе характеристика, включающая слизь, упоминание имени эльфийского бога, половых органов и акта совокупления.

чами коса, когда Эльрик резко развернулся к Нафизу, и его страшные глаза засветились в темноте белым огнём. – Что ты знаешь? Говори!

– Эльрис...

Шефанго скользнул к купцу, вытаскивая широкий, длинный нож:

– Что ты знаешь о войне?

В дверь постучали и тут же распахнули, не дожидаясь ответа.

– Господин Нафиз, к вам... – мальчишка в ливрее шагнул через порог. Увидел застывшего в кресле исмана, увидел шефанго. Вскрикнул и шарахнулся к дверям, запутавшись в собственных ногах:

– Стража! Стража-а!!!

– Не ори, придурок, – оборвал его Эльрик. Отвернувшись от купца, без раздумий направился к низкой кровати. Пошарил под подушкой, извлек туго набитый монетами кесе¹⁵ и вышел из комнаты.

Нафиз вдруг заполошно заорал, призывая на помощь Джэршэ и караульных. Но раньше, чем примчались встревоженные солдаты, Эльрик растворился в глухой темноте коридора.

¹⁵ Кесе: мешочек для монет, завязывающийся сверху.

- Кина... Ты спишь?
- А? Нет еще. Эльрик? Ты чего такой?
- Пойдем. Надо уходить.
- Почему? Куда?
- В город.
- Что случилось?
- Пока ничего.

Кина села на постели, убирая с лица рассыпавшиеся волосы. Потянулась к одежде. В коридоре послышался топот бегущих ног. Лязганье металла.

– Собирайся, – Эльрик отвернулся к дверям, вынимая из петли на поясе свой огромный топор. – И побыстрее, девочка.

Кина послушно начала одеваться. Она ничего не понимала, но если Эльрик сказал, что нужно выскакивать из постели и посреди ночи уходить из гостеприимного замка... Может, оно и к лучшему? Очень уж докучливый у воеводы сынишка.

– Готова? – не оборачиваясь, спросил шефанго. Кина снова не узнала его голоса, как тогда, во время драки со Змеем. Завораживающая мягкость исчезла, словно Эльрик не говорил, а рычал, пытаясь оформить в слова звериное клочкотание в горле.

– Сейчас, – девушка натянула легкие сапоги. Начала было

заправлять в них штанины, но плюнула и оставила как есть.

– Не отставай от меня, – глаза принца полыхнули, когда он мельком взглянул на неё. – Держись в кильватере... Зеш! Точно за спиной, ясно?

– Эльрик...

– Ясно?!

– Да.

– Пойдем.

Он пинком распахнул тяжелую дверь. А дальше Кина видела происходящее смутно, помня только о том, что нужно ни в коем случае не отставать от де Фокса. Перед глазами то и дело взлетала длинная белая коса. Слышались иногда вскрики, глухие удары, ругательства. Кина спотыкалась обо что-то мягкое, стонущее. Кажется, о людей. Шефанго, до этого молчащий, вдруг зарычал так, что вздрогнули каменные стены. Стало страшно. А вместо глухого стука раздался непонятный влажный хруст. И сразу Эльрик дернул эльфийку за руку:

– Пойдем!

Она успела заметить краем глаза разметавшийся по полу плащ с тремя широкими языками пламени.

Потом был дохнувший прохладой двор, огни факелов, суета и крики. Но Эльрик проводок ее сквозь всю эту кутерьму, держа за руку. В другой руке шефанго сжимал свой топор, и лезвие его отсвечивало красным. Их то ли не заметили, то ли не поняли, что нужно хватать и держать.

В казарме стопились у входа вооруженные исманы. Солдат здесь уже не было.

– Нафиз! – рявкнул Эльрик. – На него напали! Вперед, мать вашу! В замок! Хозяина спасать!

Охранники, привыкшие за три недели пути беспрекословно повиноваться новому десятнику, вылетели во двор, и Кина услышала оттуда лязганье вперемешку со смачной руганью.

Де Фокс подхватил свой мешок. Забросил на плечо. Остановился на секунду, прислушиваясь к нарастающему снаружи ору. Коротко выдохнул.

– Идем дальше, – сказал уже нормальным голосом.

И Кина вновь побежала за ним, не пытаясь задавать вопросы.

...Скрываясь в тених, они пробрались вдоль стены казармы к закрытым воротам. Во дворе резали друг друга солдаты и десяток Нафизовых вояк. Исманы, рвущиеся в донжон, пока держались – картальские пехотинцы, привыкшие драться в строю или отбиваться со стен замка, оказались не готовы к нападению изнутри. Верткие бритоголовые тени скользили между ними, сверкали сабли, азартно хэкали проворные нафизовы бойцы, нанося стремительные, скользящие удары. Исманы бросились спасать хозяина, не подумав о том, что им не справиться вдесятером с полутысячей одоспешенных вояк. Очень скоро они это поймут и отступят. И им, скорее

всего, дадут уйти. А вот Нафизу – нет. Купца сочтут диверсантом и поступят с ним по законам военного времени.

Эльрик огляделся: у ворот никого не было, вся стража оказалась втянута в неожиданную и непонятную бойню. Никто не рвался в замок снаружи, опасность была внутри.

– Вперед, – он открыл узкую калитку.

– А лошади?

– Подарим воеводе. – Эльрик аккуратно подтолкнул Кину и вслед за девушкой выскользнул в прохладную ночь. Калитку за собой он плотно закрыл. – А теперь – в город.

Совершенно секретно.

Магистру Ордена Белого Креста.

Согласно имеющимся у меня данным, связь между Бичами Божьими и исманами поддерживается через исманского купца Нафиза, который регулярно ходит с караванами между Готхельмом и Мерадом.

22 августа 1370 г. Мерад. Брат Квинт.

6

Мальчик, в обязанности которого входило открывать дверь запоздалым постояльцам, подскочил на лавке. Его мирный сон оказался грубо потревожен тяжелым резким стуком в дверь.

– Сейчас, сейчас! – заорал мальчишка, спеша на стук и

спотыкаясь о лавки. – Сейчас! Да что ж вы грохочете так?! Сейчас открою.

Он отодвинул тяжелый засов. Вскрикнул. И сел на земляной пол.

В «Оранжевой устрице» никогда раньше не видели ше-фанго.

– Хозяин где? – прошелестел откуда-то из поднебесья низкий, завораживающий голос.

– Спит, – пискнул мальчишка, боясь открыть глаза.

– Веди!

– Заругается.

– Пусть попробует. Да вставай ты, малохольный!

Парень встал на ноги. Осторожно приоткрыл один глаз. Увидел пряжку широкого ремня и лезвие огромного топора, висящего в петле.

– Мама, – неуверенно пробормотал он.

Какая-то неведомая сила безмолвно подхватила его за шиворот. Развернула. Подтолкнула в спину, придав легкое ускорение. И тот же голос напомнил:

– Веди.

Мальчишка повел.

А куда ему, скажите на милость, было деваться?

– Господин Лорке, тут... к вам. Господин Лорке! Господин Лорке, да проснитесь же!

– Что такое?

– Вас просят.

– Гони в шею!

Вместо неуверенного мальчишеского голоса хозяину ответил рычащий бас:

– Не уверен, что у него получится. Долго еще прикажешь тебя дожидаться?!

Деньгами от голоса и не пахло. Зато от него ощутимо пахивало оружием и трудно сдерживаемым гневом. Лорке Лысый нашарил мягкие тапочки, зажег лампу и пошлепал к двери.

Он не дошел. Дверь вылетела сама. Точнее влетела. В комнату.

– Интересно, – услышал трактирщик, – она вовнутрь открывалась или наружу?

Теперь в голосе вместо гнева прослеживалось легкое любопытство.

– Наружу! И вам это дорого обойдется! – Лорке, высоко подняв лампу, перешагнул через обломки. Он пожалел об этом в следующее же мгновение. Из темноты выдвинулось кошмарное лицо, наполовину закрытое маской. Сверкнули в неярком свете алые бельма глаз. Клацнули клыки:

– Явился. Выползень.

– С нами Святой Огнь! – Трактирщик осенил себя Знаком. Левой рукой. Потому что в правой держал лампу. Лампа дрожала.

– Как Огнь чертишь?! – рывкнуло чудовище... или демон?

Лорке переглотнул. Лампа задрожала сильнее.

– Ненавижу! – тоскливо раздалось из темноты. – Что ж вы трусливые-то все такие? Сколько у тебя постояльцев?

– М-много... мало... так, средненько...

– Успокойся, мы не грабить пришли. Значит, средненько.

Гони всех к акулам.

– Зачем?

– Не люблю любопытных. Сказано: гони.

– Но...

– Держи, – страшная когтистая лапа сунула в потную ладонь Лорке крупную золотую монету.

– Что, прямо так и гнать? Ночью?

Он даже в дрожащем свете лампы разглядел блеск еще двух желтых кругляшей:

– Это получишь, когда сделаешь, что сказали. И еще, нам нужна комната.

– За комнату отдельно.

– Во нахал, – демон удовлетворенно хмыкнул. – А ежели тебе сейчас глотку перерву?

– Понял, – Лорке вздохнул и отправился выполнять распоряжение.

Когда суета и недовольные возгласы утихли, а поднятые среди ночи раздраженные постояльцы разбрелись по городу в поисках пристанища, Эльрик, до того настороженно стоящий у дверей, прикрыл глаза:

– Оттэн¹⁶, Тарсе! – Он даже не заметил, как испуганно поморщилась Кина. Потом выпрямился, обернулся и словно увидел её впервые.

Кина стояла посреди комнаты, послушно держась подальше от окна и не подходя к дверям. Распахнутые синие глаза, приоткрытые губы, напряженно вскинутая голова; черные волосы разметались по плечам. Эльрик с трудом отвел взгляд от тонкой белоснежной шеи, от распахнутого ворота надетой впопыхах рубашки. Как всегда после короткого боя, в нем клокотала сила. Сила, требовавшая выхода. Любого. Он крепко сплел пальцы на древке топора.

– Эльрик?

– Падай. И спи.

– Эльрик, тут всего одна кровать.

– Зато большая. Да не бойся ты... Боги... – Он бесшумно прошелся от стены к стене, чувствуя себя запертым в клетке зверем. – Не бойся, – сказал уже спокойнее. – Я все равно

¹⁶ Оттэн (зароллаш): здесь – спасибо!

ложиться не собираюсь. Какой тут, к акулам, сон?

– А... как же тогда?

– Что?

– Ну, – Кина нерешительно помялась. – Тебе же отдохнуть надо.

– Чего? – Эльрик развернулся всем телом и оглядел ее с головы до ног, насмешливо кривя губы. – Ты еще не поняла, что шефанго не устают?

– Почему?

– Мы же не эльфы. Все. Ложись. – Он подвинул ближе к дверям громоздкий стул. Сел, отвернувшись от девушки, и снял с пояса флягу.

– А что эльфы? – шепотом буркнула Кина, раздеваясь и быстро заскальзывая под прохладное одеяло.

– Да ничего, – в низком голосе ядом сочилась издевка. – Ехали-то всего с неделю, а умотались, будто всю дорогу на руках бежали.

Кина приблизительно догадалась, кого Эльрик имеет в виду. Но не стала уточнять. И комментировать не стала. Она в очередной раз вспомнила, что шефанго слишком хорошо слышат.

Эльрик де Фокс

Да-а. Влипли, ничего не скажешь. И это называется «спокойно дожить оставшиеся годы»? Да я так «спокойно» жил последний раз в Готской империи. Этте готтргельх рейхдорр¹⁷.

Что там с мальчиками Нафиза? Удалось им спастись? Хорошие мальчики. Верные.

И глупые.

Верность – это всегда глупо.

Забыть о них. Они все равно смертные. Спаслись – хорошо. Нет – значит, умерли не зря. Можно сказать, ради прекрасной дамы. Хрен бы мы из замка сбежали, если бы они стражу на себя не отвлекли.

Но что же болтал Нафиз насчет войны? «Плохое время для шефанго...» Почему вдруг? И почему эльфы шляются по Материку, как у себя дома? Не успел купца порасспросить... Дурак. Ой дура-ак! Нет чтобы побеседовать вежливо, спокойно, обходительно. Умею ведь.

Зря он про Кину ляпнул. Вскинуло меня. Плохо это. Не люблю я, когда меня вскидывает. Тогда кафарх на волю рвется, и я уже ни о чем другом не думаю, кроме как его удержать. Кафарх-зверюга, что же мне с тобой делать? Что мне с

¹⁷ Этте готтргельх рейхдорр (зароллаш): довольно невинное пожелание попасть под удар веслом.

собой делать? И куда нам с Киной сейчас податься?

А рыцарь там откуда, вот что я хотел бы знать? Орден Бича Божьего на тропе войны? В поисках нечистой силы аж в Карталь забрались? И ведь, что характерно, принимают их в Картале.

Мит перз... Ас турхе гратт, ханзер хисс! Он же к Нафизу шел. Великая Тьма и мудрые хисстары, а я-то, тупица... Подумал же еще, с каких это хренов «Бич» рубится в одном строю с замковой стражей? Да ни с каких. Случайно он туда попал. Случайно и подох, скотина. А шел к купчине моему разлюбезному, торгашу паскудному, лазутчику исманскому. Все верно – нечего ему больше в том крыле делать. Там специально для джэршэитов комнаты, даже молельня – джэршэитская. Не забредет туда рыцарь Бича Божьего случайно, или я окончательно перестал что-то понимать. Но... Эзис и Готская империя? Нет. Все-таки чего-то я не улавливаю.

Карталь, Карталь. Что за место такое поганое? Никогда это воеводство не любил.

Угораздило же его разместиться на самой границе с воинствующими исманами. Понятно, конечно, что и на границе кому-то жить надо, но почему же здесь из поколения в поколение воеводы один паскудней другого рождаются? На обе стороны задницы лижут: и Востоку, и Западу; и Озаренным, и Опаленным; и Хранителю Румийскому, и султану Эзисскому.

Эльрик-Предатель, хисс т'норре граф. Сам лучше ли?

Не лучше.

Но я-то хоть за идею убивался. А эти?

Как только наклеывается очередная война или войнушка, в Картале уже знают, перед кем хвостом вилять. Если перевес сил на стороне джэршэитов, воевода делает вид, что он анласитов знать не знает, и без вопросов пропускает войска Эзиса через свою территорию. Какое-то время джэршэиты бесчинствуют в воеводствах, потом воеводы дают им пинка, Карталь вспоминает, что населен анласитами. Враг бежит.

К Карталю никаких претензий – выжидал удобного момента.

Через какое-то время ситуация повторяется.

Как Карталю это с рук сходит, я до сих пор понять не могу. Может быть, конечно, у меня времени для наблюдений было больше, чем у смертных...

Помню, как строился этот замок. Лет триста назад. Сами-то Воеводства лет пятьсот существуют, но до этого они только назывались Воеводствами – так, несколько деревенок и одна большая, в которой собственно правитель обитает.

Народ сюда бежал, как будто ему медом намазано. Не сказать, чтоб приличный какой народ, все больше спасающаяся от закона шушваль, однако тоже люди, тоже работать умеют. Здесь всех принимали.

А лет через пятьдесят столько набежало, что с Воеводствами и по ту сторону Хребта считаться стали. Тогда здесь пошла повальная мода замки строить. Карталь, правда, ни-

кто всерьез не принимал, эти земли всегда были буферными. С одной стороны – Озаренные, с другой – Опаленные, с третьей – вовсе язычники. Но однажды появился какой-то молодой нахал и предъявил на них права.

Земли ничейные. Народ – ничейный. Исманы ли, румийцы ли, приходят, грабят, жгут и уходят. Одно слово – буфер. Только посмеялись над парнем. Помнится, я даже поспорил с драконом одним. Он утверждал, что ничего путного из затеи этой не выйдет, а я говорил, что люди, если уж за что-то берутся, то делают.

Серьезно мы тогда поспорили. Дали смертным полторы сотни лет на все про все, и ждали. Я доспех свой на кон поставил, из лунного серебра, а он – перстень с кровавым рубином. Таких рубинов в мире сейчас почти не осталось, только мой, может, и бродит еще где-то... Кому же я его подарил? Нет, не помню. Легко пришло – легко ушло. В первый раз в жизни я спор выиграл. И в последний. Ни до, ни после того ни с кем не спорил.

М-да. А Карталь стоит себе.

И первый воевода, кстати, очень порядочным человеком был. Это потом пошел бардак. Воздух здесь вредный, что ли?

...Тут-то в дверь и поскреблись.

То есть, в нее постучали, но это я уже потом понял, когда вылетел в коридор с топором в руках, готовый крушить и убивать. Всех убивать. Там, за спиной у меня, Кина была.

Они разлетелись в стороны, как кошки, разве что не зашипели, когда оружие выхватили.

Сим с Элидором.

И, хвала богам, пружина во мне перестала сжиматься. Даже захотелось привалиться к стене и вздохнуть от облегчения. А кого я, спрашивается, ожидал? Рыцарей Бича Божьего?

– Эльрик де Фокс, – я поклонился.

– А... где Тресса? – странным каким-то голосом спросил гоббер.

– Шефанго меняют пол на раз-два, – мрачно сообщил ему Элидор.

Я пригласил их проходить, но вошел первым. Мало ли что... Хотя напрягался, надо сказать, скорее по привычке. Не собирались монахи убивать ни меня, ни Кину. Пока, во всяком случае.

Совершенно по-хамски – все мое воспитание куда-то улетучилось, когда я увидел, как эльф посмотрел на менестрельку, – я сел и только потом вспомнил, что и гостей усадить надо. Ладно. Принц я, в конце концов, или хрен тюлений? Впрочем, они, кажется, и без приглашения сели бы. Выглядели мужики тоже... так себе выглядели. У них, сдается мне, ночка покруче моей была.

И во фляге ни капли.

Дерьмо!

Молчание нарушил Сим:

– А как же Тресса?

Зеш! Я забыл совсем, как мы с ним познакомились. Вот не было печали. Мало мне всего на сегодня, еще и гобберы сумасшедшие в гости приходят.

– В силу обстоятельств мне сейчас удобнее оставаться в мужском облике.

– Что вы устроили в замке? – Это Элидор голос подал. – Прирезали единственного и любимого сына воеводы?

Интересно, эльфы так шутят? Или он серьезно?

– Немного поспорил со своим нанимателем, – ответил я в тон монаху. – Потом к спору присоединились все присутствующие. А мы уехали.

Тут Кина и проснулась. Я лицом к кровати сидел, вот и увидел... как она улыбнулась. Нет, не мне – если бы она мне так улыбалась! – эльфу этому, порождению ночных кошмаров. Такими, как он, только детей пугать. Правда, Кина дитя-дитем, но не боялась, судя по улыбке, ни капельки.

Элидор обернулся к ней.

Потом посмотрел на меня.

Нехорошо так посмотрел. Оценивающе. Я у него в глазах отчетливо собственные мысли прочитал. Насчет ночных кошмаров. И детей. Только в переложении с зароллаша на эльфийский.

– Эльрик, представьте нас.

М-да. Представить надо. А-то совсем как-то невежливо выходит.

– Это Сим. А это Элидор. Они монахи.

Вот. Вроде не нахамил и в то же время гадость сказал. На душе даже как-то веселее стало.

– А вы, как я понимаю, Эльрик-Предатель, – кивнул мне Элидор. – До сих пор домой не пускают, да?

Ладно. Один-один. Но я хоть в маске, эльфю лица моего не видно.

– Не пускают. Сим сказал, что вы собираетесь на Запад, передумали ехать на Восток?

– Война будет. Не люблю войны.

– Надоели за десять тысяч лет?

Какой у Элидора тон участливый стал... Я сам себя стариком почувствовал. А Кина с Симом только ахнули:

– Десять тысяч?!

Посмотрела Кина на меня... нет, на потенциальных любовников так не смотрят. Падла ты, Элидор! Все эльфы – не подарок, но ты...

Элидор скалился, довольный произведенным впечатлением.

Пацан. Сопляк. Молокосос! Сколько ему лет, интересно?

– Кстати, а что там за история с нарушением celibата? Сим вчера рассказывал...

Ага! Счет снова сравнился. Элидор дернул плечом.

– Что такое celibат? – искренне спросила Кина. И все испортила.

А Сим, улучив момент, тут же ввязался в разговор:

– Нам все равно нужно рассказать. Миссия-то была карательная, и надо о ней на всех углах орать.

– Ладно, – вздохнул Элидор. – Им можно и рассказать.

Он развалился на стуле, поглядывая на Кину. И вытянул ноги, как и в казарме, стараясь занять как можно больше места.

– Я расскажу! – обрадовался Сим.

Элидора перекосило, как от кислого. Несмотря на искреннюю неприязнь, я не мог ему не посочувствовать. Путешествовать в компании гоббера можно лишь в том случае, если у того отрезан язык и связаны руки. Чтоб говорить не мог. Никак. У Сима руки были свободны, а язык – на месте. Более чем, судя по лицу эльфа.

– Уж лучше я, – прервал он Сима. Помолчал, явно стряпая в уме удобоваримую историю, в которой, много сказав, не рассказал бы ничего путного, и начал: – в Мераде мы должны были убить некоего Самуда...

– Самуда Эсенги, – встрял Сим.

– Сераскира?! – я не удержался. Не каждый день такие вещи так вот запросто слышишь.

– Ну, что-то вроде, – Элидор хладнокровно кивнул.

– Пришить-то мы его пришили, – вновь ввернулся Сим.

– Но он опрокинул лампу, а Элидору дали по голове. Пришлось мне вмешаться. А я потерял сознание. Позже.

– По дороге были неприятности, – невозмутимо, словно его не перебили, продолжил эльф. – Тогда Сима и стукнули.

Но, в общем, из Эзиса мы ушли неплохо. Полтора десятка трупов – это достаточно громкое убийство.

Забавно.

– А что в сейчас?

– А сейчас нас отправили в курию Ордена. В Аквитон.

– Зачем?

– За заданием.

– Ага, – ничего умнее мне в голову не пришло.

– Знаете что, – подала вдруг голос Кина, и все, как по команде, взглянули на нее, – по-моему, вам всем для начала надо выспаться. И шефанго, и эльфам, и гобберам. Благо комнат хватает.

Я, видимо, посмотрел на нее как-то очень удивленно. Потому что эльфиечка нахмурилась:

– Эльрик, давай сейчас я буду командовать, хорошо? А то ты скоро на всех без разбору кидаться начнешь.

У меня язык отнялся. А девчонка восприняла это как согласие:

– Вот и чудесно. Чтоб через минуту спали как миленькие. Вольно! Можете идти.

И мы пошли.

А что нам еще оставалось?

Утром, в скудном сереньком свете, пробивающемся сквозь щели в ставнях, комната выглядела отвратительно. Чистое белье да тюфяки со свежей соломой – это все, чего удалось добиться Эльрику, и то лишь после того, как он снова до полусмерти перепугал хозяина.

Шефанго потянулся на постели и сел, брезгливо оглядываясь вокруг.

Грязный пол, обшарпанные стены. Стол даже на вид был колченогим, а ставни, судя по заржавленному крючку, не открывались со дня постройки гостиницы.

«Это даже на постоялый двор не тянет», – констатировал де Фокс. И отправился во двор умыться.

Потом он пару часов разминался, пока поднявшееся солнце не разогнало серые сумерки. В гостинице стояла испуганная тишина. И Кина, и Сим с Элидором еще спали. Эльфийка вообще любила понежиться в постели. Пока они путешествовали с караваном, Эльрику каждое утро приходилось будить ее к завтраку.

Отстраненно вращая топор, выписывая сверкающим лезвием замысловатые кривые, окружив себя стальной завесой, шефанго вспоминал – отчетливо, до мельчайших деталей, – как Кина открывала свои удивительные глаза. Сонно улыбалась:

– Эльрик... что, уже снова вставать? Тогда здравствуй.

По утрам от нее веяло теплотой и мягкостью. Беззащитной нежностью...

Де Фокс двумя ударами разнес на три равных части поставленное стоймя бревно.

Он смотрел, как, умывшись, Кина расчесывает волосы. Блестящие волны, отливали на солнце темно-вишневым. Тонкая рука с костяным гребнем укладывала упрямые, непослушные кольца.

– Я постригусь, – надувала губы Кина, безуспешно пытаюсь собрать в прическу роскошную, шелково-сияющую волну.

– Не вздумай!

– Да? Тогда помогай. Подержи вот так...

А у него руки дрожали, когда он касался теплых, упругих, блестящих вороных прядей. Руки дрожали, и Эльрик давил в себе желание зарыться пальцами в буйную чёрную гриву, развернуть эльфийку к себе и...

Давил.

Хорошо, наверное, делал, что давил.

Наверное.

Еще одно бревно разлетелось на куски. Самый нижний остался стоять, и Эльрик одним ударом подбросил его в воздух, располовинив на лету.

Правда, повдоль.

А Элидора ничего не сдерживает. Целибат? Какой, к аку-

лам, celibat?! Никогда его в Белом Кресте не приветствовали. И нет у эльфа рамок, в которые оказался загнан Эльрик. Он может играть честно, а это великое благо – возможность играть честно.

«Посмотрим», – Эльрик наконец остановился, аккуратно положил на землю топор.

В конце концов, монахи должны были ехать с ними только до Аквитона. Дальше пути Кины и Элидора расходились. Эльфийку нужно было увозить в относительно безопасную Эллию. А дорога монаха...

«А куда бы она ни вела, после Аквитона нам будет в другую сторону».

Шефанго вылил на себя несколько ведер ледяной воды из колодца. Встряхнулся, как зверь. Не глядя вдел топор в петлю на поясе и отправился к дверям. Пора было и позавтракать.

Хозяин попался ему в сумеречном, закопченном обеденном зале. Затравленно посмотрел, пытаясь выдавить улыбку.

Эльрик попытался вспомнить, как зовут этого лысого красавца. И с сожалением понял, что имя начисто выпало из памяти. Так всегда бывало после того, как приходилось выдерживать очередную схватку с кафархом. Но что же он сделал вчера такого, что немаленький и крепкий на вид мужик разве что хвостом при виде него не виляет?

Исключительно за неимением хвоста.

«Вроде не зверствую я в гостиницах...» – озадаченно подумал Эльрик.

Хотя называть «Оранжевую устрицу» гостиницей было бы для нее слишком лестно. Дыра дырой. Эльрик считал, что тех, кто полагает, будто в таких условиях можно принимать постояльцев, нужно учить жизни. Иногда наука шла впрок, иногда – нет. На то, что лысый хозяин усвоит хоть что-то, надеяться не приходилось.

– Вот пожить бы мне у тебя с недельку, – многообещающе пробормотал шефанго.

– Чего изволите? – лысый явно не расслышал. А если расслышал, испугался поверить.

– Завтрак.

– Скоро будет готов...

– Мне готовить не надо. Кусок вырезки попримечнее. Да посолить не забудь. И... что у вас тут пьют?

– Э-э...

– Хрен с ним. Пива.

– Понял.

– Славно.

Эльрик смутно припоминал, что вчера ночью он вроде давал хозяину денег. Причем немало. Но на всякий случай выудил из кесе серебряный. Бросил на грязный стол – единственный в зале. Кесе был мокрый. А монета – сухая. В Эн-нэме отлично выделявали кожу, одна беда: к поясу кошель крепился так, что снимать-надевать лишний раз было лень.

«Как же его зовут, лысого этого? – снова попытался вспомнить Эльрик, поднимаясь по узкой лестнице. – Ладно. Не важно. Ноги моей больше в этом клоповнике не будет».

А мясо, вопреки ожиданиям, оказалось действительно свежим.

И пиво... де Фокс поморщился... вполне можно было пить. Хотя, конечно, лучше было бы и не пить. Вроде не разбавленное, но редкостная дрянь.

В коридоре прошлепали чьи-то ноги. Мирно так прошлепали. Бойцы иначе ходят. И в соседнюю дверь вежливо постучали.

К Кине постучали.

Эльрик рывком поднялся и вышел из комнаты.

Лысый трактирщик, не замечая его, вещал в закрытую, выкрашенную в отвратительный зеленый цвет дверь:

– Госпожа, вас просят спуститься вниз и отзавтракать.

– А который час? – донесся из комнаты мелодичный, чуть ленивый голос. Эльрика скрутило от ненависти ко всему миру. Утренний голос Кины принадлежал только ему.

Он бесшумно скользнул обратно и прикрыл за собой дверь.

– Часа два как рассвело, – приглушенно донеслось из коридора.

– Еще только?

Эльрик явственно представил, как Кина потягивается на постели, сонно трет кулачками глаза.

Есть уже не хотелось.

Совсем.

– А кто просит?

– Господин эльф.

Кина явно оживилась. Прозвенела серебряным колокольчиком:

– Эльф? Передай ему, что я сейчас спущусь.

Эльрик достал трубку, набил ее и закурил, пытаясь переключиться на мысли о предстоящем путешествии и связанных с ним неизбежных сложностях.

Сложностей обещало случиться больше, чем хотелось бы. Их, собственно, совсем не хотелось, но ведь на то они и неизбежные. Куда ж денешься?

А первой и пока основной неприятностью виделась необходимость ехать через анласитские земли. Разумеется, уцелеть там в компании двух монахов Белого Креста было проще, чем пробираться вдвоем по предвоенному Эзису. Значительно проще, иначе Эльрик ни за что не сменил бы надежное пристанище у Ахмази на зыбкий расчет переждать войну в Элли. И тем не менее...

«Белый Крест – орден, конечно, влиятельный, – шефанго вдыхал ароматный дым и смотрел в закрытые ставни, – может, и проскочим. Даже скорее всего проскочим. До Аквитона. Ну а там придется на свой страх и риск. Через Румию. Штез эльфе. В Румии ведь даже хороших знакомых нет. Чтоб прикрыли».

Он мысленно снова начертил их предполагаемый маршрут. Из Карталья до Лоски, это уже на территории Аквитона. Оттуда – в столицу. А там – в румийскую Остию и морем – до эллийцев. Выходило не то чтобы очень страшно, но... ненадежно. С учетом Кины – ненадежно. А хотелось полной уверенности в успехе.

Эльрик вспомнил свою старую присказку: «Мне нужно не меньше пятидесяти шансов из ста...» Да, он всегда отличался осторожностью и старался не браться за заведомо безнадежные дела. Другой вопрос, что обычно не получалось. Пресловутый пункт – вставать на сторону слабейшего. Но сейчас у них с Киной было больше шансов выжить, чем погибнуть.

«Если бы еще понять, что же за бесовщина происходит!»

Мысли заскользили по накатанной за последние дни дорожке.

Предполагаемый союз людей и орков.

Рыцарь Владыки в центре Материка.

Подготовка к войне в Картале.

Белый Крест, ведущий непонятную деятельность на Востоке.

Обмолвка

случайная?

разозлившегося Нафиза.

И, наконец, рыцарь ордена Бича Божьего в замке воеводы Карталья. Рыцарь, зачем-то оказавшийся в крыле, отведенном для джэршэитов. Рыцарь, которого Эльрик убил не

задумываясь, едва увидел знакомый ненавистный плащ.

В его дверь забарабанили весело и нагло.

– Ну! – Рыкнул шефанго, оборачиваясь всем телом. Топор лежал рядом – только руку протянуть.

– А. Эльрик, – грустно констатировал Сим, появляясь на пороге. – Пойдем вниз.

– Доброе утро, – Кина скользнула в комнату, сияющая, как раннее солнышко. – Привет, Сим!

– Рад вас видеть, госпожа, – церемонно раскланялся монах.

Кина удивленно воззрилась на него, но тут же снова улыбнулась.

– Эльрик! Да пойдем же завтракать... Ой, ты уже? Но все равно пойдем. А то Элидор ждет.

– Подождет, – буркнул Эльрик, вставая и подхватывая со стула оружие. – Чего ему сделается? Бессмертный ведь.

Хозяин попытался прошмыгнуть мимо открытой двери к лестнице.

– Стоять! – скомандовал де Фокс. И ткнул большим пальцем себе за спину. – Там завтрак, милейший. Захватите его, пожалуйста, вниз. Буду очень признателен.

Лысый, весь какой-то потерянный, посмотрел на него дикими глазами, но послушно поставил на поднос мясо, кувшин с пивом и поплелся следом.

Лорке очень хотел бы позабыть этих постояльцев сразу, как только они покинут его дом, но даже не надеялся, что желание исполнится.

Огромный демон с длинной белой косищей и пугающим, как его владелец, топором. Сказочная красавица, за которую любой согласится продать душу, хотя бы вот этому самому демону. Коротышка-гоббер, путающийся у них под ногами и, кажется, все порывающийся начать что-то рассказывать.

Забудешь их, пожалуй! Но осторожность подсказывала Лорке Лысому, что хоть забыть и не получится, рассказывать об этих троих – четверых, был же еще жуткий альбинос в зале внизу, – не стоит никому и никогда.

Когда странная компания появилась в зале, Элидор поднялся из-за стола. Кивнул де Фоксу, получив в ответ такой же сдержанный кивок. У обоих это означало поклоны. И оба на этом исчерпали свой запас вежливости.

– Доброе утро, – сказала Кина и нерешительно остановилась чуть позади Эльрика. Шефанго подал ей руку и провел к столу, аккуратно обойдя стоящего Элидора.

– Действительно доброе, – ответил монах, не обернувшись.

И пожал руку Симу, что слегка удивило Эльрика, привыкшего к тому, что эльфы, как и шефанго, никогда не здороваются за руку. Это было приветствие людей, да и то не всех – только низших сословий.

Лысый трактирщик поставил на стол поднос. Сим невольно скривился, увидев сырое мясо. А Элидор бросил косой взгляд на Кину. Но эльфийка, давно привыкшая к вкусам своего спутника, даже бровью не повела.

– Как же вы здесь оказались, госпожа? – поинтересовался эльф, напрочь игнорируя всех остальных и предоставив Симу терзать Эльрика очередным бесконечным повествованием. За что Сим и взялся со свойственным ему усердием. – Простите за неуместное, быть может, любопытство, но что делать эльфийке на берегах Внутреннего моря, да еще в та-

кой странной компании?

– Эльрик увез меня из Уденталя, – просто ответила Кина.
– Там солдаты... – она поморщилась, – я точно не знаю, но, кажется, ему пришлось кого-то побить. Эльрик, ты ведь подрался с кем-то, да? С той свиньей, которая пристала ко мне в кабаке?

– Я не подрался, – де Фокс выпутался из паутины Симовой трепотни. – Я ему морду набил. Да тебе-то в этом какой интерес?

– Ну, просто... Элидор спросил, почему я в такой странной компании.

– Вы, господин монах, какую компанию имеете в виду? – очень вежливо уточнил Эльрик.

– Да вашу, конечно, – ничтоже сумнящся ответил эльф.

– Но я тебе скажу, – вновь услышал шефанго пронзительный голос Сима, – такого урожая в Регеде не было до этого лет сто. Конечно, воевода тут же...

Эльрик отключился от происходящего, следя лишь за тем, чтобы время от времени кивать и поддакивать. Бороться с гобберами иначе было нельзя. Заговорят.

До смерти.

– А что странного в том, что мы путешествуем вместе? – улыбнулась Кина. – Нет, я знаю, конечно, что шефанго наши давние враги. Но разве Эльрик враг?

Элидор безучастно пожал плечами.

– Мне трудно судить. Хотя, подозреваю, я наслышан об

Эльрике-Предателе побольше вашего. Вы ведь даже не знали, насколько он стар.

– Да, – синие глаза стали огромными и чуть испуганными.
– Я не знала. Десять тысяч лет – это и представить невозможно.

– Не то что прожить, – кивнул монах. – Хотя шефанго... С него станется. Значит, вы твердо решили ехать в Эллию?

– Не знаю. Эльрик мне еще не говорил. Но... раз он так сказал, значит, решили.

Эльф приподнял тонко очерченные брови, белые на темном, загорелом лице:

– Вы так давно знакомы, что уверены в де Фоксе полностью?

– Три недели, – Кина глотнула вина и слегка скривилась.

– Позвольте, – Элидор взял ее кружку, выплеснул ее на пол и налил до краев темным, густым вином из своей фляги.

– Элидор! – ахнул Сим, прерывая свой запутанный рассказ. – Ты что?! Это же... Это ж нам из подвалов Хранителя. Его же по капельке...

Эльф глянул на духовного собрата, и тот заткнулся, не договорив.

– Спасибо, – Кина отпила из кружки. – Ой, ну надо же! Я не знала, что люди умеют делать такое вино.

– Люди умеют, – Элидор глотнул прямо из фляги. – Но неужели три недели – достаточный срок, чтобы убедиться в том, что ваш спутник не опасен? Для вас не опасен. В том,

что он для остальных смертельная угроза, я не сомневаюсь.

– Он убил Змея, – задумчиво произнесла Кина. – Вы не представляете себе, что это был за Змей. Настоящее чудовище из сказки. Из страшной сказки. Убил Змея и спас меня.

Эльф выбил пальцами дробь по столу. Ухмыльнулся:

– Действительно. Очень романтично. Чудовище из сказок убивает чудовище из сказок.

Кина расцвела улыбкой и взглянула на Эльрика, уже успевшего вновь закурить. Элидор проследил за ее взглядом. Нет, лицо у монаха не дрогнуло, только сжались на мгновение тонкие губы.

– Конечно, – эльфийка перевела взгляд на собеседника – теплая синяя волна, солнечный свет в кобальтовой небесной бездне, – но он не чудовище. Он мне как брат. Старший.

Эльрик медленно обернулся к Кине, взглянул на нее с полным безразличием.

... – как брат...

«Мог бы и раньше понять, придурок».

Что-то надломилось внутри, оставив ощущение саднящей боли и потери.

Можно ли потерять то, чего никогда не было?

Оказывается, можно.

– А капитан, значит, заподозрил именно вас? – де Фокс вновь посмотрел на Сима.

– Ну да! – радостно подхватил гоббер. – Веришь, я сам не понял почему. Ладно бы за дело. Но за дело я обычно не

попадаюсь. Знаешь, наверное, как это бывает, бьют всегда с той стороны, откуда меньше всего ожидаешь...

– Знаю, – сказал Эльрик и улыбнулся. – Я знаю.

Готская империя. Готхельм

1

Эта встреча прошла за шесть лет до того, как Кина попала в Уденталь. За шесть лет до необъяснимого нападения людей на берега Айнодора. За шесть лет до того, как Тресса де Фокс отпраздновала свое десятилетиячелетие.

Встреча прошла в курии ордена Бича Божьего, огромном сером здании, стоящем на одной из площадей Готхельма, столицы Готской империи.

Магистр Бейтир, глава Белого Креста, вышел из кареты, недовольно огляделся по сторонам, игнорируя встречающих его рыцарей в серых плащах, и тяжелой походкой отправился к массивным дубовым дверям. Магистру никогда не нравился Готхельм. Слишком много камня. Слишком мрачно. Слишком... самоуверенно. Но генерал Бичей очень просил приехать. Присутствие магистра нужно было генералу настолько, что даже письмо, в котором излагалась просьба, было вежливым, без обычного готского высокомерия.

На это стоило обратить внимание. И пришлось покидать зеленый, солнечный Аквитон, чтобы отправиться в далекое – особенно для пожилого человека – путешествие на север. В каменную твердыню самой сильной империи Запада.

У подножия широкой лестницы, люющей сверху голым камнем ступеней, магистра встретил высокий широкоплечий рыцарь. Последний раз магистр видел его лет двадцать назад, но не узнать стылый взгляд холодных серых глаз было невозможно.

– Генерал Ройн.

– Отец Бейтир.

Они поклонились друг другу.

«Однако сквозняки у них», – недовольно отметил магистр. Откуда-то заметно повеяло холодом. Впрочем, ощущение тут же прошло.

– Я рад, что вы снизошли к моей просьбе и приняли приглашение, – Ройн приглашающе махнул рукой, и оба священника начали неспешно подниматься по каменной лестнице.

«Смирение. То, что пуще гордыни, – магистр Бейтир слушал генерала, кивал, а слышал лишь резкое несоответствие благодарных слов и холодного, надменного голоса. – В этой каменной глыбе – и ни одного ковра».

Он отдавал себе отчет в том, что просто придирается. Из одной только врожденной, переданной еще от предшественника неприязни к ордену Бича Божьего, искоренителям ереси и нечестивцев, врагам всего, что осмеливалось противиться Святому Огню. И все же легкое недовольство не отпускало, мешало настроиться на мирный благожелательный тон, успокоить собеседника, внушить доверие и... внимательно смотреть, слушать, запоминать. Не то чтобы в этом была

необходимость, но магистром в Белом Кресте мог стать лишь тот, кто всю жизнь умел смотреть и видеть. Увы, это порождало подозрительность, которую, впрочем, вполне можно было назвать предусмотрительностью, не больше.

Да. Простая предусмотрительность.

– Как я понял, отец Ройн, вы до сих пор не сумели разрешить вашу проблему?

– Мы прилагаем все усилия, – лицо генерала закаменело. Прокатились на скулах желваки. – Но... да. Вы правы, отец Бейтир.

– Рыцари Бича Божьего – военная мощь нашей церкви. Надежда всех Опаленных. Чего же хотите вы от нас, мирных нищенствующих монахов, которые даже не знают толком, как держать в руках оружие?

Гот вздохнул. Опустил глаза, задержав взгляд на голой крышке простого деревянного стола:

– Нам нужен совет.

«Да неужели? – саркастически хмыкнул магистр. Хмыкнул, разумеется, про себя. – А давно ли вы обвиняли наш орден в ереси и отступлении от догм во имя неведомых – вам неведомых – целей?»

Он молчал, выжидающе глядя на собеседника. Когда-то медово-желтые, но поблекшие с возрастом глаза смотрели мягко и дружелюбно.

«Хочешь, чтобы я помог тебе, брат по Анласу? Чтобы спросил: какой совет вам нужен? Нет уж. Такой помощи ты

от меня не дожدهшься. Давай, сэр рыцарь, говори сам. Ломай себя, как ломал моих мальчиков. Мальчики на Небесах. Им все равно. А мне нет. Я-то ведь живой еще... еще живой...»

– Вы... вам многое известно, – выдавил наконец генерал Ройн. – Если мы – военная мощь Церкви, то вы, Белый Крест, – ее разум.

– Насколько я помню, генерал, вы всегда склонны были соглашаться с народной поговоркой «Сила есть – ума не надо». Не слышали? Ах, ну да, рыцари далеки от простонародья... В смирении своем далеки, разумеется.

Ройн выслушал его молча. Не поднимая глаз от столешницы. Казалось, еще немного, и дерево задымится под его взглядом.

«Или заиндевет...»

– Мы были неправы, – выдавил наконец гот. – Людям свойственно ошибаться, и мы не лучше многих. Но ошибки остались в прошлом, отец Бейтир. А Опаленным не подобает держать зло на ближних своих.

– Тем более не подобает держать зло на братьев, – кивнул магистр. – Спрашивайте. Я отвечу.

– Он преследует нас, – коротко выдохнул сэр Ройн. Помолчал, барабана пальцами по столу. – Скоро пять лет, как началась эта напасть. Вот уже пять лет рыцари Бича Божьего погибают от руки этого чудовища.

– Одного-единственного шефанго, как я понимаю?

– Это не шефанго, магистр. Я говорю вам – это Враг.

– Сам Рилдир?

– Ну... кто-то из его прихвостней, – гот слегка смутился.

– Он непобедим.

– Непобедимых не бывает.

– Но...

– Послушайте меня, генерал, – магистр Бейтир поудобнее устроился на жестком, с высокой спинкой кресле. – Мы давно знаем существо, с которым вы имеете дело. Это не демон, и уж, конечно, не Враг, но он очень стар. Вся история рода человеческого – вдумайтесь, генерал, – короче, чем жизнь вашего противника. Именно поэтому с ним трудно справиться, и его трудно убить. Скажу откровенно, я не думаю, что вы вообще сможете убить его, раз уж не смогли за эти годы.

– Но что же нам делать? – в голосе гота скользнула нотка искренней растерянности. – Лучшие бойцы Ордена, цвет рыцарства...

– У вас есть молодые послушники? – перебил его магистр.

– Что? – сбитый с мысли, генерал удивленно взглянул на собеседника. – А. Ну да, разумеется. У нас все меньше остается опытных воинов. Мальчишек же... – он махнул рукой. – Их скоро некому будет учить.

– Отправьте против шефанго этих мальчиков, – магистр Бейтир приподнял руку, предупреждая возражения гота. – Лет двенадцати-четырнадцати, не старше. Я повторяю еще раз: вы не сможете убить его. Но он уйдет. Сам.

– Я не понимаю...

– И не поймете, – проговорил магистр, поднимаясь. – Он не убивает детей.

Трясаясь в карете по вымощенной камнем дороге, магистр Бейтир откинулся на мягкую спинку сиденья и прикрыл глаза.

Отдыхая?

Вспоминая?

Снова и снова прокручивая в памяти, нет, не разговор – беседа с генералом «Бичей» была совершенно не интересна пожилому монаху.

Ощущения.

В великой самонадеянности своей рыцари и не подумали пригласить к себе кого-нибудь званием пониже.

«А кроме меня, пожалуй, никто и не почувствовал бы...» – чуть грустно усмехнулся магистр Бейтир.

Курия ордена Бича Божьего была насквозь пропитана Мраком. Не сквозняки виной тому, что старые кости монаха стыли в объятиях каменной цитадели. Хотя сначала ошибся даже он, списав леденящий ветер на небрежность строителей и непривычный климат.

Не сквозняки.

Только Мрак, или Тьма, так называют это эльфы, дышит таким мертвым холодом и... смертью.

Магистр сидел расслабившись, словно дремал, и лицо его было спокойным и мягким. Как всегда. А в сердце росла,

клубилась, колола острыми иглами тревога, превращаясь в смертельный ужас. Враг человеческий проник в самое сердце одного из анласитских орденов. Рилдир Смущающий – могучий и страшный противник. Тот, кто не останавливается, тот, кто Творит во имя великого Зла, тот, кто...

«Единственный, на кого у нас нет архива и свитка с персональным делом», – магистр задумчиво рассмотрел собственную иронию с разных сторон и вышвырнул в приоткрытое окно кареты.

Не до смеха было.

А в Готской империи уже взялись за работу люди. Разные люди. Самые обычные. Давно примелькавшиеся на улицах, в тавернах, в базарных рядах и среди знати. Люди, которые, как их магистр, умели смотреть и *видеть*, слушать и *слышать*, запоминать и оценивать. В первый раз за все время своего существования Белый Крест лицом к лицу столкнулся с Врагом. В первый раз. Но орден был готов к этому.

Воеводство Карताल. Столица

1

Элидор перестал наконец таращиться на Кину и вспомнил о своем завтраке. Произошло это, правда, не раньше, чем эльфийка встала из-за стола. Эльрик проводил ее в комнату, усмехнулся:

- Собирайся.
- Что собирать-то? – честно спросила Кина.
- Понятия не имею. Но любая женщина в любой ситуации тратит на сборы не меньше часа.
- А Тресса?
- Тем более.
- Мы уезжаем прямо сейчас?
- Надеюсь. Во всяком случае, мы с тобой уезжаем. Если хочешь, подождем твоего монаха где-нибудь за пределами Карталя.

Уши эльфийки, очаровательные маленькие ушки, начали наливаться алым.

- Да ладно тебе, – Эльрик улыбнулся. – Мы их в любом случае дождались бы. Иначе через Опаленные земли не проехать.
- Он красивый, – почему-то жалобно сказала Кина. – И...

такой мрачный.

«Он красивый?!» – едва не возопил Эльрик. Но сдержался. Даже смеяться не стал.

– Мрачный – это точно. Ладно, я за тобой зайду.

– А ты куда?

– Нам лошади нужны, – бросил он не оборачиваясь. – Если что – кричи.

«Косу даю на отрезание, Элидор тебя караулить будет».

Эльф действительно давал Симу краткие напутствия, отправляя того за лошадьми. По уму-то выбирать лошадей следовало как раз Элидору. Ну так то по уму.

Монах оставил ошалело кивающего Сима в покое и обернулся к Эльрику:

– Мы поедем быстро.

– Двенадцать лошадей, – шефанго пожал плечами.

– Сколько?! – У гоббера волосы встали дыбом.

– Хм. А мысль хорошая, – Элидор задумался. – Ну да. Если можно ехать одвуконь, почему не ехать на трех?

– А может, на четырех? – язвительно поинтересовался Сим. – Элидор, у тебя задница отпадет.

– У меня – нет, – парировал Элидор. – А тебя никто силой не тащил.

– Здесь хватит на шесть лошадей, – де Фокс выложил на стол несколько крупных серебряных монет и пару золотых. – Вы вообще в них разбираетесь?

– А то ж! – гордо ответил Сим. – Если хочешь знать, когда

я был на лошадиных торгах в Гульраме, ну, это было давно, у нас и отец-настоятель еще другой был, хороший такой отец-настоятель, как раз в том году, только не у нас в монастыре, а у них, и не в монастыре, а в этом самом Гульраме на скачках выставляли какую-то там особенную кобылу... Или жеребца... А может, мерина...

Эльрик, уже начавший привычно отключаться от болтовни, неожиданно насторожился:

– Это вы про скачки с участием Серой Зарницы?

– Да откуда я знаю? – отмахнулся Сим, – какая-то там лошадь...

Эльрик посмотрел на гоббера с жалостью и слегка брезгливым любопытством. Гоббер ответил незамутнённым взглядом праведника.

Дальше должно было быть совсем просто: еще несколько слов – отправить эльфа, прирожденного лошадирика, вместе с Симом; хотя бы на час заставить его убраться из таверны...

– Ладно, – неожиданно для самого себя сказал Эльрик. – Идите уж, добрый гений отцов-настоятелей.

Сим сгреб деньги, ссыпал их в огромных размеров кошелёк и потопал к выходу.

Эльрик отправился следом. В городе появляться нельзя, но подышать воздухом на заднем дворе – от этого большой беды не будет.

– В замке знают о том, кто поднял бучу? – бросил ему в спину Элидор.

– Не думаю.

– Если на выезде из города возникнут проблемы – мы ведем вас в монастырь по приказу настоятеля.

Эльрик остановился, развернулся к эльфю:

– Вы полагаете, у меня могут возникнуть проблемы?

– Зачем поднимать лишний шум? – неожиданно миролюбиво спросил монах.

Он мог себе позволить быть миролюбивым. И главное, он был абсолютно прав.

Эльрик кивнул, аккуратно подтолкнул к дверям прислушавшегося гоббера и вышел сам.

Магистру Ордена Белого Креста.

Строго конфиденциально.

Из достоверных источников мной получены сведения о том, что кронпринц Гуго недавно принял участие в молении Мраку. Пригласил его туда палатин де Тир. Состав участников сего действия уточняется.

5 июля 1360 г.

Готхельм.

Брат Бернар.

Воеводство Карताल – герцогство Аквитон. Дорога на город Лоску

Эльрик де Фокс

Гулкий топот подкованных копыт по мощеной дороге. Проносящиеся мимо деревья. Редкие поляны. Кучки навоза на камнях. Идиллия. Пастораль, так ее разэтак! И мы летим: шефанго, два эльфа и гоббер. Летим отреконь. По-степняцки. На ходу пересаживаясь с лошади на лошадь. Вперед! В Аквитон.

Бедный, бедный Сим.

Верткий и шустрый, ездить верхом он все-таки не умел, и в первый же день, за который мы сделали два стандартных перехода, умудрился стереть себе все части тела, принимающие непосредственное участие в верховой езде. Когда наша четверка наконец остановилась на привал, Сим сполз с седла, постоял, качаясь, на неверных ногах, и упал.

На живот.

Что ж. Его можно понять.

Элидор и Кина занялись лошадьми. Я – костром. Сим – своей трубкой.

Когда окончательно стемнело, мы успели уже помыться в

недалеком ручье, сварить ужин и сидели вокруг трещащего сучьями огня, старательно не обращая внимания на Сима, который по-прежнему лежал на животе.

Что интересно, эльф и я, умывшись, снова облачились в доспехи. Я-то понятно почему – слишком много непонятного случилось за последние дни. И нет гарантии, что не вылезет из кустов очередная тварь или, того хуже, Древний. Если меня будут есть, пусть я хотя бы в зубах застряну. А Элидор? Или он тоже от каждой тени шарахается?

Мы сидели спиной к огню, потому что нет ничего опаснее спящих бликов в глазах, когда резко разворачиваешься от пламени в темноту окружающего леса. А Кина и Сим любовались костром. Смотрели на взлетающие к вершинам деревьев искры да задремывали себе потихоньку.

Элидор тарасился в ночь, обхватив колени руками. Не на Кину тарасился, уже хорошо. Собственно, на Кину смотреть ему и не полагалось – часовой как-никак. Мы еще в Картае обговорили время дежурств. Себе я оставил «собачью» вахту, потому как даже если – в мире случаются иногда чудеса – я и засну на страже, чувство опасности все равно разбудит. Впрочем, я не засну. Была бы у меня привычка на карауле засыпать, хрен бы я когда десять тысяч лет отметил...

Ладно хвалиться, эрте Анго! Всех достоинств у тебя – сверхъестественная живучесть да шестое чувство...

Пора уже было покурить и падать спать.

Кина, ошав от лесной романтики, свернула калачи-

ком на моем плаще и, кажется, уже заснула. В первый раз ночует в такой дикости. Ей пока все нравится, все интересно. Даже ледяная вода, даже конский пот, который этой водой смывать – врагу не пожелаю. Муравьев-пауков и прочей мелкой нечисти Кина не боялась. И это очень хорошо. Нет в лесу ничего хуже женщины, которая с визгом шарахается от каждой букашки и норовит залезть на дерево. Или на мужчину, что случился рядом. Хотя эльфы, кажется, вообще никого живого и безмозглого не боятся. Обычного живого и обычного безмозглого.

Надеюсь, «необычное» здесь повывели. Не зря же, в конце концов, Бичи Божьи хлеб едят... чтоб им ветер встречный!

Я достал трубку. Достал кисет...

Тут-то и толкнуло: опасность! Причем настолько близко, что даже напрягаться не пришлось, чтобы понять, кого на огонек принесло. Я еще успел мысленно себя обругать: знал ведь, каких тварей к ночи поминать не следует.

Ржавильщик.

И хрена ль мы в доспехах маялись?!

Хуже нечисти только нежить. Хуже нежити – нечисть разумная. Ржавильщики как раз к таковой и относились.

Где-то я слышал, что у этих тварей есть официальное название – какое-то мудреное виссанское слово. Но в народе их именовали именно так – ржавильщики. Существа, питающиеся железом и всем, в чем железо хоть чуть-чуть содержится. Тем, кто кормил их досыта, ржавильщики открывали

местонахождение кладов. Они металл издавека чуют и, раскопав сокровищницу, обычно сжирают оттуда все, что могут сожрать. А потом, поскольку потребности в драгоценностях не испытывают, клады эти сдают. Хотя чаще все-таки обманывают. Из природной мерзопакостности. Если же, на свою беду, накормить ржавильщика нечем, то скотина эта и убить может. Ее ведь кроме лунного серебра да какой-нибудь магии и не берет ничего. А голыми руками убивать бесполезно. Обожжешься только. Хорошо, если мясо до костей не слезет.

– Тэшарх¹⁸, – вполголоса сказал я. – Ржавильщик в кустах справа...

И снова меня толкнуло. Я чуть за топор не схватился.

Элидор, хвала богам, оказался не дурак. Он спокойно так повернулся ко мне, вопросительно поднял брови.

– ... С ним кто-то еще, – сказал я.

Гоббер, приоткрывший было глаз, услышав про ржавильщика, на мгновение зажмурился. Я его понимал. Мне тоже хотелось куда-нибудь спрятаться.

Элидор меланхолично коснулся рукояти кинжала за поясом. К чему бы это? Неужто лунное серебро? Ну да. Кинжал похож на мой такой же. Ладно. Лучше так, чем никак.

¹⁸ Тэшарх (зароллаш) – здесь: предупреждение об опасности, «тревога!», «внимание!» и т.п.

1

– Мир вам, господа хорошие, – проскрипело над полянкой, словно лезвием меча провели по камню.

Кина проснулась и села, растерянно щурясь. Потянула на себя просторный Эльриков плащ.

– Это кто? – Эльфийка по очереди взглянула на де Фокса и на Элидора, которые одновременно подвинулись к ней, заслоняя с двух сторон.

Сим индифферентно напoлз пупом на меч и сообщил, словно о бабочке редкой породы:

– Это, Кинушка, ржавильщик. Встречаются, знаешь ли, в здешних лесах.

– Может, и мир, – рыкнул Эльрик в ответ на приветствие, до рези в глазах всматриваясь в заросли за спиной вышедшей на поляну твари. Лошади беспокоились, храпели. Пытались бить копытами, но у них, стреноженных, это получалось плохо.

– Да почему же «может»? – Тварь осторожно подходила к костру. Или подползала? Ржавильщики обычно не утруждали себя принятием какой-то определенной формы, так – комок блестящей как ртуть, и такой же подвижной массы. Впрочем, сейчас, вопреки обыкновению, бликующая алыми отблесками туша заколебалась, вытягивая из себя голову, две руки и какое-то подобие ног. – Почему же «может»,

добрые господа? Мир есть. И будет...

– Есть, – не удержавшись брякнул Сим.

Ржавильщик захихикал. Странно было слышать тоненький смех, вырывающийся из пасти, в которой поместилась бы человеческая голова.

– Смешно, – подытожило чудовище, отсмеявшись. – А у нас с вами, добрые господа, обязательно будет мир, если вы, конечно, накормите голодненького ржавильщика.

– Кае аш¹⁹, Эльррихх? – вполголоса спросил Элидор, и де Фокс обернулся к нему с несказанным изумлением. Эльф говорил на зароллаше. Говорил, разумеется, отвратительно, излишне грассируя и чрезмерно смягчив последнюю согласную. Но вопрос был понятен.

– Ас норр от'вэсс²⁰, – ответил он так же тихо.

Да. Он действительно не видел. Мог поклясться, что нет никого в тех кустах. Никого и ничего. Зрение у шефанго не хуже кошачьего. А может, и лучше. Сейчас, в лесу, под звездным небом, для Эльрика было светло, как днем...

Но чувство опасности не обманывает. Не может оно обмануть. Как не могут обмануть зрение или слух.

– Хватит болтать, – рявкнул Ржавильщик неожиданно громким голосом. – Жрать хочу!

Кина шарахнулась к Элидору.

¹⁹ Кае аш (зароллаш): с поправкой на ужасный акцент Элидора можно перевести, как «что там?»

²⁰ Ас норр от'вэсс (зароллаш): я не вижу.

Эльф и шефанго одновременно начали снимать доспехи.

– Так-то лучше, – удовлетворенно проскрипела тварь, присаживаясь в стороне от костра. К сожалению, огня эта нечисть не боялась. Просто избегала, как дань традиции.

«Главное, чтобы на кольчугу ни капли не попало...

кто же там, в лесу?

остальное чинить проще, да и не так жалко. Хотя в этих землях булат, конечно, не купишь».

Эльрик неспешно расстегивал пряжки. Тянуть время не имело особого смысла – до утра, до солнечного света еще много часов. К Кине они ржавильщика не подпустят – это понятно. Да и не нужна ему Кина. К доспехам бы не подпустить да к оружию...

Они еще понадобятся.

– Скорее! – вновь рыкнул ржавильщик, утрачивая остатки миролюбия.

– Ремешок запутался, – Элидор старательно дергал пряжку. – Наручи старые. Давно пора менять.

– Заодно и поменяешь, – тварь передвинулась-перетекла ближе. – А струны у девочки из чего?

– Серебряные, – буркнул Эльрик и не отказал себе в удовольствии посмотреть, как блестящий сгусток шарахнулся подальше.

– Чего пялишься? Жрать давай! – Вновь сформировавшаяся скользкая лапа потянулась к топору, и шефанго, подавив в себе инстинктивное желание врезать по ней каблуком,

швырнул ржавильщику латную перчатку.

Кина лишь коротко вздохнула, увидев, как еще в воздухе сталь рассыпается хлопьями ржавчины.

Эльрик подумал, резонно решил, что с одной рукавицы пользы все равно не будет, и бросил ржавильщику вторую. Она мгновенно исчезла.

– Еще давай! – рявкнул монстр, возбужденно меняя форму за формой.

– Да подожди ты! – Эльрик сложил возле себя наручи и наплечники. Расстегнул тяжелый боевой пояс и начал снимать кольчугу.

– Наруч давай! Второй давай! Топор давай! Ну!

– Не спеши. Все сразу и сожрешь...

Звенящей волной кольчуга стекла на землю.

– Элидор, д'вайе...²¹

– Назх²².

Шефанго кошкой метнулся через костер. Ржавильщик взвыл, когда серебряное лезвие полоснуло его расплывающуюся тушу, и сразу раздвинулись кусты справа от костра, примялась высокая трава. Но там по-прежнему никого не было видно. Никого... Хотя чувство опасности билось как птица, звенело натянутой струной.

«Нотфесх²³... Хтоническая тварь... – де Фокс, как тан-

²¹ Д'вайе (зароллаш): здесь – следы, смотри.

²² Назх (зароллаш): да.

²³ Нотфесх (зароллаш) – невидимка.

цующая змея, ушел от выстреливших в него бесформенных отростков. – Откуда?!»

Элидор взвился на ноги, вклиниваясь между нотфесхом и ржавильщиком, не давая нечисти объединиться...

– Нет! – рывкнул шефанго, вновь дотягиваясь до своего противника, заставляя его сжаться и отступить. – Твой ржавильщик!

И развернулся навстречу сминающейся под тяжелой поступью траве.

У него были шансы. Пусть небольшие, но были. Эльрик помнил нотфесхов, тварей таких же древних, как Змеи, и таких же тупых в своей силе. Они привыкли убивать, не встречая сопротивления, и вряд ли за прошедшие тысячелетия успели научиться драться с противником, который знает, с какой стороны, когда и как будет нанесен удар.

Правда, знает очень приблизительно...

До топора было уже не добраться. Да и не взяла бы нечисть простая, пусть и благородная сталь.

Эльрик де Фокс

Тело привычно вошло в ритм боя. Замедлилось время. Легкими и четкими стали движения. Атака. Защита. Контратака. Поворот. Уход. Съем.

Нотфесх шипел, когда его доставало серебряное лезвие. Где-то за спиной скрежетал ржавильщик. Такие кинжалы, как у нас с эльфом, стоили бешеных денег. И добыть их можно было только в Западных горах. Но зато какая полезная штука!

Атака! Еще! Крик от костра:

– Эльрик! Держи!

Я хватанул не глядя. Зеш-ш... Этот... Сим... Этот... гоббер... швырнул мне горящую головню. Молодец, конечно. Но ведь на мне даже перчаток нет!

Я заработал головешкой, как берсерк. Она, естественно, от этого не остыла. Скорее наоборот. Но зато и нотфесх загорелся. Надо же! У него, оказывается, есть шерсть! А загоревшись тварь стала видимой, что порадовало меня, несмотря на затруднительное положение. Я отшвырнул проклятую деревяшку. Теперь нотфесх лишь пытался защититься.

И тут сзади напал ржавильщик.

Надо отдать скотине должное, он без раздумий бросился на помощь своему напарнику. Но отдавать ему должное я собирался лишь после того, как прикончу обоих. Элидор ле-

жал без движения. Его кинжал валялся рядом. Ржавильщик и нотфесх дружно взялись за меня.

За несколько секунд боя Сим дважды спас мне жизнь. Второй раз тем, что подхватил кинжал эльфа и набросился на скользкого гада, оставив мне горящего. В полной мере у него это, разумеется, не получилось, но он хотя бы отчасти отвлек ржавильщика на себя. А когда общими усилиями мы начали наконец теснить врагов, те... растаяли в воздухе. Если, конечно, подобное выражение корректно по отношению к нотфесху. Хотя горящий нотфесх – совсем не то, что не горящий.

– Где они?! – Сим вертел головой, сжимая в руках длинный элидоров кинжал.

– Не знаю. Но не здесь – это точно.

В лесу на харрдарк²⁴ вокруг не было ничего опаснее волков.

– Они всегда... так? А?

– Н-нет. Не всегда, – это-то меня и смущало... – Но, как бы там ни было, они нас больше не беспокоят.

Сим еще разок махнул кинжалом. Повернулся к костру, где Кина пыталась убедить Элидора в том, что ему надо лежать и лечиться, и изрек:

– Слушайте, а в котелке еще чего-нибудь осталось?

Гоббер. Что с него возьмешь?

²⁴ Харрдарк (зароллаш) – мера длины, ок. 2500 м.

На следующее утро мы все чувствовали себя совершенно разбитыми. А вот лошади, отдохнув за ночь, гарцевали, грызли удила и рвались в дорогу.

Ничего, к вечеру им будет так же плохо, как нам.

Сим посмотрел на седло с ненавистью. Вдохнул. Потрогал зачем-то меч.

Может, он рассчитывал прикончить своих коней и позволить себе небольшой отдых? Размечтался! Элидор закинул его в седло. Вперед!

Через час сумасшедшей скачки мы обогнали бредущий куда-то караван.

Низенькие толстоногие лошадки шарахнулись от наших коней. И погонщики тоже шарахнулись, провожая нас испуганными взглядами. Поди пойми: то ли мы отряд разбойников, спасающихся от людей наместника, то ли, наоборот, люди наместника, опять же, спасающиеся от отряда разбойников. Сим, хоть и болтался в седле, как заяц на заборе, умудрился-таки обернуться и свистнуть не хуже сванхейнских пиратов. Мужики посыпались с подвод, как горох, и спрятались в кустах.

Впрочем, я отследил это, только оглянувшись. А через минуту каравана уже не было видно. Вперед!

Мы не делали привала. Миновал полдень. Потом солнце стало клониться к западу. Крупы и шеи наших коней покрылись пеной, когда впереди – мы сперва не поверили – показались городские стены.

– Лоска! – завопили одновременно четыре глотки. Три луженых и одна – серебряная. Тут-то и споткнулась лошадь подо мной. Я – самый тяжелый. Две другие, судя по их виду, на замену уже тоже не годились. Ну не загонять же их до смерти.

Остальные, не сразу сообразив, что случилось, пронеслись вперед. Остановились. И Сим, отменяя возражения самым своим видом, слез на землю:

– Вы как хотите. А я – как Эльрик. Он хорошо придумал. Пошли пешком.

– Ладно, – Элидор спрыгнул с коня. Снял с седла Кину. – Пешком так пешком. Заодно меньше пошлины заплатим.

Вот ведь умеет монах в любой ситуации видеть светлые стороны!

Герцогство Аквитон. Город Лоска

1

Эльрик сидел на постели, скрестив по-степняцки ноги, курил, слушал доносящиеся с улицы ночные шумы и лениво размышлял.

Размышлял он о том, хорошо или плохо, прожив среди людей целую прорву тысячелетий, остаться шефанго. Шефанго в полной мере. Не кошмарным лицом, глазами-бельмами и нечеловеческой силой, а душой и всеми формирующими душу правилами и нормами. Он давно уже убедился, что именно там, глубоко-глубоко, накрепко вросшее корнями и живет различие между населяющими мир народами. Именно там, а не во внешности.

Хотя следовало признать, что в случае шефанго внешность имела значение.

Всего два дня назад, вынужденный терпеть присутствие Элидора, Эльрик с радостью воспользовался бы любой возможностью... нет, не убить, но хотя бы доходчиво объяснить тому, где его место. Это было вполне понятно и с точки зрения смертных, и с точки зрения шефанго, да и с точки зрения эльфов, наверное, тоже. Как еще прикажете относиться к мужчине, который у вас на глазах пытается соблазнить

вашу женщину. Беда в том, что, будучи в момент их встречи в женском обличье, принц отнесся к происходящему без должного внимания, и как итог...

Итогом стала беспомощная, тоскливая, жалкая ярость.

Проигравшие не заслуживают ни жалости, ни сочувствия.

Эльрик умел проигрывать. Умел с уважением относиться к достойному противнику. Умел сам не добивать побежденного...

Но никогда не было в игре столь высоких ставок.

Он проиграл.

Эльрик улыбнулся, опустив глаза. Выдохнул дым.

Он был шефанго. Наверное, это все-таки хорошо.

Потому что только шефанго знают всю глубину и важность трех, всего трех коротких слов: «Несс х'геррсе арро». Они живут с этим от рождения. И уходят, если приходится уходить, не забыв.

«Несс х'геррсе арро».

Не закон. И даже не традиция.

Образ жизни.

Как раз то, что живет глубоко в душе, что является частью души, высокой истиной, тем, что определяет твой Путь:

«Несс х'геррсе арро» – «Мы дрались вместе».

Вот так вот просто, обыденно, незначительно звучало это на человеческом языке. Но перед этой простотой теряло значение все остальное. Любовь. Ненависть. Радость. Горе. Ярость. Страх. Того, кто дрался вместе с ним, Эльрик не пре-

давал. Он никогда не бросил бы исманов Нафиза в ту безнадежную драку, если бы хоть кто-то из них вмешался в его бой со Змеем. Он уходил от драки, если ему бросали вызов те, кто когда-то сражался с ним плечом к плечу. Он...

Он дрался вместе с Элидором.

Нет, один-единственный бой ничего особо не менял. И никуда не делась неприязнь. И сознание того, что без сопровождения двух монахов слишком рискованно было бы везти Кину через анласитские земли, отнюдь не улучшало настроения. И уж, конечно, то, что Кина...

Кина...

Эльрик рассматривал паутинную кисею дыма, зависшую под беленым потолком.

Казалось бы, за бесконечные века можно научиться не доверять, подозревать в предательстве, предавать самому, наконец. Чему-то он действительно научился. А вот вытравить из сознания твердую убежденность, что не станет врагом тот, кто прикрывал в бою твою спину, так и не смог.

Сим и Элидор. Боевые монахи...

«Когда-то это называлось «оперативники», оперативные агенты... – неожиданно вспомнил Эльрик. – Или... будет называться. Если будет».

Люди, работающие на орден, страшнее которого, если говорить о реальной силе, а не о голой боевой мощи, де Фокс не знал. Он сам, при всей своей самоуверенности и безграничном нахальстве, никогда не переходил дорогу Белому Кре-

сту. Хотя бы потому, что понял однажды – от этих не спастись. Предубежденность против ордена сложилась давно, значительно раньше, чем появилась ненависть к Бичам Божьим. Эльрик не зря именовал монахов Белого Креста боевыми крысами. Именно на крыс они и походили. Коварные, изощренные в самых невероятных хитростях, живучие, беспринципные, способные на любое преступление... во имя идеи.

Да. В Белом Кресте работали не за деньги, не за престиж и уж тем более не за славу – слава как раз была бы лишней. Там даже веру не ставили превыше всего... Идеей, смыслом существования Белого Креста было служение. Святому Огню и Церкви. Монахи ордена грешили иногда так, что сам Хранитель не взялся бы отмаливать их грехи, но частенько лишь благодаря этим грешникам Хранитель избегал внезапной кончины, сам об этом не подозревая.

Боевые крысы.

Можно было научиться не доверять. Подозревать. Предать самому. Предать он научился. Но так и не разучился верить.

«Несс х'геррсе арро» по отношению к монахам Белого Креста было смешно и неуместно, однако выбирать Эльрик не мог. Никто из шефанго не смог бы.

«Им всем одна дорога – к акулам, – очень убедительно сказал он себе. – Добраться бы до Эллии, отсидеться там, пока не закончится заварушка, соблазнить за это время Кину...

А ее ненаглядный эльф, скорее всего, сдохнет где-нибудь, выполняя дурацкие задания своего дурацкого ордена...»

Если бы не Элидор и не Сим, если бы не их помощь вчера в лесу, ржавильщик и нотфесх могли бы замечательно поужинать. Один оружием и доспехами. Второй – Эльриком.

И Киной.

Ненормальная спешка, бешеная скачка, едва не загнанные лошади.

Все это не было чем-то из ряда вон. Не однажды приходилось так же лететь, мчаться, не жалея ни себя, ни коней, выполняя приказ или спеша кому-то на помощь, или...

«Даже к женщинам иногда приходилось поторопиться...»

Но для него это было забавой. Обычно – забавой. Коротким мгновением в бесконечности жизни.

Почему не поработать на кого-нибудь достойного интереса и внимания? Особенно если точно знаешь, что тот, кто приказывает тебе, умрет через несколько десятков лет. Он – умрет. Ты – останешься. И в те дни, когда ровным счетом нечем будет заняться, тебе найдется о чем вспомнить, о чем погрустить и над чем посмеяться...

Для Сима с Элидором все было иначе.

А как? И почему? И зачем им это?

Кто-то отсиживается в безопасном укрытии. А кто-то в это время делает все, чтобы укрытие было действительно безопасным.

«Я не знаю, насколько хороши эти двое монахов, – Эль-

рик снова прокручивал в памяти бой с нечистью. Деталь за деталью. Каждое мгновение, которое он успел увидеть, но не успел тогда осознать. – Не знаю. Знаю только, что я круче их обоих вместе взятых. И меня не касаются их дела и их заботы. Меня не волнует, будут они живы или погибнут, когда распрощаются с нами. Главное, чтобы их черно-белые плащи послужили прикрытием мне и Кине, пока едем мы через анласитские земли... Ты понял, эрте Анго?! – рыкнул он сам на себя. – Это не твоя война!.. И вообще, спать пора. – Насильно переводить размышления в другое русло он умел в совершенстве, освоил эту науку, вынужденный схватываться со зверем в собственной душе. – Через два дня мы будем в Аквитоне. А там... посмотрим».

Кина вертелась перед зеркалом, совершенно позабыв про остывающий на столе завтрак:

– Нет, Эльрик, тебе правда нравится? По-моему, к такому воротнику нужна другая прическа, не думаешь? Но с другой волосы растреплются – скачем как бешеные. Лошадей жалко.

Эльрик жевал мясо, кивал в нужных местах и время от времени вставлял необходимые замечания. Диалог их был скорее монологом Кины, но какой-то собеседник ей все же требовался.

– Думаешь, Элидору понравится?

Эльрик согнул в пальцах вилку. Разогнул обратно и бросил оценивающий взгляд на девушку. Тусклое зеркало искажало отражение до совершенно неузнаваемого вида и не позволяло Кине увидеть себя во всей красе. Но Эльрик-то видел ее отнюдь не в зеркале.

Эльфийка нарядилась в новый дорожный костюм из мягкой замши, заявив, что старый провонял лошадиным потом и вообще истрепался. Эльрик ни с тем, ни с другим не спорил и весь вчерашний вечер, пока монахи объясняли хозяину гостиницы, кто тут главный, они с Киной бродили по лавкам, где эльфийка придирчиво выбирала себе наряд. Увы, времени шить костюм на заказ, как делают все нормальные люди, у

них не было. В конце концов, заявив, что ничего приличного в Лоске все равно не купить, Кина остановилась на чем-то, пошитом, судя по всему, на стройного мальчика, и пошитом очень неплохо. А сегодня утром явилась пред строгие очи шефанго, чтобы узнать его мнение.

Эльрик мнение выразил коротким, но многозначительным присвистом.

В черно-голубой куртке с широким отложным воротником и заправленных в мягкие сапожки брюках тех же цветов эльфийка выглядела сногшибательно.

– Я, конечно, предпочитаю женщин в юбках, – отметил де Фокс. – Но сейчас склонен признать, что в брючных костюмах есть определенный шарм.

– Как ты временами мудрено выражаешься, – Кина фыркнула и принялась вертеться перед зеркалом. Занималась она этим не меньше четверти часа, пока, коротко постучав, Сим не просунул в дверь голову.

Лицо у гоббера было осунувшимся, но сияющим и наглым.

– А мы лошадей найти не можем! – торжествующе сообщил он. И заорал в коридор: – Элидорчик! Она здесь... В смысле, они здесь. Эльрик тоже!

Эльф что-то неразборчиво рявкнул. Скорее всего, выругался. Сим прислушался. Кивнул и вновь заорал:

– Они нас позавтракать вместе приглашают! Да! Иди сюда! – Он уставился на Эльрика круглыми глазами: – Ты ведь

приглашаешь, да? О, Кина, потрясающе выглядишь. Мне нравится. Правда, говорят, что у меня совсем нет вкуса.

Прежде чем ему успели ответить, Сим исчез и вернулся через минуту, волоча огромный поднос с завтраком:

– Эльрик, можно я на твоей кровати есть буду? Понимаешь, с детства привык есть лежа. Да-да. Бывало, пожарит матушка гуся, кстати, я ведь не рассказывал вам про мою покойную матушку, великая была мастерица жарить гусей, ну и разводить, конечно, тоже, у нас гусятник был всей округе на зависть, крыша, между прочим, не соломенная, а дранкой крытая, отец на это...

– Сим! – рыкнул Элидор, появляясь в комнате.

– Аюшки? – Сим действительно улегся на кровать, поставив перед собой поднос. – Элидорчик, ты чего? А я твой завтрак сюда принес. А ты его потерял, да? Ну, понимаешь, я подумал, что негоже такому представительному мужчине, как ты, таскать подносы с завтраком, как какому-нибудь гостиничному мальчику. Ты ведь у нас не гостиничный вовсе...

– Мальчик, – мурлыкнул Эльрик, не удержавшись.

И даже Сим заткнулся. В наступившей, нехорошей какой-то тишине эльф повернулся к Кине. Взял ее за руку и осторожно, нежно поцеловал тонкие пальцы.

Кина неуверенно улыбнулась, но руку не отняла. И вместе с Элидором прошла к столу.

Элидор

Война – войной, а старые связи – старыми связями.

– Понимаешь, Элидор, запретил нам герцог продавать лошадей – войны ждет, – Лога был тих и грустен.

Я тоже был тих, но грустить и не думал:

– Кто говорит о продаже? Ты мне их так отдашь.

– Ну, знаешь ли... – вскинулся поставщик гвардейского кавалерийского полка его светлости герцога Аквитонского Лога Валис.

– Не знаю. И знать не хочу. Мне нужны лошади. Ты мне их дашь. Вопросы есть?

Валис мрачно посмотрел на меня. Я ответил ему лучезарной улыбкой. Три года назад я помог ему выпутаться из очень грязной истории, поручившись в том, что он чист, аки голубь. Голубем он не был, но и тех гадостей, в которых его обвиняли, он не делал. Он мог воровать, и занимался этим постоянно; он мог надувать всех в округе, и это за ним тоже водилось; но участвовать в молении Мраку он не мог. Так что тогда я ему помог. А сейчас он поможет мне. И оба мы прекрасно это понимали.

– Сколько тебе нужно лошадей?

– Двенадцать.

– Сколько?! – Лога подпрыгнул на стуле.

– Двенадцать, Лога, двенадцать. И через полчаса. Если это

для тебя слишком убыточно, то скажи, сколько денег мне нужно будет привезти при следующем посещении Лоски.

– Какие деньги? Ладно. Куда лошадей-то доставить?

– Постоялый двор «Черный палец».

– Будут.

– Спасибо, Лога, – я поднялся. – До свидания.

– Пока, – уныло ответил Валис.

Часов в восемь утра, когда солнце уже ощутимо пригревало, разогнав с неба все предутренние облака, Эльрик и монахи седлали коней.

Проходящие через просторный гостиничный двор постылыцы удивленно косились на лошадей, пытаясь сообразить, что за отряд кавалеристов остановился здесь на отдых и как они этот отряд умудрились не заметить.

Косились.

Но виду не подавали.

Лошади фыркали и нетерпеливо переступали копытами.

– Где вы их раздобыли, Элидор? – Эльрик задумчиво рассматривал армейские клейма на холках высоких, сильных кобыл. – Сим утром говорил, что с лошадьми проблемы.

– Слушай, давай на «ты», – эльф поморщился, недовольно взглянув на солнце. – Меня уже воротит с этой вежливости.

– Ничего удивительного, с непривычки-то, – де Фокс встряхнул вальтрап и, предупреждая ответную гадость, сказал: – Ладно. Можно попробовать. Так где ты добыл лошадей?

– Взял, – Элидор пожал плечами. – У поставщика гвардейского кавалерийского полка его светлости герцога Аквитонского.

– На интендантскую сволочь ты вроде не тянешь, – ше-

фанго склонил голову, разглядывая монаха. — Во всяком случае, на местную интендантскую сволочь. Как же ты умудрился? Да еще перед войной.

— А ты про магию голоса знаешь? — ухмыльнулся эльф. — Хотя, конечно, где тебе! Ну, может, хоть слышал когда?

— Угу, — неопределенно ответил Эльрик. — Слышал. Теперь склонен поверить.

Кина появилась во дворе, неся в руках арбалет. С виду крошечный и несерьезный, больше похожий на красиво изукрашенную игрушку.

— Ты где это взяла? — де Фокс глянул на арбалет. На Кину. Снова на арбалет.

— Элидор подарил. Сказал, что это дамский. Здесь дамы с такими охотятся.

— Дамский-то он дамский... — Эльрик затянул последнюю подпругу. Посмотрел на Элидора.

— Пригодится, — лаконично объяснил монах, не дожидаясь вопроса.

— Она пузо надувает! — разъяренно взвыл Сим, который все еще возился с первой из своих лошадей. Эльрик и Элидор развернулись к гобберу одновременно. Не говоря ни слова, эльф саданул кобылу кулаком в живот, и тут же Эльрик затянул жесткие ремни.

Лошадь разочаровано вздохнула и попыталась укунить Сима за ухо. Тут уж гоббер и сам не оплошал, хлопнул четвероногую тварь по морде, подумал... и показал язык. Длин-

ный и розовый.

Лошадь вздохнула еще раз.

– В следующий раз сам кусай, – совершенно серьезно посоветовал Элидор.

– Издеваешься? – обиделся Сим.

– Как можно? Спроси вон у Эльрика, могу поспорить, он всегда так делает.

Де Фокс не успел и слова сказать, как Сим брякнул сердито:

– Конечно. У него зубы вон какие. Как у слона. А я-то маленький.

– Как у слона... – оценивающе повторил Элидор. – В этом что-то есть.

Эльрик молча посадил Кину в седло. Вскочил на лошадь сам. Помог эльфийке пристроить у седла ее арбалет, и, не дожидаясь монахов, они с Киной выехали в распахнутые ворота.

По улицам уже вовсю шнырял народ. Стража, приказчики, проходимцы. Люди расступались, давая дорогу удивительной кавалькаде из четырех всадников и двенадцати лошадей. Хозяин гостиницы осторожно выглядывал в окно, дабы убедиться в том, что неприятные его постояльцы действительно уезжают. Иметь дело с Белым Крестом – себе дороже. Но попробуй не иметь с ним дела, если монахам приходит в голову остановиться именно в лучшей гостинице города.

Через западные ворота текла бесконечная человеческая река. Отдельным руслом шли возы – спешили на базар припозднившиеся крестьяне. Равнодушные волы, налегающие грудью на ярмо, роняли на мостовую смачные лепехи. Одинокий всадник, теряющийся в этом людском потоке, с трудом удерживал нервничающего коня, осторожно пробираясь к распахнутым створам.

Когда небольшой отряд подъехал ближе, установившийся в воротах порядок движения нарушился и сбился, потому что ни Эльрик, ни Элидор не пожелали становиться в хвост медлительной очереди и пустили лошадей напрямик, разве что не по головам, и то лишь потому, что у людей хватало ума шарахнуть в сторону.

Какой-то нищий вывернулся из-под самых копыт. Погро-

зил клюкой, очень резво отбегая подальше. И тут лошадь под эльфом споткнулась и захромала, неловко припадая на переднюю ногу.

– Штезаль! – монах от души шарахнул кулаком по луке седла. Кобыла дернула ушами.

– Ты о ком? – в голосе Эльрика прозвучало такое изумление, что Элидор и сам на всякий случай удивился.

– О Валисе, о ком же еще, – буркнул он, спешиваясь. – Сплавил клячу – на живодерню краше отводят, да еще и плохо подкованную.

Игнорируя недовольные взгляды стражников в воротах и сдержанные ругательства горожан, вынужденных обходить неожиданное препятствие, эльф заставил лошадь поднять ногу.

– Дерьмо. Придется искать кузнеца.

– Два квартала по улице Кожевников. Третий перекресток. Направо, – тут же сообщил де Фокс. – Ты поезжай. Мы подождем вон там, в кабачке.

Эльф, который явно подумывал свалить поиски кузнеца на самого де Фокса или на Сима, мрачно взобрался на свою вторую кобылу.

– Не упейтесь там. Сим, присмотришь?

– Конечно.

Гоббер тут же использовал возможность пройтись пешочком. И вся компания отправилась в замеченный Эльриком кабак.

– М-да... – поморщился де Фокс, когда увидел заляпанную грязью вывеску. – Опять какая-то дрянь.

– А что, – не понял Сим, – «Бычья печенка». По-моему, здорово. А на тебя не угодишь. То тебе «Оранжевая Устрица» не нравится. То «Черный палец» не угодил. Теперь вот «Печенка» опять же.

– Что ты там говорил о своем вкусе? – Эльрик помог эльфийке спрыгнуть на землю.

– Да ладно! – Сим ни капли не смутился. – Мне вон и Кина нравится. По-моему, она нисколько не хуже бычьей печенки. Разве не так?

И де Фокс не нашел, что ответить.

Эльрик де Фокс

Лошадей – к коновязи. Мальчику – серебряный, чтоб при-
смотрел. У мальчика глаза на лоб полезли, когда он наш та-
бун увидел, так что обойтись медяком мне совесть не позво-
лила.

Я вошел в кабак первым, Кина пристроилась у меня за
спиной. Сим замыкал шествие.

А в длинном, изрядно прокопчённом и дурно пахну-
щем зале пьянствовали орки. Семеро. Вооруженные, как ни
странно. Кольчуги новые, но мечи вызубрены...

Орки??!

Да что же такое творится на белом свете?! Что я упустил,
отдыхая в гостеприимном Удентале?

В человеческом городе. В анласитском, замечу, городе,
эта нечисть чувствует себя как дома. И кабатчик лебезит пе-
ред ними, бросая недовольные взгляды в сторону появив-
шихся эльфов.

Мы прошли через зал. Мимо нескольких сдвинутых вме-
сте столов, за которыми расположилось орочье. Выбрали ме-
сто почище, да так, чтоб вид получше (в смысле, чтоб за все-
ми этими ублюдками следить можно было) и чтоб стена за
спиной.

– Эй, толстый! «Звездный водопад»!

– Да шевели лапами!

Последнее добавила Кина. Ну девочка... Это-то она от кого услышала?

Кабатчик заметался между орками, которых боялся, и нами – нас он тоже испугался. И, в общем-то, было за что. Он выбрал наконец, когда разглядел мой топор. Но когтистая черная лапа ухватила его за подол рубашки:

– Гони к хренам этих недоносков!

– Кого ты здесь называешь недоносками, мразь поиметая?! – взъерилась эльфиечка. Мне плохо стало, когда я это услышал. А Сим – хоть бы что! Еще и поддержал ее нечленораздельным, но очень возмущенным воплем.

Кажется, он рвался в драку. Похоже на то, что инстинкт самосохранения у него давно и напрочь атрофировался. Хотя, может быть, Сим просто не хочет садиться. Скамья-то жесткая.

Тийсаш дайз Сим²⁵, его всегда можно за шкуру придержать. Но орки... Может, здесь, конечно, принято теперь так, в Лоске в этой...

²⁵ тийсаш дайз Сим (зароллаш): примерно можно перевести, как «акулы с Симо», то есть, «наплевать на Сима».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.